НАУКА РУССКОГО МИРА

научный журнал

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРА

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

КУЛЬТУРА

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

ИСТОРИЯ НАУКИ

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

№6-2025

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «НАЧАЛА РУССКОГО МИРА»

Издание ориентировано на публикацию научных изысканий в таких сферах научного знания, как языкознание (филология), всеобщая история, отечественная история (история Российского государства на разных этапах его развития), теория литературы и текстология, культурология и история мировой культуры.

В частности, филологическая тематика представлена в издании работами, раскрывающими проблематику современной лингвистики и лингвокультурологии, а также теории и истории языка; исследований в области литературоведения, теории и истории отечественной и зарубежной литературы, изучения и взаимовлияния литературных и культурных традиций; совершенствования педагогического мастерства и образовательных технологий в школе и вузе; методики преподавания иностранных языков; теоретических и прикладных аспектов изучения речевой деятельности, языка и культуры, способов анализа художественного текста; практики перевода, а также дидактических аспектов переводческой деятельности.

В области культурологии и искусствоведения тематика работ может быть связана с изучением культурологических воззрений, культуро- и антропогенеза, эволюции и типологии культурных форм, механизма формирования систем культурных ценностей, а также выявления роли культурного наследия в жизни общества (в том числе с учетом национального своеобразия и исторического контекста) и т. д.

В части исторических исследований проблематика очерчивается широким кругом вопросов, касающихся анализа различных периодов мировой и отечественной истории, становления и развития цивилизационных форм, эволюции международных отношений, роли личности в истории, генезиса социальных процессов и политической культуры и пр.

Проблемы истории и теории литературы и искусства раскрываются через анализ всего спектра разновидностей духовной деятельности человека (религиозной, философской, художественной), изучение поэтики художественных произведений (стиля и техники автора), выявление специфики художественного метода, жанрового своеобразия отдельных авторов и художественных школ на различных этапах исторического развития мирового искусства.

Читательская аудитория: представители академической науки – вузовских научных школ, профессорско-преподавательского состава и научно-исследовательских учреждений, независимые исследователи, молодые ученые (в том числе, аспиранты, соискатели, магистранты), а также студенты вузов и средних специальных учебных заведений России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Тексты статей, поступающие в редакцию от авторов, проходят научное рецензирование и в обязательном порядке проверяются на наличие недобросовестного научного цитирования, а также самоцитирования в программной среде «Антиплагиат».

Журнал «НАЧАЛА РУССКОГО МИРА» издается с 2011 года.
Периодичности издания: ВОСЕМЬ раз в год.

Учредитель: Тихонова Жана Сергеевна

Издатель: ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «РОСТПОЛИГРАФ»

Адрес издательства: 105187 г. Москва, ул. Вольная д. 28/4 к.1

Типография: Индивидуальный предприниматель Тихонова Жанна Сергеевна, ИНН 615108078357, ОГРНИП 322619600168289

Адрес типографии: 346715, РОССИЯ, обл РОСТОВСКАЯ, р-н АКСАЙСКИЙ

ISSN электронного сетевого издания 3034-1337

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия Эл № ФС77-87087 от 01 апреля 2024 г.

Зарегистрировано: ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ, ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ (РОСКОМНАДЗОР)

Языки: Русский, английский

НАПРАВЛЕНИЯ И РУБРИКИ ЖУРНАЛА

- Русский язык. Языки народов России (филологические науки).
- Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологическиенауки).
- Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).
- Исторические исследования.
- Литература.
- Культурология.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА

Лаврикова Ирина Николаевна
Доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор кафедры правовой и гуманитарной подготовки Тверского филиала МосУ МВД России им. В.Я. Кикотя (Москва)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Альбеков Нурвади Насруддинович
Доктор филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков и международной коммуникации Чеченского государственного педагогического университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акчурина-муфтиева Нурия Мунировна
Доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств АРК, Лауреат Государственной премии РК, профессор кафедры Декоративного искусства, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет»

Абжалова Манзура Абдурашетовна
Доктор филологических наук, доцент, Ташкентский государственный университет узбекского языка и литературы имени Алишера Навои

Андриевская Светлана Владимировна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры технологии и методики преподавания Учреждения образования "Полоцкий государственный университет" (Республика Беларусь)

Билялова Альбина Анваровна
Заведующая кафедрой, доктор филологических наук (профессор), член диссертационного совета КФУ.10.03, эксперт Аттестационной комисси КФУ по гуманитарному направлениюНабережночелнинский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Голикова Татьяна Александровна
Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и издательского дела, РОСНОУ, член союза переводчиков России

Джелилов Ахтем Алиевич
Академик, профессор, доктор филологических наук. Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Долгополова Лилия Анатольевна

Заведующий кафедрой немецкой филологии Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым "Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова", доктор филологических наук

Дударева Марианна Андреевна,

доктор культурологии, доктор филологических наук, профессор РГПУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

Зяблова Ольга Александровна

Доктор филологических наук, профессор, Дипломатическая академия МИД России

Иванян Елена Павловна

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Самарский государственный социально-педагогический университет". Действительный член Международной академии наук педагогического образования, продолжатель научной школы П. А. Леканта, автор «Словаря эвфемизмов русского языка», специалист в области семантики и прагматики языковых единиц, теории эвфемии русского языка

Кремшокалова Марина Чафленовна

Доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино – Балкарского государственного университета им. Х.М.Бербекова

Кудинова Таисия Анатольевна

Доктор филологических наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет, профессор кафедры педагогики; Луганский государственный педагогический университет, профессор кафедры романо-германской филологии

Лелис Елена Ивановна

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций, Северо-Западный институт управления РАНХиГС (г. Санкт-Петербург)

Мапельман Валентина Михайловна

Профессор Московского городского педагогического университета (профессор, доктор философских наук)

Минералова Ирина Георгиевна

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX-XXI веков, Московский педагогический государственный университет (Москва)

Павлова Елена Касимовна

Доктор филологических наук, доцент, кафедра английского языка для гуманитарных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения, доцент, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

Похилько Александр Дмитриевич

Доктор философских наук, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет»

Семенова Елена Михайловна

доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и переводоведения Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики

Сложеникина Юлия Владимировна

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологии, Университет «Синергия» (Москва)

Соловьев Владимир Михайлович

Историк, культуролог, доктор исторических наук, профессор, специалист по отечественной истории и культуре, профессор кафедры мировой культуры в Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ), является ассоциированным сотрудником Социологического института РАН и сотрудником Международного центра изучения русской философии при Институте философии Санкт-Петербургского университета

*****

EDITOR-IN-CHIEF

Lavrikova Irina Nikolaevna
Doctor of Cultural Studies, Candidate of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Legal and Humanitarian Training of the Tver Branch of the Moscow State University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot (Moscow)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Albekov Nurvadi Nasruddinovich
Doctor of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Foreign Languages and International Communication of the Chechen State Pedagogical University

EDITORIAL BOARD

Akchurina-muftieva Nuriya Munirovna
Doctor of Art History, Professor, Honored Artist of the Republic of Crimea, Laureate of the State Prize of the Republic of Kazakhstan, Professor of the Decorative Arts Department, Crimean Engineering Pedagogical University

Abzhalova Manzura Abdurashetovna
Doctor of Philology, Associate Professor, Tashkent State University of Uzbek Language and Literature named after Alisher Navoi

Andrievskaya Svetlana Vladimirovna
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Technology and Teaching Methods of the Polotsk, State University Educational Institution (Republic of Belarus)

Bilyalova Albina Anvarovna
Head of the Department, Doctor of Philology, professor, member of the Dissertation Council of KFU.10.03, expert of the KFU Attestation Commission for the Humanities, the Berezhnochelninsky Institute (branch), Kazan (Volga Region) Federal University

Golikova Tatiana Aleksandrovna
Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Publishing, ROSNOU, Member of the Russian Translators' Union

Dzhelilov Akhtem Aliyevich
Academician, Professor, Doctor of Philology. Institute of Media Communications, Media Technologies and Design, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Dolgopolova Lilia Anatolyevna
Head of the Department of German Philology of the Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Doctor of Philology

Dudareva Marianna Andreevna
Doctor of Cultural Studies, Doctor of Philology, Professor of the Kosygin Russian State Pedagogical University (Technology. Design. Art)

Zyablova Olga Alexandrovna
Doctor of Philology, Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Ivanyan Elena Pavlovna
Doctor of Philology, Professor, Professor of the Russian Language Department, Culture of Speech and Methods of teaching them, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Samara State Socio-Pedagogical University". Full member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, a follower of the scientific school of P. A. Lekant, the author of the Dictionary of Euphemisms of the Russian Language, a specialist in the field of semantics and pragmatics of linguistic units, the theory of the euphemism of the Russian language.

Kremshokalova Marina Chaflenovna
Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics of Kabardino – Balkarian State University named after H.M. Berbekov

Kudinova Taisiya Anatolyevna
Doctor of Philology, Associate Professor, Rostov State Medical University, Professor of the Department of Pedagogy; Lugansk State Pedagogical University, Professor of the Department of Romano-Germanic Philology

Lelis Elena Ivanovna
Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Journalism and Media Communications, Northwestern Institute of Managemen

Mapelman Valentina Mikhailovna
Professor, Doctor of Philosophy, professor of the Moscow City Pedagogical University

Mineralova Irina Georgievna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature of the XX-XXI centuries, Moscow Pedagogical State University (Moscow)

Pavlova Elena Kasimovna
Doctor of Philology, Associate Professor, Department of English for the Humanities, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University

Pokhilko Alexander Dmitrievich
Doctor of Philosophy, Professor of the Philosophy, Law and Social Sciences and Humanities Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Armavir State Pedagogical University"

Semenova Elena Mikhailovna
Doctor of Philology, Professor of Linguistics and Translation Studies Department at St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

Slozhenikina Yulia Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology, Synergy University (Moscow)

Solovyov Vladimir Mikhailovich
Historian, cultural scientist, Doctor of Historical Sciences, Professor, specialist in Russian history and culture, Professor of the Department of World Culture at Moscow State Linguistic University, is an associate fellow at the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences and an employee of the International Center for the Study of Russian Philosophy at the Institute of Philosophy of St. Petersburg University

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

Лыкова Наталия Николаевна, Гасанова Валентина Тимофеевна, Андрейченко Оксана Ивановна
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ В ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ (ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) **14**

Шкарин Дмитрий Леонидович, Наумова Елена Владимировна
«РУССКИЙ ХАРАКТЕР» КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД В РИТМОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ **25**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Целыхова Елизавета Константиновна
ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ ПАВЛОВНА (СТАРШАЯ): НЕМЕЦКАЯ ДИАНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ОХОТЫ **34**

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РФ

Лу Дунлян
ВЛИЯНИЕ «ЦАРЯ-РЫБЫ» ВИКТОРА АСТАФЬЕВА НА ПОСТРОЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЧИ ЦЗЫЦЗЯНЬ **43**

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

Касонина Юлия Александровна
ТИПЫ ВСТАВОК АНГЛИЙСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ПОТОК РУССКОЙ РЕЧИ **52**

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Воскресенская Наталья Александровна, Козлова Анастасия Алексеевна
ИМАГОТЕМА «ЖЕНА ДЕКАБРИСТА» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПУТЕШЕСТВИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ «ВОСПОМИНАНИЙ ПОЛИНЫ АННЕНКОВОЙ», РОМАНА А. ДЮМА «LE MAÎTRE D'ARMES» И РОМАНА И. ФРЕН «JE TE SUIVRAI EN SIBÉRIE») **59**

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Аракелян Нина Сергеевна, Зайцева Анна Эдуардовна
ПРОЯВЛЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ Э.М. РЕМАРКА **66**

Ачаева Марина Сергеевна, Поспелова Надежда Владимировна, Субботина Наталья Сергеевна
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГНЕЗДА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ПУСТОЙ / EMPTY: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ **72**

Брагина Эльмира Раясовна
ГЕРМАНИЗМЫ В РУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ **77**

Кудинова Таисия Анатольевна
УЧЁТ СМЫСЛОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КОНФЛИКТОГЕННОГО ТЕКСТА КАК ВЕКТОР ИСТИНЫ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ **84**

Мандик Вероника Александровна
КОНСОНАНТНАЯ ДИСТРИБУЦИЯ ГЛУХОГО ВЗРЫВНОГО [К] В БЕЛОРУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ **92**

Павлова Елена Касимовна
МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД КАК ИСТОЧНИК КОГНИТИВНОЙ ДИСГАРМОНИИ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ **100**

Селезнева Ольга Николаевна
ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ НЕОЛОГИЗМОВ **107**

Шестакова Екатерина Владимировна, Исаева Лилия Расиховна
СПЕЦИФИКА УСВОЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ЛАОССКИМИ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ **115**

*****

CONTENT

THEORY AND HISTORY OF CULTURE AND ART

Lykova Natalia Nikolaevna, Gasanova Valentina Timofeevna, Andreichenko Oksana Ivanovna
THEORETICAL UNDERSTANDING OF THE SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION OF YOUTH IN THE ORTHODOX PEDAGOGICAL TRADITION (VALUE ORIENTATIONS AS A CULTURAL ASPECT) **14**

Shkarin Dmitry Leonidovich, Naumova Elena Vladimirovna
THE "RUSSIAN CHARACTER" AS A CIVILIZATIONAL CULTURAL CODE IN THE RHYTHMOLOGICAL ASPECT **25**

RUSSIAN HISTORY

Tselikhova Elizaveta Konstantinovna
GRAND DUCHESS MARIA PAVLOVNA (THE ELDEST): GERMAN DIANA OF THE RUSSIAN IMPERIAL HUNT **34**

RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Lu Dongliang
THE INFLUENCE OF VICTOR ASTAFIEV'S "THE FISH KING" ON THE CONSTRUCTION OF CHI ZIJIAN'S ECOLOGICAL LITERATURE **43**

RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Kasonina Julia Alexandrovna
TYPES OF ENGLISH ELEMENTS INSERTED INTO THE RUSSIAN SPEECH STREAM **52**

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

Voskresenskaya Natalia Alexandrovna, Kozlova Anastasia Alekseevna
THE "WIFE OF THE DECEMBRIST" IMAGOTHEME IN FRENCH TRAVEL LITERATURE (BASED ON THE MEMOIRS OF POLINA ANNENKOVA, THE NOVEL BY A. DUMAS "LE MAÎTRE D'ARMES" AND THE NOVEL BY I. FRENCH "JE TE SUIVRAI EN SIBÉRIE") **59**

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE

Arakelyan Nina Sergeevna, Zaitseva Anna Eduardovna
THE MANIFESTATION OF COMMUNICATIVE TOLERANCE IN THE LITERARY TEXTS OF E.M. REMARQUE **66**

Achaeva Marina Sergeevna, Pospelova Nadezhda Vladimirovna, Subbotina Natalia Sergeevna
WORD-FORMATION NESTS OF ADJECTIVES EMPTY: STRUCTURAL-SEMANTIC AND LINGUISTIC-CULTURAL ASPECT **72**

Bragina Elmira Rayasovna
GERMANISMS IN RUSSIAN ECONOMIC TERMINOLOGY: ETYMOLOGICAL ANALYSIS AND HISTORICAL PERIODIZATION **77**

Kudinova Taisiya Anatolyevna
CONSIDERATION OF SEMANTIC FEATURES OF A CONFLICTOGENIC TEXT AS A VECTOR OF TRUTH IN LINGUISTIC EXPERTISE **84**

Mandik Veronika Alexandrovna
CONSONANT DISTRIBUTION OF A DEAF EXPLOSIVE [K] IN THE BELARUSIAN LITERARY LANGUAGE **92**

Pavlova Elena Kasimovna
MACHINE TRANSLATION AS A SOURCE OF COGNITIVE DISHARMONY IN RUSSIAN-CHINESE POLITICAL DISCOURSE **100**

Selezneva Olga Nikolaevna
THE RELATIONSHIP BETWEEN LANGUAGE AND THINKING ON THE EXAMPLE OF NEOLOGISMS **107**

Shestakova Ekaterina Vladimirovna, Isaeva Lilia Rasikhovna
THE SPECIFICS OF THE ACQUISITION OF RUSSIAN BY LAO MILITARY PERSONNEL AT THE INITIAL STAGE OF TRAINING **115**

*****

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

УДК 81

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ В ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ (ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Лыкова Наталия Николаевна
Кандидат культурологии, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского Филиала Российского Государственного университета Правосудия им. В.М. Лебедева
г. Симферополь, Российская Федерация

Гасанова Валентина Тимофеевна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского Филиала Российского Государственного университета Правосудия Им. В.М. Лебедева
г. Симферополь, Российская Федерация

Андрейченко Оксана Ивановна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского Филиала Российского Государственного университета Правосудия им. В.М. Лебедева,
г. Симферополь, Российская Федерация

В настоящее время формирование духовно-нравственного воспитания у молодежи приобретает особое значение. Расслоение российского общества, а также дегрессия роли православных культурных ценностей привели к девальвации их в сознании юношества, деинтеллектуализации молодого поколения, замена аутентичных канонов и нравов, формировавшихся веками мнимыми. Выросло целое поколение, лишенных корневых устоев, место которых заняли инородные образцы́ массовой культуры. В статье рассматривается проблематика традиционного духовного и нравственного воспитания как одна из форм развития личности в православной педагогике. Актуальность данного исследования в осмыслении духовно-нравственного функционирования юношества с позиций интегративно-педагогической деятельности, которая определяется значительными проблемами воспитания молодежи в православной традиции. Для более полного раскрытия картины осмысления духовно-нравственного воспитания молодежи в православной педагогической традиции материал представляет опыт отечественных богословов и представителей религиозно-идеалистической философии. Так же представлены формы и методы трансляции православных воспитательных ценностей в работе с современной молодёжью, оказавшейся на духовном распутье.

Ключевые слова: осмысление, менталитет, духовно-нравственное воспитание, ценностные ориентации, православная педагогическая традиции, инкультурация, Священное Писание, Священное Предание, христианские богословы, христианский гуманизм.

THEORETICAL UNDERSTANDING OF SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION OF YOUTH IN THE ORTHODOX PEDAGOGICAL TRADITION (VALUE ORIENTATIONS AS A CULTURAL ASPECT)

Lykova Nataliya Nikolaevna
Candidate of Cultural Studies, Associate Professor
of the Department of Humanities and Socio- Economic Disciplines
of the Crimean Branch of the Russian Lebedev State University of Justice,
Simferopol, Russian Federation

Gasanova Valentina Timofeevna
Candidate of Philology, docent
of the Crimean Branch of the Russian Lebedev State University of Justice,
Simferopol, Russian Federation

Andreychenko Oksana Ivanova
Candidate of Philology, docent,
of the Crimean Branch of the Russian Lebedev State University of Justice,
Simferopol, Russian Federation

At present, the formation of spiritual and moral education of young people is of particular importance. The stratification of Russian society, as well as the degression of the role of Orthodox cultural values, have led to their devaluation in the minds of young people, deintellectualization of the younger generation, replacement of authentic canons and morals that have been formed over centuries with imaginary ones. A whole generation has grown up deprived of their root foundations, whose place has been taken by foreign examples of mass culture. The article considers the problems of traditional spiritual and moral education as one of the forms of personality development in Orthodox pedagogy. The relevance of this study in understanding the spiritual and moral functioning of young people from the standpoint of integrative pedagogical activity, which is determined by significant problems of educating young people in the Orthodox tradition. For a more complete disclosure of the picture of understanding the spiritual and moral education of young people in the Orthodox pedagogical tradition, the article reworked the experience of domestic theologians and representatives of religious-idealistic philosophy. The forms and methods of transmitting Orthodox educational values in work with modern youth who find themselves at a spiritual crossroads are also presented.

Keywords: comprehension, mentality, spiritual and moral education, value orientations, Orthodox pedagogical traditions, inculturation, Holy Scripture, Holy Tradition, Christian theologians, Christian humanism.

*****

Достаточное внимание многие авторы прошлого и современности уделяли поиску конкретных механизмов социализации и инкультурации молодёжи в духе новозаветных нравственно-эстетических ценностей. Думается, настала пора предпринять попытку заполнить соответствующие лакуны.

Впервые осуществлён комплексный текстологический анализ Священного Писания, Священного Предания (решений соборов Церкви), трудов христианских богословов и представителей религиозно-идеалистической философии, комментировавших Писание и Предание. Одновременно с этим проведено исследование творческого наследия представителей светской философской, культурологической, этической и эстетической мысли и подвергнуты критическому анализу их взгляды на морально-эстетическое воспитание молодёжи. Предложены

конкретные механизмы передачи новым поколениям религиозных нравственных и эстетических ценностей православной педагогической традиции через взаимодействие Православной Церкви, государства и институтов гражданского общества (семья, негосударственные образовательные учреждения, общественные организации и др.).

Цель работы – определить место и роль духовно-нравственных ценностей в воспитании православной педагогической традиции современной молодёжи.

На основе данной цели нами определяются следующие задачи работы:

- Установить механизмы взаимодействия православной Церкви, других институтов гражданского общества и государства в укоренении религиозных нравственно-эстетических ценностей в молодёжной среде;
- Предложить конкретные рекомендации по повышению эффективности воспитания молодёжи в духе нравственно-эстетических аспектов.

Именно христианство позволило мыслителям поместить внутреннюю жизнь человека в «зону особого внимания» культуры и придать ей первостепенную религиозную ценность. Житель, например, античного полиса считал, что душа человека соотнесена с душой Космоса, а христианская философия Средневековья открыла «внутреннего человека», не имеющего соответствий в универсуме и полностью обращённого к сверхприродному Демиургу [7, с. 354].

С точки зрения христианского мировоззрения, приобретшего относительно законченные формы именно в Средние века, Бог, сотворив человека, дал ему свободу воли, дающую возможность проявления человеческой сущности. Однако свобода предполагает и ответственность пред лицом Господа. [7, с. 51].

В XI – XIII вв. в российской, как и в европейской аксиологической системе, доминирующей была теоцентрическая парадигма, главной целью жизни человека, считавшая достижение спасения души для её жизни вечной. Это изначально заложило мировоззренческую иерархию, в которой этика преобладала над онтологией, а аксеология над гносеологией. Эстетика же ставилась в подчинение к этике.

На этой основе выстраивалась иерархия христианских ценностей, среди которых немалое место отводилось идеалам духовной свободы и своеобразного, христианского гуманизма, лишённого тех деструктивных, антропоцентристских наслоений, которые он приобрёл в русле традиции западного Ренессанса. Здесь нельзя обойти вниманием такие произведения, как «Поучение Владимира Мономаха» и «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона.

Владимир Мономах одним из первых на Руси поставил вопрос об уникальности и неповторимости человеческой личности: «Если весь мир собрать вместе, никто не окажется в один образ, но каждый со своим образом, по мудрости божьей» [Цит. по: 10, с. 166].

Однако при этом князь отвергал гордыню и утверждал идеалы смирения, морального и интеллектуального самосовершенствования.

На последующем этапе истории отечественного духовно-нравственного воспитания молодежи в православной педагогической традиции важную роль сыграл спор «иосифлян» и «нестяжателей». По мнению исследователя Э. С. Кульпина, духовное течение «нестяжателей» внутри Русской Православной Церкви, возглавлявшееся Нилом Сорским, призывавшее «кормиться рукоделием», в известной степени привлекало внимание к такой нравственной ценности, как труд. Хотя это течение и проиграло общественную дискуссию с оппонировавшим ему течением Иосифа Волоцкого, она оказало сильное влияние на эволюцию русской христианской аксиологии [13, с. 98].

В XVIII столетии относительно изолированное существование России как самодостаточной Ойкумены исчерпало свой потенциал, и она, после Петровских реформ, вступила в плодотворный кросскультурный диалог с Западной Европой, которая не столько опережала Русь в своём культурно-воспитательном развитии, сколько следовала по несколько отличной траектории.

В начале XIX века в России начался исторический спор двух направлений интеллигентской публицистики – «западников» и «славянофилов». Сходясь в стратегических целях – утверждении целей освобождения личности, осознающей свою ответственность, что полностью лежало в русле новозаветных ценностей «благодати» – они по-разному расставляли акценты в своих нравственных исканиях.

В конце XIX – начале XX века идеи «западничества» и «славянофильства» были синтезированы в рамках «русского религиозно-философского Ренессанса», породившего к жизни такое сложное и неоднозначное явление, как «философия Всеединства». У истоков её стоял В. С. Соловьёв, а наиболее яркими представителями были Е. Н. Трубецкой, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский и др. Они предприняли попытку освободить гуманистические ценности Запада от антропоцентристского крена. Так, В. С. Соловьёв стремился избежать абсолютизации ценности свободы, рассматривая её как «только один из видов необходимости» [19, с. 24].

На последующем этапе истории отечественного духовно-нравственного воспитания молодежи в православной педагогической традиции важную роль сыграл спор «иосифлян» и «нестяжателей». По мнению исследователя Э. С. Кульпина [13, с. 98], духовное течение «нестяжателей» внутри Русской Православной Церкви, возглавляемое Нилом Сорским [13, с. 98], призывавшее «кормиться рукоделием» [13, с. 98], в известной степени привлекало внимание к такой нравственной ценности, как труд [13, с. 98]. Хотя это течение и проиграло общественную дискуссию с оппонировавшим ему течением Иосифа Волоцкого [13, с. 98], она оказало сильное влияние на эволюцию русской христианской аксиологии [13, с. 98].

В XVIII столетии относительно изолированное существование России как самодостаточной Ойкумены исчерпало свой потенциал, и она, после Петровских реформ, вступила в плодотворный кросс-культурный диалог с Западной Европой, которая не столько опережала Русь в своём культурном развитии, сколько следовала по несколько отличной траектории.

В начале XIX века в России начался исторический спор двух направлений интеллигентской публицистики – «западников» и «славянофилов». Сходясь в стратегических целях – утверждении целей освобождения личности, осознающей свою ответственность, что полностью лежало в русле новозаветных ценностей «благодати», они по-разному расставляли акценты в своих нравственно-педагогических исканиях.

В конце XIX – начале XX века идеи «западничества» и «славянофильства» были синтезированы в рамках «русского религиозно-философского Ренессанса», породившего к жизни такое сложное и неоднозначное явление, как «философия Всеединства». У истоков её стоял В. С. Соловьёв, а наиболее яркими представителями были Е. Н. Трубецкой [17], С. Н. Булгаков [17], П. А. Флоренский [17] и др. Они предприняли попытку освободить гуманистические ценности Запада от антропоцентристского крена. Так, В. С. Соловьёв стремился избежать абсолютизации ценности свободы, рассматривая её как «только один из видов необходимости» [17].

Однако, по мнению исследователя Л. В. Баевой, недостатком представителей философии «русского Всеединства» был созерцательный характер их мировоззрения, а также и их жизненной тактики [5, с. 222].

Это привело к тому, что временную победу одержали их оппоненты, адепты «философии действия» – марксисты. Они стигматизировали и маргинализировали отечественную религиозно-идеологическую философию, а её носители подвергались репрессиям и оказались в вынужденной эмиграции, где продолжили прерванный путь духовных исканий. Лишь после 1991 года их наработки оказались востребованными в полной мере и на Родине.

Для правильного воспитания современной молодёжи, как никогда, необходимо ясное и чёткое представление о нравственно-эстетическом идеале в

воспитательном процессе, как цели, на достижение которой должна быть направлена вся деятельность человека.

Существует много видов воспитания молодёжи (трудовое, умственное, военно-патриотическое и др.). Однако наиболее сложным является воспитание нравственное, находящееся в неразрывном единстве с эстетическим. Оно, как никакое другое, важно не только для земного существования индивида, но и – главное – для вечной жизни его души в Царстве Божием.

Основная проблема на сегодняшний день – отсутствие консолидированной позиции различных акторов православного педагогического процесса по отношению к проблеме нравственно-эстетического воспитания. Вот почему так важно обращение к многовековому опыту православной (восточно-христианской) традиции такого воспитания.

Слово «традиция» известный филолог В. И. Даль определял как «преданье, передачу жизненного опыта от старших к младшим, от предков к потомкам, всё, что устно перешло от одного поколения на другое» [8, с. 425].

На традиции строится любая система воспитания, в том числе и православная. Теперь обратимся непосредственно к тексту Священного Писания. Согласно положениям Библии, существует Божие призвание о преемственном воспитании детей в вере. В соответствии с этими положениями, веру и Божии заповеди, которые определяют жизнь человека, необходимо передавать как самое ценное достояние: «Передайте об этом детям вашим; а дети ваши пусть скажут своим детям, а их дети следующему роду» [Иоил. 1: 3].

Нравственно-эстетическое православное воспитание молодёжи должно осуществляться в соответствии со сложившимися православными традициями. Говоря более конкретно, нравственное воспитание в духе Православия в содержательном аспекте должно руководствоваться словами Спасителя: «По плодам их, узнаете их» [Мф. 7:16, 20], ибо «от худого дерева и плод худой, а от дерева доброго и плоды добрые» [Мф. 7:17].

Теперь рассмотрим истинный смысл и направленность воспитания – любого, а не только нравственно-эстетического – в православной традиции.

Обратимся к самой этимологии слова «воспитание. Исходное его значение обусловлено корневой частью. Под «воспитанием» изначально понимали вскармливание, питание ребёнка, не приспособленного к самостоятельной жизни. Первоначально в русском языке оно сохраняло исконное значение, но затем смысл его расширился. Под воспитанием стали понимать «вскармливание» подрастающего члена общества системой знаний, умений и навыков, наработанных социумом.

Протоиерей Александр Зелененко особое место отводит «словесно-звуковым впечатлениям, питающим душу, тому, что по содержанию и по форме говорится при человеческих взаимоотношениях; что по содержанию читается, поется и какая музыка звучит, и что из всего этого сильнее влияет на человека» [9, с. 16].

Следовательно, с православной точки зрения классическое определение воспитания должно быть скорректировано. Оно может быть определено как планомерное содействие развитию и укреплению духовных, душевных, физических сил и способностей человека на пути к христианскому совершенствованию. Совокупностью всех совершенств христиане считают любовь [см.: Кол. 3:14]. Путь к ней лежит через веру и жизнь по Божьим заповедям, в единстве с Церковью [9, с. 25].

Рассмотрим то, как православная традиция оценивает соотношение категорий «духовность» и «нравственность».

Слово «духовность» – производное от понятия «дух». Последнее в науке может интерпретироваться по-разному, но в Православии эта категория в предельном значении является синонимом слова «Бог»: «Бог есть дух…» [Ин. 4: 24]. Следовательно, в абсолютном значении духом является Бог, а духовным – тот человек, который в своей добродетели стал максимально подобным Богу.

Вот как характеризует значение воцерковления игумен Георгий Шестун: «Воцерковить – значит осветить светом веры весь круг понятий и практической жизни

человека, положить в основу жизни не цель развития личности, а цель спасения человеческой души от греха и его последствий – страданий, как временных, так и вечных <…>) в формах бескорыстного благотворения и жертвенного служения» [21, с. 10].

На первый взгляд может показаться, что нравственное и эстетическое воспитание являются относительно автономными направлениями педагогической работы в силу принципиально разной природы нравственных и эстетических ценностей. Без сомнения, нравственное и эстетическое воспитание решают собственные задачи, применяют собственные средства и методы.

В то же время с точки зрения новозаветного мировоззрения категории «нравственное» и «эстетическое» тесно связаны друг с другом. Оба направления воспитания ориентированы на формирование личности христианина и, в конечном счёте, на спасение его души. Достижению этой цели служит сочетание факторов нравственного и эстетического воспитания. На формирование православной морали большое влияние оказывают такие категории эстетики, как «эстетическое восприятие», «эстетический вкус», «эстетический идеал». В эстетической сфере категория «эстетическое восприятие» коррелирует с этической категорией «нравственная оценка». Это же может быть сказано и о связи категорий «нравственная норма» и «эстетический вкус». Эстетические вкусы роднит с нравственными нормами их нормативный характер. Подобно этическим нормам, они являются критериями оценки значимости каких-либо новых явлений, но уже не в моральном, а в эстетическом аспекте.

Одной из задач нравственного православного воспитания является активизация нравственной деятельности молодёжи. Под нравственной деятельностью понимают специфический аспект, который проявляется во всех видах деятельности человека. Здесь большое значение имеет осознание личностью во время совершения им тех или иных поступков их ценности. Эстетическая деятельность также сопровождает все формы активности человека, но в отличие от нравственной деятельности имеет особую форму своего проявления – искусство.

Поэтому влияние эстетической деятельности на нравственное сознание личности может носить двоякий характер. Это и отдельные эстетические моменты трудовой и иной деятельности, и непосредственное влияние специфически эстетического вида деятельности – искусства (в православии, например, иконописной живописи, песнопений и т. п.).

Таким образом, человек, находящийся на низком уровне нравственной культуре, стоит на низком уровне и культуры эстетической.

Если же мы поведём речь о людях более высокого культурного уровня, специализирующихся на трансляции и производстве духовных ценностей, противоречия между нравственными и эстетическими императивами могут усугубляться. Это происходит в том случае, если деятель культуры не усвоил в полном объёме новозаветную систему ценностей и его душа не уврачёвана духом Христианства. У таких людей возникает соблазн резкого противопоставления нравственных ценностей эстетическим. При этом первые абсолютизируются, что проявляется в элементах морального ригоризма, а вторые трактуются как нечто второстепенное или даже вредное духу морального совершенствования. При этом открыто декларируется подозрительное или прямо негативное отношение к эстетическим, художественным явлениям. Провозглашается, будто красота не важна в жизни, а служит лишь для развлечения чувств. Это допустимо только до тех пор, пока не мешает добропорядочности.

Ситуация, в которой в настоящее время оказалось наше общество, сложные и противоречивые процессы, протекающие в его духовной, экономической и социально-политической сферах, вынуждают акторов воспитательного процесса радикально трансформировать саму парадигму формирования полноценного члена общества, развития его морального, интеллектуального и творческого потенциала. В особой степени сказанное относится к воспитанию религиозному, базирующемуся на трансляции нравственно-эстетических ценностей, основанных

на положениях Нового Завета. Актуальность религиозного просвещения именно в молодёжной среде обусловлена самой спецификой этой социальной группы. Её всегда отличают высокая целеустремлённость, активная жизненная позиция. Поэтому как раз молодёжь может стать самым надёжным помощником Православной Церкви в деле христианского просвещения и воцерковления граждан.

Прежде чем охарактеризовать формы и методы воспитательной работы с молодёжью, направленной на трансляцию новозаветных нравственно-эстетических ценностей, необходимо, во-первых, раскрыть содержание и сущность категории «воспитательная работа», во-вторых, определить, какие же слои населения включаются в само понятие «молодёжь».

В современной педагогической науке ещё не выработана единая, общепризнанная классификация форм воспитательной работы. Более того, разные учёные используют различные дефиниции этого понятия.

Н. В. Самусева даёт следующее определение термина: «Форма воспитательной работы – это устанавливаемый порядок организации конкретных актов, ситуаций [18, с. 98], процедур взаимодействия участников воспитательного процесса, направленных на решение определенных педагогических задач (воспитательных и организационно-практических) [18, с. 98], совокупность организаторских приемов и воспитательных средств, обеспечивающих внешнее выражение содержания воспитательной работы» [18, с. 98].

Исследователи Ю. А. Зубок и В. И. Чупров определяют молодёжь как группу [11, с. 94], находящуюся в определённом состоянии в системе общества, которое является «фазой поведения человека, в которой он больше не играет роли ребенка <...> и в то же время еще не исполняет роли взрослого как действительного носителя социальных институтов, например, семьи, общественности, политического строя, правового и экономического порядка и т. д.» [11, с. 94].

По мнению современного отечественного исследователя О. И. Белого, внутри целевой группы «молодёжь» следует выделять три подгруппы: 14 – 18; 18 – 25; 25 – 30 лет. Эта периодизация соответствует и изменению социальных позиций индивида: получению им паспорта, законодательному оформлению его прав и обязанностей, получению избирательного права, профессионального образования и т. п. [6, с. 158]

Очевидно, что основными акторами воспитательной деятельности по социализации и инкультарации молодёжи в духе новозаветных нравственно-эстетических ценностей являются Православная Церковь, государство и различные институты гражданского общества.

Рассмотрим, как же они действуют в реальности и должны действовать в идеале между собой.

Понятно, что, несмотря на то что конституционно Церковь в нашей стране отделена от государства, взаимодействие этих двух социальных институтов, их плодотворный диалог жизненно важны для дела нравственно-этического воспитания молодёжи в аспекте новозаветных ценностей. Сотрудничество структур Московского Патриархата (далее – МП) и государства в молодёжной политике – принципиально новый феномен, ставший возможным только после 1991 г., когда коммунисты были отстранены от власти, распался СССР, и была свёрнута государственная атеистическая пропаганда, непрерывно ведшаяся с 1917 года.

Необходимость привлечения государственных ресурсов к воспитанию молодёжи очевидно. Как отмечает современная исследовательница Л. М. Эррера [22, с. 278], «мир жаждет новой модели общественного устройства, молодежь в этом плане представляет собой один из важнейших скрытых духовных ресурсов обновления общества» [22, с. 278], а «для реализации потенциальных возможностей молодого поколения необходима национальная молодежная политика» [22, с. 278].

Однако общее принятие христианства и доверие к Богу ещё не означает полного принятия новозаветных нравственно-эстетических ценностей. Для его достижения требуется согласованная работа различных социальных институтов. Между тем, воспитательный потенциал тех из них, которые традиционно занимались социализацией и инкультурацией подрастающего поколения (семьи, учреждений

образования и культуры и др.) снижается. Имеет место межконфессиональная и межэтническая нетерпимость, недостаточно укоренены ценности толерантности и установки на поликультурный диалог. Высок уровень криминализации в молодёжной среде, имеют место проявления политического экстремизма и вовлечённости в террористические сообщества. Это требует нахождения новых форм взаимодействия между Церковью и государством.

В первую очередь Православная Церковь МП в целом, занимаясь воспитательной работой, взаимодействует с таким ведомством, как Министерство образования и науки РФ (Минобрнауки), а Крымская епархия – соответственно, с республиканским профильным министерством. Начало такому взаимодействию было положено ещё в середине 2000-х годов.

Не секрет, что в 1990-е годы государство фактически ушло из сферы предоставления образовательных услуг. Оно минимизировало свою экономическую поддержку учебных заведений и стремилось избегать активной роли в формировании образовательной политики. Лишь приблизительно в 2006 – 2007 гг. ситуация стала кардинально меняться в лучшую сторону.

Руководство Минобрнауки поняло тогда, что в самом знании истории и культуры молодёжью заложен большой воспитательный потенциал. Поэтому воспитательное значение гуманитарного знания стало закладываться в содержание разрабатывавшихся тогда ведомством государственных стандартов образования нового поколения и при этом учитывалось мнение религиозных организаций, в частности, МП. Было начато изучение в школе роли православия и других традиционных конфессий (с учётом региональной специфики), что полностью соответствовало действовавшему законодательству. Осуществлялась педагогическая экспертиза материалов, предлагаемых для изучения, и – главное – соответствующая подготовка педагогических кадров.

В течение многих лет Минобрнауки РФ осуществляло ежегодный мониторинг деятельности органов управления образованием субъектов федерации в аспекте их взаимодействия с религиозными организациями в области образования, воспитания и воплощения в жизнь социальных программ. Было установлено, что в большинстве регионов РФ изучение истории и культуры религии осуществлялось в нескольких тысячах школ, а в ряде регионов разрабатывались собственные программы и учебно-методические комплексы документов по соответствующим дисциплинам.

Для подготовки совместных инициатив по преподаванию истории и культуры религии, в данном случае православной, в образовательной системе страны ещё в 2006 году приказом Министра образования и науки РФ от 17 марта №55 была образована совместная рабочая группа. В неё вошли представители МП [3], Минобрнауки, различных вузов и НИИ [3]. Разработанные ими предложения поступили в Российскую академию образования с целью использования при разработке следующего поколения государственных образовательных стандартов [3].

Предложения Московского Патриархата учитывались властями России при разработке концепции психологического обеспечения отечественного образования, которая предусматривала совершенствование оказания комплексной медико-психологической социальной помощи представителям молодёжи, создание развёрнутой сети образовательных учреждений для лиц, нуждающихся в такой помощи.

По инициативе МП Минобрнауки РФ обратило внимание на неблагополучную демографическую ситуацию в стране. Одной из причин её оказалось размывание духовно-нравственных ценностей в семейно-брачных отношениях, что проявилось в высоком уровне разводов, частых случаях внутрисемейного насилия и девиантного и даже делинквентного поведения представителей подрастающего поколения. Преследуя цель укрепления такого важного социального института, как семья, Минобрнауки РФ принялось за целенаправленную работу по формированию общенациональной системы профессиональной подготовки кадров в области молодёжной социальной политики. Эта система призвана расширить сферу

предоставления образовательных, медико-социальных, психолого-педагогических, информационно-консультационных и иных услуг молодым семьям, в частности, для помощи им в организации семейного и детского отдыха, для увеличения числа массовых мероприятий, актором которых бы являлась семья как единое целое.

Минобрауки РФ уделяет большое внимание педагогическому образованию, тому, чтобы в учебных заведениях работали квалифицированные кадры, получающие достойное вознаграждение за свой самоотверженный труд [1]. Это касается и религиозных образовательных учреждений, 39 из которых имеют лицензии Рособнадзора [1]. Начиная с 2006 года году Министерство проводит регулярные совещания с представителями всех традиционных для России конфессий [1], на которых обсуждается вопрос реализации в духовных учебных заведениях образовательных программ на основе существующих государственных стандартов профессионального образования и государственной аккредитации этих заведений [1] и в Федеральный Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (статья 19) [2].

Эти предложения предусматривали то, что свидетельство о государственной аккредитации, выдаваемое религиозному учреждению профессионального образования, подтверждает уровень образовательных программ, по которым это заведение работает, и соответствие содержания и качества подготовки выпускников требованиям государственных образовательных стандартов. Это даёт право религиозным учебным заведениям выдавать своим выпускникам, успешно прошедшим курс обучения по аккредитованным образовательным программам, документа государственного образца о соответствующем образовании.

Вследствие этого произошедшая интеграция профессионального религиозного образования в единое российское образовательное пространство способствовала расширению возможностей взаимодействия Православной Церкви МП со светскими образовательными учреждениями и государственными органами управления образованием в деятельности, направленной на подготовку и повышение квалификации преподавателей дисциплин историко-культурологического цикла в области религиозной культуры. Именно такое взаимодействие и позволяет педагогам эффективнее воспитывать молодёжь в духе новозаветных нравственно-эстетических ценностей. Эта координация усилий создаёт благоприятные условия и для специалистов, работающих с проблемными семьями, с детьми, попавшими в неблагоприятные жизненные ситуации. Это позволит подготовить молодёжь к жизни в меняющихся обстоятельствах, развить у неё коммуникабельность, толерантность, готовность к межкультурному диалогу, к саморазвитию личности и формированию современного мышления.

Таким образом, взаимодействие государства в лице Минобрнауки и Православной Церкви МП имеет положительную динамику развития, оно становится всё более тесным как в центре, так и в субъектах Российской Федерации.

Выводы и перспективы дальнейших исследований: итак, теоретическое осмысление духовно-нравственного воспитания молодежи в православной педагогической традиции по взращиванию духовного в молодом поколении должен быть гибким и определяться тем, насколько те или иные формы и методы служат достижению конкретной воспитательной цели. Главное внимание, на наш взгляд, следует, уделять не формальной, а содержательной стороне проблемы. В силу исторических обстоятельств, роль и значение государства в России и некоторых сопредельных с нею странах была значительно более существенной, нежели на Западе. Этот институт не только был «ночным сторожем» рыночного общества, но и выполнял культурно поддерживающие функции. Вот почему в деле воспитания в православной педагогической традиции молодёжи, а также в духе новозаветных нравственно-этических ценностей именно государство должно быть одним из ключевых акторов и партнёров Церкви.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
2. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/
3. Приказ министра образования и науки Российской Федерации «О создании рабочей группы по проблемам изучения истории и культуры религии (православия) в системе образования» от 17 марта 2006 г. №55 [Электронный ресурс] http://www.edu.ru/documents/view/21404/
4. Августин Блаженный. О граде Божием / Августин. – Мн.: Харвест, 2000. – 1296 с.
5. Баева, Л. В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории. / Л. В. Баева. – Астрахань: Изд-во АГУ, 2004. – 275 с.
6. Белый, О. И. Определение понятия «молодёжь» / О. И. Белый // Теория и практика общественного развития. – 2012. – №12. – С. 156 – 158.
7. Гайденко, П. П., Петров, В. В. Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века (исследования и переводы) / П. П. Гайденко и др. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 880 с.
8. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. –Том 4 / В. И. Даль. – СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. – 710с.
9. Зелененко, А. О христианском воспитании и воцерковлении: опыт воцерковления детей дошкольного возраста и их родителей / А. Зелененко. – СПб.: Санкт-Петербургская епархия, Отд. религиозного образования и духовного просвещения, 2009. – 47 с.
10. Златоструй: Древняя Русь X – XIII веков. – М.: Молодая гвардия, 1990 – 303 с.
11. Зубок, Ю. А., Чупров, В. И. Социология молодёжи / Ю. А. Зубок и др. – М.: МИИТ, 2009. – 322 с.
12. Крившенко, Л. П., Вайндорф-Сысоева, М. Е. и др. Педагогика: Учебник / Л. П. Крившенко и др. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2010. – 432 с.
13. Кульпин, Э. С. Путь России / Э. С. Кульпин. – М. Московский лицей, 1995. – 200 с.
14. Лыкова Н.Н. Взаимодействие системы образования и воспитания в формировании национально-культурной идентичности молодежи Республики Крым / Н.Н. Лыкова. – Учебно-методическое обеспечение образовательного процесса: Сб. статей IV Между-нар. науч.-метод. конф.
15. Лыкова Н.Н. Роль православных ценностей в стабилизации и гармонизации социально-культурной среды крымской молодежи / Н.Н. Лыкова. – Международный научно-исследовательский журнал. № 10 (124), 2022.
16. Нефёдов Г. Основы христианской нравственности. – М.: Паломник; Сибирская Благозвонница, 2008. – 288 с
17. Петрунина Т. А. Философско-антропологические основания российской педагогики XIX – начала XX вв. – Екатеринбург: Уральский ГУ им. А. М. Горького. 2004. – 251 с.
18. Самусева, Н. В. Педагогика. Педагогические системы и технологии Н. В. Самусева. – Мн.: БНТУ, 2015. – 214 с.
19. Соловьёв В. С. Собрание сочинений (в 9 т.). – Т. II. Критика отвлечённых начал. Исторические дела философии. – СПб.: Издание товарищества Общественная польза», 1878. – 387 с.
20. Соловьёв, В. С. Чтения о богочеловечестве / В. С. Соловьёв [электронный ресурс] https://dbs-lin.ruhr-uni-bochum.de/personalitaet/ru/index.php?cp=document&id=144

21. Шестун, Е. В. Православная традиция духовно-нравственного становления человека (историко-теоретический аспект): Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора педагогических наук / Е. В. Шестун. – Казань: [б. и.], 2006. – 41 с.

22. Эррера, Л. М. Социально-психологические доминанты образования молодёжных субкультур / Л. М. Эрерра// Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2010. – С. 274 – 284.

УДК 008:351.858

«РУССКИЙ ХАРАКТЕР» КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД В РИТМОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Шкарин Дмитрий Леонидович
Кандидат философских наук, тренер-психолог Центра развития тренинговых технологий,
Россия, г. Екатеринбург

Наумова Елена Владимировна
Кандидат филологических наук, доцент,
Федеральное государственное бюджетное учреждение «Национальный медицинский исследовательский центр им. В.А. Алмазова»» Минздрава России,
Россия, г. Санкт-Петербург

Статья посвящена актуальным вопросам экспликации качественного этнического своеобразия русской нации в контексте общеисторических процессов. Данная тема рассматривается в контексте более общего вопроса встраивания модернизирующихся стран в глобальную мировую структуру, контуры которой определены институциональными и культуральными нормами модернизованного запада. Сопоставляются цивилизационный и формационный подходы, после чего раскрывается понимание «русского характера» как цивилизационного культурного кода с точки зрения ритмологии. Качественный анализ специфики «русского характера» позволяет говорить о скрытом в нём потенциале многомерности, позволяющем компенсировать те культуральные трудности, с которыми столкнулся западный цивилизационный проект. Описывается оригинальная методика ритмомеры «Русские» Е.Д. Лучезарновой и результаты её применения в качестве практического инструмента использования ментальной сферы в терапевтическом процессе.

Ключевые слова: русский характер, культурный код, цивилизационный подход, модернизация, глобализация, космизм, ритмология, ритмомера.

THE "RUSSIAN CHARACTER" AS A CIVILIZATIONAL CULTURAL CODE IN THE RHYTHMOLOGICAL ASPECT

Shkarin Dmitry Leonidovich
Candidate of Philosophical Sciences
Trainer-psychologist of the Development Center
training technologies
Russia, Yekaterinburg

Naumova Elena Vladimirovna
Federal State Budgetary Institution "V.A. Almazov National Medical Research Center" Ministry of Health of the Russian Federation
Russia, St. Petersburg

The article is devoted to the current issues of explication of qualitative ethnic originality of the Russian nation in the context of general historical processes. This topic is considered in the context of a more general issue of integration of modernizing countries into the global world structure, the contours of which are determined by institutional and cultural norms of the modernized West. Civilizational and formational approaches are compared, after which the understanding of the "Russian character" as a civilizational

cultural code from the point of view of rhythmology is revealed. A qualitative analysis of the specifics of the "Russian character" allows us to talk about the hidden potential of multidimensionality in it, which allows compensating for those cultural difficulties that the Western civilization project faced. The original technique of the rhythmometer "Russians" by E.D. Luchezarnova and the results of its application as a practical tool for using the mental sphere in the therapeutic process are described.

Keywords: Russian character, cultural code, civilizational approach, modernization, globalization, cosmism, rhythmology, rhythm measure.

*****

Тема, касающаяся специфики русского менталитета и особенностей российского культурного кода в современную эпоху геополитических, социальных и экономических кризисов вновь обретает особую актуальность. В этой статье мы сделаем сопоставление ритмологической трактовки русского менталитета, отражённой в ритмомере «Русские», с некоторыми направлениями культурологического анализа национального характера, базирующимися на так называемом цивилизационном подходе.

Цивилизационный подход охватывает широкий спектр историософских концепций, общим знаменателем которых является противостояние формационным теориям, предполагающим единую линию развития исторического процесса, что в конечном итоге выводит на первый план западноевропейский проект, задающий стандарты и нормы общественного бытия в масштабе глобального мира. В формационных подходах качественное своеобразие национальных образований, не вписывающихся в данные стандарты, трактуется как фактор отклонения, требующий коррекции, для того чтобы страны второго и третьего эшелона имели возможность осуществить догоняющую модернизацию и встроиться в рамки западного проекта.

И действительно, совсем недавно формационный подход занимал ведущие позиции в отечественном обществознании и социальных науках. В то же время никогда не прекращалась и дискуссионная линия, ведущая начало от полемики между «западниками» и «славянофилами», возникшая ещё в 19-ом веке. Эта полемика разгорелась вновь в условиях свёртывания коммунистического проекта и особенно усиливается в последние годы, когда повестку дня стал определять проект многополярного мира.

На данный момент можно констатировать, что идея унифицированной линии исторического развития сама исторична и появляется внутри дискурса, рождённого новым временем, обществом модерна. Несмотря на внушительные завоевания в сферах научно-технического прогресса, рост уровня жизни, достижения в развитии правовых институтов проект модерна переживает длительный кризис, на фоне которого становятся очевидны его ограничения и дефициты, что позволяет многим общественным мыслителям говорить о завершении модерна. К таким ограничениям относится прежде всего культуральный дисбаланс гуманистического и технократического начал, выделение экономической доминанты в ущерб прочим детерминантам социального взаимодействия, нивелирование традиции и ценностных ориентаций национальных самосознаний.

Естественно, что в данной ситуации экспликация альтернативных цивилизационных проектов имеет особое значение, поскольку намечает контуры возможного будущего. И именно русский цивилизационный проект рассматривается рядом отечественных мыслителей как имеющий шанс снять ограничения и издержки одномерной модернизации по западному образцу. В чём же особенности российского национального характера и менталитета?

Социокультурная рефлексия русского характера.

Ведущие представители тартуско-московской семиотической школы (В.В. Иванов, Ю.М. Лотман) в своё время указывали на особое значение дуальных

оппозиций в славянской культуре, даже несмотря на то, что дуальные оппозиции характеризуют ранние формы социального мышления практически во всех культурах. Проецируя этот подход на историософию, А.С. Ахиезер построил целостную концепцию специфики исторического развития России, где во главу угла были поставлены концепты «инверсии» и «медиации» [1; 4].

В этой перспективе история России предстала как колебательный контур, где инверсивно циркулируют две тенденции: соборности и авторитаризма. При этом медиационная, срединная тенденция находится в дефиците, что постоянно порождает раскол общества и ситуацию исторической катастрофы. В силу ряда причин (территориальных, геополитических, религиозных) Россия вынужденно пребывает на периферии западноевропейского цивилизационного исторического процесса, и её представители зачастую являются носителями синкретического мифологического до-вне-государственного сознания.

Отсюда одним из определений нашего общества в рамках данного подхода является «консервативная модернизация», заключающаяся в заимствовании культурных и материальных ценностей развитых обществ, но при этом само общество оказывается неспособно самостоятельно порождать таковые из-за отсутствия культуральных и институциональных структур [15].

Эта ситуация может изменяться только при преодолении традиционных ограничителей сознания. Как следствие мы видим перманентное противостояние прогрессивной линии развития общего исторического процесса и одновременное желание найти свой особый путь, свою национальную идею. В результате констатируется до сих пор нераскрытый потенциал, имплицитно сопутствующий русскому национальному характеру, который требует своей верификации и осмысления [4]. Присмотримся к нему внимательней.

О русском характере, русской душе, значении России в мире и мировой истории в разные времена размышляли многие учёные, философы, мыслители, историки, писатели, публицисты: Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, П.Я. Чаадаев, Ф.М. Достоевский, А.П. Щапов, К.Э. Циолковский, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, А.К. Толстой, Д.С. Лихачёв, А.И. Субетто и др.

Одно из качеств, которое отмечают почти все мыслители, – это поляризованность русского характера. Русский код, русский характер являют одновременно два отличных друг от друга, а порой прямо противоположных лица. Европейское и азиатское, оседлое и кочевое, светское и духовное, коллективное и индивидуальное – эти и другие пары противоположностей имеют отношение к русским.

Русский характер состоит из крайностей, в нём удивительным образом сочетаются доброта и жестокость, крайнее свободолюбие и деспотизм, альтруизм и эгоизм, высокие амбиции и беспомощность, здоровый эгоцентризм и пренебрежительное отношение к себе, самоуничижение и национальная гордыня. Об этих крайностях в русских размышлял Н.А. Бердяев: «Два противоречивых начала легли в основу формации русской души: природная, языческая стихия и аскетически монашеское православие. Можно открыть противоположные свойства в русском народе: склонность к насилию и доброта, человечность; индивидуализм и безличный коллективизм; эсхатологически мессинианская релизиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт» [2, с. 30].

Н.О. Лосский приводит слова П.Н. Милюкова: «коренной чертой русского национального характера является способность усваивать всевозможные черты любого национального типа. Другими словами, наиболее выдающейся чертой русского национального склада оказалась полная неопределённость и отсутствие резко выраженного собственного национального обличья. За границей наших соотечественников часто узнают только потому, что не могут заметить в них никаких резких национальных особенностей» [6. с. 332]. «Невыработанность характера русских объясняется историком А.П. Щаповым, философами Н.О. Лосским, Н.А. Бердяевым и Е. Трубецким как наличие глубоко укоренившегося магического

сознания нации, базирующегося на необыкновенной способности к мистическому опыту, вере в судьбу и сверхъестественные силы, примеры, суеверность и обрядоверие» [14, с. 145]. «Подростковый» характер русских приводил к тому, что, к сожалению, часто брали от других народов не самое лучшее, примеряя на себя чужие модели.

Ф.М. Достоевский отмечал, «что русская душа, что гений народа русского может быть, наиболее способный, из всех народов, вместить в себя идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего не сходное, снимающего противоречия» [3, с. 132]. Как пишет В.В. Кичигина, «…Достоевский расширяет круг малой семьи с её обыденными раздорами и склоками до понимания единой семьи славянских народов и функции России как матери этих подрастающих детей, объединяющей силой материнской любви в единое целое» [5, с. 151].

Примером такого объединения являлся Союз Советских Социалистических Республик, государство, возникшее из разных народов, о чём пишет И.А. Субетто: «Русский народ всегда был народом-объединителем. Всечеловечность, как свойство русского человека, о котором говорил при открытии памятника А.С. Пушкину в своей речи Ф.М. Достоевский в 1881 году, есть основание этой народообъединяющей силы русского мира и русской культуры, которую русский народ демонстрировал всегда на протяжении всей истории становления и развития российского государства, и которая обрела особую мощь в советскую эпоху…» [13, с. 37].

Данный перечень можно было бы продолжить, но уже и из перечисленного намечается общая конфигурация специфических принципов, которые могли бы претендовать на статус альтернативного цивилизационного проекта. И принципы эти уже достаточно отчётливо отрефлексированы полтора столетия назад в так называемый серебряный век российской культуры. В частности мы говорим о принципах всеединства, космизма и духовности [4]. Эти принципы позволяют, не отменяя западноевропейский проект модерн, избавиться от свойственной ему одномерности, удерживая его материальную эффективность и одновременно дополняя его духовным измерением, способным вмещать достижение практически всех цивилизационных проектов без исключения. Но, чтобы эти принципы реализовались, требуется в свою очередь преодоление собственных издержек русского менталитета и прежде всего инверсивной петли, заставляющей общество пребывать в колебательном контуре «из крайности в крайность». И для прояснения этого аспекта полезно обратиться к ритмологической трактовке «русскости» как перспективного цивилизационного культурного кода.

Ритмологическая трактовка русского характера.

Мы остановились на ритмологиии, поскольку Е.Д. Лучезарнова, автор ритмологической концепции, обосновывает комплексный взгляд на эволюцию человечества, опираясь на достижения и традиции отечественной мысли, задающие видение перспектив развития цивилизации в масштабе всей ноосферы. В концепции Е.Д. Лучезарновой мы видим развитие всех основных мотивов, восходящих к серебряному веку русской культуры: всеединство, космизм и духовность.

Е.Д. Лучезарнова говорит об особенности русских вмещать другие народы и объясняет это качество космической пустотой, которая возникает при приходе любого разума: «Русские являются пустотой, поэтому они очень легко из любого народа могут что-то впитывать для своего проявления… Они на себя примеряют то один опыт, то другой, постоянно приглашают заморских правителей, постоянно стараются перенести на себя что-то, уже существующее в мире. То есть представьте, что русские – это то, чего нет. Это великая пустота; это космическая пустота» [9, с. 4]. Но, вмещая, – подчёркивает автор, – они должны оставлять пустоту для себя. И от каждого народа уметь «вбирать в себя только необходимое, самое красивое, самые главные достижения всего человечества, от каждой нации, от каждого народа, от каждой станы взять только самое лучшее, а всё остальное аннигилировать» [там же, с. 14-15].

Е.Д. Лучезарнова говорит о том, что наступило время единения всех народов, и именно Россия выступит в роли единителя. «И если сейчас не единятся все народы, конечно, планета погибнет или сбросит этот вид разума, поскольку одни что-то защищают, другие тут же нарушают, одни за экологию, другие за деньги, и получается, что планета погибает и погибает» [там же, с. 13].

«Русские – это только информация», – подчёркивает Е.Д. Лучезарнова [там же, с. 8]. Поэтому русские не умеют работать с деньгами, у них нет ничего, что связано с энергиями. Зато у русских есть то, что позволяет им быть прекрасными писателями, философами. Автор ритмологии говорит о том, что русские не живут, они относятся к жизни и выражают своё отношение, описывая жизнь. Об этом свидетельствует творчество большого числа учёных, философов, писателей, разделяющих мировоззрение космизма. Исследователь ритмологической концепции Д.А. Миронов творчество самой Е.Д. Лучезарновой относит к этой же категории: «Современный актуальный космизм представляет Евдокия Дмитриевна Лучезарнова своим учением ритмологии» [10, с. 21].

«Одна из основных тем русского космизма, – неизбежный переход человечества из биосферы в ноосферу. Осуществить его сможет только разумное человечество: знающее окружающий мир и близлежащий космос и сознающее само себя» [там же, с. 171]. Первым увидел, как считает Д.А. Миронов, переход от биосферы в ноосферу В.И. Вернадский: «Ноосфера, по мнению Вернадского, есть сфера разума. Новая эра человечества, если только оно удержит себя от выпадения в возможное и обозримое варварство... Анализируя мысли В.И. Вернадского, Е.Д. Лучезарнова полагает, что русский народ имеет возможность говорить на языке ноосферы» [там же, С. 122-125].

Е.Д. Лучезарнова называет русских «инопланетянами», по её мнению, русский человек – это «человек в высшей форм его существования, который постоянно над Землёй» [9, с. 8]. В этой связи уместно вспомнить образы «Чудиков» В.М. Шукшина. Это герои, которые неистово ищут смысл жизни, они не приспособлены к жизни на Земле, они обращены к звёздам.

Таким образом, ритмологический подход вполне отвечает результатам социокультурной рефлексии национального характера, и при этом в фокус внимания ритмологии попадает и практическая сторона использования его особенностей для выстраивания конструктивных форм цивилизационного процесса в перспективе мира будущего. Кроме этого, автор демонстрирует индивидуальные настройки мышления, которые позволяют носителям русского менталитета бесконфликтно реализовывать свой потенциал, расширяя границы вместимости иных культур и заимствованного опыта, сохраняя при этом дистанцию, избирательность и чувствительность к лучшим образцам ассимилируемого содержания.

Практическая методика – ритмомера «Русские».

Е.Д. Лучезарновой предлагается методика, позволяющая использовать качества, присущие русскому характеру. Причём с помощью ритмомеры можно как убирать мешающие, негативные моменты, так и формировать необходимые, желаемые.

На первый взгляд может показаться, что ритмомера «Русские» направлена на работу с внутренним временем человека, внутренним состоянием, но, как показывает практика, работа с методикой направлена и на организацию внешних обстоятельств и условий жизнедеятельности человека.

Для того чтобы описать эффект принятия ритмомеры, необходимо ввести понятия, которые являются одними из ключевых в Ритмометоде 7Р0 Е.Д. Лучезарновой. Это понятия человека и землянина, человеческой и планетарной сторон ленты жизни человека. Суть этих понятий базируется на категориях энергии и информации. «Землянин – это житель Земли, который больше внимания и времени уделяет себе, своему телу, красоте как таковой. Для него важно раскрыть своё сердце, научиться тонко чувствовать» [8, с. 60]. Земляне владеют разного рода энергией, легко перемещаются по Земле, умеют радоваться жизни. «Человек – это тот, кто всю свою

жизнь занят образованием и не обращает внимания на экологические, природные или иные ценности данной планеты. Его главная задача – развитие интеллектуальных способностей и тренировка мозга. Человек легко оперирует информацией, приходящей к нему через слова, мысли, движения. С ним не всегда легко и приятно, но всегда очень интересно» [там же, с.60].

Эти две противоположности, как отмечается в ритмологии, присутствуют в каждом человеке. Человеческое начало основано на разуме, земное – на чувствах. Для человека важна цель, бессмысленное существование ему не доставляет удовольствия. Для землянина важен путь, но цели у него нет, землянин не задумывается о смысле жизни, он просто живёт. В человечестве главное – помочь слабому, на земле ценят сильных, достигших чего-то в жизни. К планетарным составляющим относятся энергия, сердце, тело, чувства, путь и др., к человеческим – информация, мозг, имя, цель, понятия и др. [11, с. 325-326]. По мнению Е.Д. Лучезарновой, «Россия – это страна информационная, или понятийная» [7, с. 24], или, по-другому, человеческая страна, именно в ней было введено всеобщее среднее образование. Не случайно на Западе всегда ценился «русский мозг». «Россия – это страна, где всегда ценились знания, поскольку именно здесь хранятся информопакеты (или идеи) всего человечества» [там же, с. 34].

Ритмомера «Русские» позволяет выравнивать в каждом человеке два начала – человеческое и земное. С одной стороны, происходят улучшения в планетарной части жизни – принявшие ритмомеру начинают фиксировать то, что с ними происходит, развивается наблюдательность. Поскольку русскому человеку, живущему на человеческой стороне ленты жизни, больше свойственно думать, мечтать, но довести до конкретных реальных дел, до практики часто бывает сложно, то с помощью ритмомеры можно планетарное, земное начало дорастить, доразвернуть, научиться фиксировать хорошее. Как показывает практика, результатом работы с ритмомерой «Русские» является улучшение взаимопонимания с окружающими людьми: человек начинает видеть лучшее в других, отсюда общение становится более комфортным.

С другой стороны, данная методика позволяет культивировать в человеке качества, адекватные русскому культурному коду: сознательность, соразмерность, чистоту восприятия, чувство сопричастности, внимания к большому и малому, к разным явлениям и аспектам жизни, умение ценить слово, желание обучаться на протяжении всей жизни, то есть качества, улучшающие человеческую сторону ленты жизни.

В каждой ритмомере, предложенной Е.Д. Лучезарновой, есть два названия: одно описывает то качество, с которым необходимо поработать, в данном случае – это понятие «русские», а второе название связано с результатом, который получает человек, принявший ритмомеру.

Как обозначено в самой ритмомере «Русские», результатом работы с ней является приобретение способности считывать и интерпретировать разнообразные информационные паттерны, так называемые «знаковые подсветки». Подсветки, по словам Е.Д. Лучезарновой, можно найти в её книгах. Это своего рода путеводители по траектории жизни человека, которые показывают, куда следует направляться, а куда нет, потому что там можно потратить время, но не получить своих знаков. «…Подсветкой знак становится тогда, когда у вас ещё есть время для анализа ситуации и принятия решений. Подсветка – это лёгкое освещение будущего события» [8, с. 44].

«Знаковые подсветки» в теме «русского кода», «русского характера» позволяют формировать личность, ценностью для которой являются: родной русский язык, русская классическая литература, традиционные духовные ценности, всё лучшее, что накоплено предыдущими поколениями, но вместе с тем не брать то, что нарушает нашу самобытность, духовность и целостность.

У русского народа есть «право на разум, право на обсуждение, у него есть право на логику. И логика этого народа – самая красивая из всех видов логики,

поскольку она не из кирпичиков состоит, – она постоянно берёт Бесконечность и всегда пытается удержать целостность» [9, с. 9].

Первый этап работы с ритмомерой позволяет проанализировать собственную жизнь, выявить и зафиксировать повторяющиеся моменты по данной теме. Такой анализ направлен на сбор проблемных или событийных нитей по темам, обозначенным в тексте ритмомеры. Например, человек всегда вовлекался в события, которые его не касаются напрямую, а были навязаны ему кем-то из знакомых, друзей или коллег. Это, конечно, отнимало много сил и времени. Поработав с текстом ритмомеры, он вспомнил все ситуации, когда уходил со своей траектории и вовлекался в чужие события. Связав воедино свою проблемную нить, он получил ясную картину своей жизни, что позволило сделать определённые выводы и выйти на свои знаки.

Второй этап работы по настоящей методике предполагает работу с ритмом, закреплённым в данной ритмомере. Ритм прокладывает «тоннель» в будущее. На третьем этапе проделывается практическая лингвистическая процедура под названием «ритмика», формирующая будущее без проблем, ущербов и мистерий. Далее мы приведём конкретные данные по результатам прохождения этой программы, используя протоколы и отзывы её участников.

В отзывах отмечается, как изменялось внутреннее состояние участников:

ушло привычное состояние жалоб на жизнь, когда хочется другому рассказывать о своих проблемах; появилось понимание многих жизненных ситуаций, увеличилась вместимость; активизировался мозг, улучшилась память; привычное негативное восприятие многих вещей заменилось на позитивное; появилось внимательное отношение к словам, «научился ценить слова».

Интересно, что эта ритмомера не является самой популярной и востребованной у клиентов, напротив, она зачастую является последней принимаемой из всех ритмомер. То есть побуждением к работе с ней является либо тот факт, что это единственная ритмомера, которую ещё не принимал клиент, либо клиент обращается к этой ритмомере по рекомендации ритмолога, причём второй фактор фиксируется чаще первого. То есть побуждения к приёму ритмомеры чаще внешнего характера, а не внутреннего.

Приведём отзыв клиента, принявшего ритмомеру «Русские»:

«В 2020 году, когда началась пандемия, стало много негативной информации, касающейся нашей страны. Решила принять ритмомеру «Русские». Во время прочтения текста ритмомеры обратила внимание на момент, касающийся пустотности, пустоты. У русского человека должно хватать пустотности, чтобы принять информацию и отодвинуть её, не входить в негатив, а сначала проанализировать, переработать и взять лучшее. Найти такое решение, которое будет во благо не только самому человеку, но и планете и всем живущим на ней. После принятия ритмомеры поменялось информополе вокруг, и я начала всех «поворачивать в плюс». Сама вышла из чатов, где много негативной информации. Снаружи появилась положительная информация о руководителях нашего региона. Увеличилось моё расстояние от того, что происходит в мире, я словно оказалась не внутри, а снаружи происходящего». Так работа с ритмомерой разворачивает фиксацию с негатива на лучшее и выравнивает человеческую и планетарную стороны жизни человека.

Завершая раздел, отметим, что мы отдаём себе отчёт в том, что существенным ограничением ритмомеры как средства операционализации культурного кода является её антропоцентричность, так как она не учитывает макросоциальные факторы (экономика, политика), влияющие на актуализацию кода. Валидизация метода требует лонгитюдных исследований с контрольными группами, а также расширения контекста исследований по линии междисциплинарных подходов.

В данной статье мы ввели понятие «цивилизационный культурный код» и осуществили его операционализацию через конкретную ритмологическую методику. Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы

относительно природы «русского характера» как цивилизационного культурного кода и его ритмологической интерпретации.

Цивилизационный подход как методологическая основа трактовки культурного кода: Сопоставление формационного и цивилизационного подходов в историографии показывает принципиальную ограниченность первого для анализа цивилизационных возможностей развития субъектов исторического развития. Формационная парадигма, акцентирующая универсальные экономические стадии развития, неизбежно трактует специфику русского менталитета как фактор отклонения от «нормативного» (западного) пути. Цивилизационный подход, напротив, раскрывает «русский характер» как устойчивое цивилизационное ядро, обладающее внутренней логикой развития. Его ключевые черты – амбивалентность (Бердяев), «всечеловечность» (Достоевский), «невыработанность»/пластичность (Лосский) и инверсионная цикличность (Ахиезер) – не являются недостатками, а представляют собой необходимые стратегии самосохранения этноса в уникальных историко-географических условиях.

Ритмология как инструмент декодирования и операционализации: Концепция Е.Д. Лучезарновой и разработанная ею ритмомера «Русские» предоставили эффективный инструментарий для анализа и практического применения цивилизационного культурного кода в сфере личностного роста. Ритмологическая трактовка выявила его сущностные характеристики:

«Пустотность» (информационная природа): Способность к вмещению и ассимиляции культурных элементов без утраты идентичности, что коррелирует с идеями космизма о единстве человечества и ноосферном синтезе. Эта концепция продолжает идеи работ А.Л. Чижевского об энергоинформационном обмене в системе «Космос-Биосфера-Социум».

Дуальность «человеческого» (информация, разум) и «земного» (энергия, чувство): Ритмомера «Русские» доказала свою эффективность как метод гармонизации этих начал в индивидуальном сознании, способствуя снижению негативизма, развитию наблюдательности, когнитивной гибкости и способности к ценностно-ориентированному выбору.

Потенциал для будущего: Выявленные ритмологией качества русского кода – способность к синтезу («всеединство»), ориентация на смысл и разум («информационность»), трансцендентное видение («космичность») – обладают значимым прогностическим потенциалом. Они могут стать основой для формирования альтернативной модели глобального развития, ориентированной не на технократическую гомогенизацию, а на ноосферную коэволюцию, где духовно-экологическое измерение и коллективная солидарность уравновешивают техногенные риски и индивидуализм.

Таким образом, «русский характер», понятый как динамический цивилизационный культурный код и проанализированный средствами ритмологии, предстаёт не архаическим реликтом, а живым, адаптивным механизмом, имеющим собственный потенциал роста. Его изучение и осмысленное применение открывает путь к экспликации уникальной роли русской цивилизации в построении многополярного мира и формировании устойчивой, духовно-ориентированной модели будущего для всего человечества.

Перспективными направлениями дальнейших исследований, на наш взгляд, являются:

Валидизация терапевтической эффективности ритмомеры «Русские» в лонгитюдных исследованиях с контрольными группами.

Изучение трансформации кода под влиянием цифровизации и глобальных информационных потоков.

Сравнительный анализ русского цивилизационного кода с другими его разновидностями с использованием ритмологических и иных методов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России): В 2 т. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 1. 804 с.; Т. 2. 600 с.

2. Бердяев Н. А. Русская идея / Николай Бердяев. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008. 318 с.

3. Достоевский Ф.М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине // Русская идея. М.: Республика, 1992. С.130 – 146.

4. Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России: Циклы модернизационного процесса / Под ред. В.В. Ильина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 399 с.

5. Кичигина В.В. Русские как космос (откровение и пророчество как жанр публицистики у Е.Д. Лучезарновой и Ф.М. Достоевского) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2017, № 6. С. 148-152

6. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991. 368 с.

7. Лучезарнова Е. Д. Космичность удали российской. СПб.: РИТМОВЗЛЁТ, 2018. 52 с.

8. Лучезарнова Е.Д. Случайностей нет. СПб.: РИТМОВЗЛЁТ, 2019. 344 с.

9. Марченко Е.Д. Русские. М.: РИТМ 25, 2011. 28 с.

10. Миронов Д.А. Актуальный космизм. Дискурсы русского космизма и ритмологии: монография. Москва: НИЦ МИСИ, 2021. 214 с.

11. Наумова Е.В. Лингвопроективность и ритмометодный дискурс языковой личности Е.Д. Лучезарновой. СПб.: ООО Издательский дом «Петрополис», 2021. 332 с.

12. Наумова Е.В. Тема России в творчестве Е.Д. Лучезарновой // Русский язык: средство общения и учебная дисциплина: материалы Всероссийской ежегодной научно-методической конференции с международным участием «Русский язык: средство общения и учебная дисциплина» 20–21 февраля 2025 г. / под ред. канд. фил. наук, доцента Н.Н. Китуниной, канд. пед. наук, доцента А.С. Крайновой. Санкт-Петербург: ВМедА им. С.М. Кирова, 2025. С. 145-151.

13. Субетто А.И. Слово о русском народе и русском человеке: Научное издание / под научн. ред. проф., д.ф.н. А.В. Воронцова. СПб.: Астерион, 2013. 280 с.

14. Экономическая психология / Под ред. И.В. Андреевой. СПб: Питер, 2000. 512 с.

15. Яковенко И.Г. Россия и модернизация в 1990-е годы и последующий период: социально-культурное измерение. М.: «Новые Знания», 2014. 320 с.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (639.1)

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ ПАВЛОВНА (СТАРШАЯ): НЕМЕЦКАЯ ДИАНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ОХОТЫ

Целыхова Елизавета Константиновна
Старший научный сотрудник, кандидат филологических наук,
Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Всероссийский научно-исследовательский институт охотничьего хозяйства и звероводства им. профессора Б. М. Житкова»,
г. Киров, Россия
SPIN-код: 8763-8335

В статье рассматривается малоизученный аспект биографии великой княгини Марии Павловны Мекленбург-Шверинской (1854–1920), супруги великого князя Владимира Александровича. В истории императорского дома она известна прежде всего как создательница «альтернативного двора», конкурировавшего с двором супруги Николая II. Однако исследования источников позволяют выявить еще одну важную составляющую ее образа – страсть к охоте. Мария Павловна не ограничивалась пассивным присутствием на императорских загонных охотах, но активно стреляла сама, что вызывало недовольство части окружения и, в то же время, восхищение современников. Анализ дневников, воспоминаний и художественных источников XIX – начала XX вв. демонстрирует, что охота занимала особое место в ее жизни, определяя не только ее досуг, но и культурную репрезентацию личности. Великая княгиня предстает как уникальный пример женщины российской аристократии, соединявшей европейские традиции женской эмансипации с придворной охотничьей культурой.

Ключевые слова: Мария Павловна-старшая, императорский двор, охота, придворная охота, гендерные роли, российская аристократия, Беловежская пуща, Великий князь Владимир Александрович, придворные практики, традиции Романовых, женское участие в охоте.

GRAND DUCHESS MARIA PAVLOVNA (ELDER): THE GERMAN DIANA OF THE RUSSIAN IMPERIAL HUNTING

Tselykhova Elizaveta Konstantinovna
Senior Researcher, PhD in Philology
Russian Research Institute of Game Management and Fur Farming
Kirov, Russia

The article explores the little studied aspect of the biography of Grand Duchess Maria Pavlovna of Mecklenburg-Schwerin (1854–1920), wife of Grand Duke Vladimir Alexandrovich. Known as the organizer of the "alternative court" in late Imperial Russia, she also stood out for her deep passion for hunting. Unlike most aristocratic ladies, Maria Pavlovna was not a passive observer but an active participant in imperial hunts, earning mixed opinions from contemporaries. Based on different documents, this study shows that hunting occupied a significant place in her self-presentation and served as a medium of

cultural distinction. Thus, she embodied the image of a "German Diana" within the Russian imperial elite.

Keywords: Grand Duchess Maria Pavlovna, Russian Imperial Court, hunting, court hunt, gender roles, aristocracy, Białowieża Forest, Grand Duke Vladimir Alexandrovich, Romanov dynasty, noble leisure practices

*****

Великая княгиня Мария Павловна Мекленбург-Шверинская (1854 – 1920), супруга великого князя Владимира Александровича – одна из наиболее ярких и неординарных личностей последних десятилетий российского императорского двора. Не оставаясь в тени супруга, в противоположность замкнутой и нелюбимой при дворе супруге Николая II она фактически создала альтернативный двор, который диктовал свою моду и свои взгляды. В работах, посвященных личности Марии Павловны и ее взаимоотношений с супругом и правящим домом, подчеркивали ее ум, энергичность, амбициозность [1, С. 72], способности блестяще справляться с ролью хозяйки салона самого высшего класса, любовь к украшениям и зарубежным поездкам, а также колоссальное влияние, которое она оказывала на мужа и детей [2, С. 88].

Однако ни в одном из исследований, включая такие солидные издания, как книга-альбом «Мекленбург-Шверинская принцесса Великая княгиня Мария Павловна – "выдающаяся леди Европы"» [3], изданная «Союзом друзей замка Шверина» («Verein der Freunde des Schweriner Schlosses e. V.») «Мария Павловна, великая княгиня российская, герцогиня Мекленбург-Шверинская: грани жизни между Шверином и Санкт-Петербургом» [4] и «Мария Павловна: покровительница искусств и общественный деятель» [5] не упоминается ещё одна значимая сторона личности Марии Павловны: ее страсть к охоте. Однако исследования, проведенные на основе анализа литературных источников (мемуаров и дневников современников, показали, что это увлечения играло значимую роль в ее жизни, являясь отражение специфического гендерного позиционирования, возникшего на почве европейского мировоззрения.

Следует отметить, что на рубеже XIX – XX вв. активно набирало обороты движение за эмансипацию женщин. Коснулось оно и таких консервативных областей как охота. В патриархальной России знатные женщины часто предавались этому занятию. Даже на страницах специальных периодических изданий появлялись статьи и заметки, написанные представительницами прекрасного пола. К примеру, одна из них, Мария Георгиевна Дмитриева-Сулима, автор первого крупного кинологического труда, написанного женщиной-охотником: «Лайка и охота с нею», первое издание которого вышло в 1898 г., а второе – в 1911 г. В свое статье «Женщина – спортсмэнка», выпущенной под псевдонимом М. Сулима и опубликованной в 1898 г. в журнале «Псовая и ружейная охота», она писала, что женщину-спортсменку, образ которой сменил несколько негативный и нездоровый образ женщины – теософки, вегетарианки, нигилистки и «синего чулка», в европейских странах заметила печать и «любезно встретило мужское общество». Автор задавалась вопросом, какое влияние окажет эта «получившая право гражданства в Европе мода на спорт среди женщин на наших гг. охотников и на наше общество» [6, С. 100] и подчеркивала желательность развития в представительницах «слабого» пола спортивных наклонностей, хоть это, по ее мнению, могло привести к тому, что мужчины вынуждены будут «в некоторых случаях, что называется, "подтянуться"».

Проведенное нами исследование демонстрирует, что великая княгиня Мария Павловна во многих аспектах «заставляла подтянуться» вальяжных представителей императорского дома: она во многом не уступала-представителям мужского пола, а в некоторых аспектах, возможно, и превосходила их, в частности являясь активной

участницей охотничьих мероприятий, и имела собственное европеизированное видение этой традиции.

Но для начала следует сказать несколько слов о личности Марии Павловны. Наиболее значимую информацию о ней можно получить из воспоминаний современников. Так генерал-лейтенант А. А. Мосолов, начальник канцелярии Министерства Императорского Двора и Уделов, в своих воспоминаниях писал: «Великая княгиня Мария Павловна … умная, образованная и любознательная женщина, представляла удивительно подходящую пару для Владимира Александровича … Великая княгиня окружала себя выдающимися людьми и в своем дворце в Петербурге, и в многочисленных заграничных поездках. Вела она и обширную переписку с многими видными деятелями Европы. Сходство ума ее с императрицей Екатериной доходило до того, Марию Павловну считали свободомыслящею. В действительности она была передовой женщиной и считалась с условиями времени» [7, С. 56].

Когда попытки Марии Павловны стать наставницей супруги Николая II в светских делах, которые в совокупности определяли успех или неудачу каждой женщины при дворе, были холодно отвергнуты, она, будучи женщиной властной и вспыльчивой, дала волю своему язвительному языку, комментируя все, что бы ни сделала племянница. Хотя поначалу именно великая княгиня одна из немногих приняла молодую соотечественницу.

Положение усугублялось еще и тем, что ее двор был, в отличие от Большого двора, открытым; все модные художники конца XIX и начала XX века были приняты при дворе президента Академии художеств. Ее двор затмевал двор императрицы. В Санкт-Петербурге именно она была центром любого события в высшем обществе. Ее высказывания повторялись потом по всему городу.

Важнейшую роль при этом, безусловно, играли ее живой ум и развитый интеллект. Мосолов же упоминает случай, когда во время поездки Великого князя Владимира в 1907 г. в Болгарию в качестве представителя России при открытии памятника Александру II в Софии в день большого банкета в честь российских гостей он мог лишь очень быстро и кратко рассказать великой княгине о важных персонах болгарского общества, с которой ей предстояло общаться на приеме. Однако несмотря на столь жесткие условия, великая княгиня вела оживленную и изысканную беседу с людьми, которых видела впервые в жизни, не сделав ни единой ошибки. Когда после приема Мосолов поздравил ее с дипломатическим успехом, она ответила: «Каждый должен знать свое ремесло. Можете передать эту фразу Большому двору» [7, С. 56].

Свое «ремесло» Мария Павловна знала в совершенстве. Чувство вкуса и умение «держать лицо» при любых обстоятельствах передалось ей от матери, Августы Матильды Вильгельмины Рейсс-Шлейц-Кестрицская принцессы Рейсская, в браке великой герцогини Мекленбург-Шверинской, по свидетельствам Кирилла Владимировича Романова: являвшей собой «образец самодисциплины и утонченности, присущих старому веку» [8].

В противоположность почитателям, сторонники Николая II отзывались о Марии Павловне крайне негативно. Так А. А. Половцов, государственный и общественный деятель, сенатор, государственный секретарь и действительный тайный советник в 1897 г. писал: «Владимир – умный, сердечно добрый, более других образованный, много путешествовавший, к сожалению, с самого детства был склонен к лени, рассеянности, обжорству. За последние годы попал под влияние своей жены, которая, пагубно влияет на нравственные его стороны. Эта женщина, преисполненная тщеславия, алчности ко всякого рода низшего сорта развлечениям и удовольствиям, окружила себя и мужа презреннейшими людьми, готовыми на всякий дрянной поступок, могущий доставить им выгоду от великой княгини Марии Павловны» [9, С. 196]. В записи от 11 марта 1901 г. он снова высказал критику отношений великого князя и его жены: «Суббота. Заходил к нам великий князь Владимир Александрович ... Очень опустился, осунулся, состарился бедный великий князь, видно, нелегко ему командование Марии Павловны» [9, С. 274].

Ещё один штрих к портрету этой неординарной женщины А. А. Половцев добавляет записью от 13 августа 1900 г., в которой приводит диалог Николая II и правоведа и государственного деятеля, доверенного лица императора Александра III К. П. Победоносцева о возможности женитьбы великого князя Михаила Александровича на Елене Владимировне, которую, якобы, очень хотела устроить Мария Павловна. В ответ на сомнения Императора относительно возможности такой женитьбы по закону, Победоносцев якобы сказал: «Да для Марии Павловны никакие законы не писаны» [9, С. 274].

Неудивительно, что у некоторых представителей двора с ней сложились «невыносимые» [9, С. 356] отношения. Но что же, за исключением неприязни к супруге Николая II могло послужить причиной такого ее восприятия?

С одной стороны – подчеркнутая привязанность к всему немецкому. Служанок для нее предпочтительно набирали из немок [8], а православие она приняла только в 1909 г., тогда, когда появилась перспектива того, что ее старший сын сможет наследовать российский престол. Однако необходимо участь, что женитьба на немецких принцессах, как известно, была традиционной для дома Романовых. Немками были, к примеру Софи́я Авгу́ста Фредери́ка А́нгальт-Це́рбстская, будущая Екатерина II, Мария Федоровна (1759-1828 гг.), урожденная принцесса София-Доротея-Августа-Луиза Вюртембергская, с 1776 г. жена Павла I, великая княгиня, императрица, Елизавета Алексеевна (1799-1825 гг.), урожденная принцесса Луиза-Мария -Августа Баден-Дурлахская, жена Александра I, Мария Александровна (1824-1880 гг.), урожденная принцесса Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария Гессен-Дармштадтская, жена Александра II и т.д.

Другое объяснение нелюбви к яркой и сильной личности Марии Павловны можно найти в воспоминаниях ее племянницы и тезки, Марии Павловны (младшей), дочери великого князя Павла Александровича и греческой принцессы Александры Георгиевны Она писала: «... принцесса, которая выделялась своими интеллектуальными способностями или стремлением к интеллектуальной деятельности, если она выходила за рамки обычной благотворительности, вызывала зависть, критику и иронию окружающих. Интеллектуальная посредственность была и убежищем, и защитой; это не было особенностью монаршего быта только в России» [10].

Свою тетку она описывала как идеальный объект такой критики: «Умная, полная энергии и инициативы, она не пользовалась благосклонностью двора, боявшегося ее независимости и довольно острого языка. В то время она была единственной великой княгиней, которая любила и умела развлекаться. Она собирала вокруг себя не только местную элиту, но и дипломатов и иностранцев, приезжающих в Петроград. Они уважали ее за ум и были очарованы ее обаянием» [10].

Яркий и неординарный характер Марии Павловны проявлялся в полной мере и на Императорских охотах: к примеру, она стреляла сама, при этом одеваясь в европейский охотничий костюм с относительно короткой юбкой. Прочие же дамы сидели на номерах рядом с кем-то из мужчин. Вот, что писала, к примеру, великая княжна Татьяна Николаевна великой княгине Ксении Александровне 21 сентября 1912 г. об охоте в Беловеже: «Моя милая тетя Ксения… В Беловеже было ужасно весело. Мы ездили с Папа на охоту, Ольга и я. Мария была с Анастасией только два раза. Я стояла два раза у Папа на номере, раз у князя Голицына, раз у кн. Белосельского и раз у Дрентельна. Ужасно было хорошо» [11, 12-13].

Кроме того, Мария Павловна превосходно ездила верхом: эта лихая наездница вызывала восхищение не то только у своей свиты, но и у гвардейских офицеров-кавалеристов, с которыми с удовольствием «скакала галопом» [8]. При этом нужно учесть, что некоторые великие князья, в частности сам Владимир Александрович, верховую езду не любили. Кстати, именно в личном фонде Марии Павловны в ГАРФ сохранился документ, детально представляющий конные состязания 1900 г., проходившие в Михайловском Манеже под патронажем Комитета «Общества поощрения полевых достоинств охотничьих собак и всех видов

охоты», в 3-й день которых, проводились состязания на «Приз "Охотничий" в 425 р., для ездоков-охотников, при условии пройти все препятствия полевым галопом, не переменяя аллюра с начала скачки до ее окончания …» [12, 2].

Охотничья страсть, скорее всего, зародилась в Марии Павловне не под влиянием ее супруга, а ещё на родине, в великолепных охотничьих угодьях Мекленбург-Шверина. Великий князь Кирилл Владимирович писал: «Отец очень любил ездить в Шверин, так как был страстным охотником, а окрестные леса были идеальным угодьем для охоты на оленей. Позднее я тоже раз или два охотился там» [8]. Осенью 1889 г. егермейстер Высочайшего Императорского двора Михаил Владимирович Андреевский также ездил в Шверин вместе с великим герцогом Мекленбург-Шверинским Фридрихом Францем III и его супругой великой княгиней Анастасией Михайловной. «Жили в Гелбензонде, летней резиденции Гросгерцога. Он очень обязательно предоставил мне охоту на оленей (благородных) со швайсхундами (кровяными гончими. – Е. Ц.). Застрелил одного в Ясинце. Интересная охота и чудно устроена» [13, С. 510].

Независимое поведение Марии Павловны вызывало недовольство у ее августейшего деверя. А. А. Половцев вспоминал: «она очень довольна разыгрывать роль императрицы несмотря на то, что это бесит государя» [9, с. 239]. Н. А. Вельяминов, личный врач Александра III писал в своих «Воспоминаниях …»: «Не любил Государь и активного участия дам на охоте и дамских охотничьих костюмов. Сужу об этом потому, что Государь, показывая мне сам один из альбомов Зичи, того года, в котором на охотах принимала участие Вел. Княгиня Мария Павловна, остановил мое внимание на рисунке, изображавшем Вел. Княгиню в короткой юбке и тирольской шляпе, и с усмешкой добавил: "А вы видели, как она нарядилась". Говорили, что Государю настолько не нравились костюмы Великой Княгини и то, что она стреляла, что Он перестал приглашать ее в Спалу, почему в этом году Вел. Князь и был в Спале без жены» [14, С. 276-277].

Охотничьи костюмы Великой княгини обращали на себя не только внимание Императора. Великая княжна Ксения Александровна в своем письме от 14 сентября 1892 г. к Александре Александровне Оболенской (урожденной Апраксиной) с охоты в Спале писала: «…Д (дядя). Владимир уедет отсюда раньше нас, т.к. ему надо ехать в Weimar, жаль, что мы не увидим т (тетю) Михен в Скерневицах в ее чудном costume de chasse (охотничьем костюме)! Наверное, что-нибудь новое было приготовлено» [15].

Это позволяет предположить, что Великая княгиня была единственной дамой, надевавшей на охоты особое охотничье платье. Действительно, на акварелях, посвященных «Охота 27 сентября 1890 года в Скверницах» [16, С. 427-430], где пером и кистью придворного художника М. А. Зичи описаны быт и особенности проведения императорских охот в этой резиденции Александра III в Ловичском княжестве, имеется несколько изображений, позволяющих судить о поведении и внешнем виде дам на охоте. Очень показателен рисунок «Охота 27 сентября 1890 г. Скерневицы». Так Великая княжна Ксения, дочь Императора, изображена в длинной юбке в синюю клетку и шляпке, наряде, более подходящем для прогулки, нежели для охоты. В похожем наряде изображена и ее мать. А на рисунке слева внизу – совершенно другая картина: полная женщина – Великая Княгиня Мария Павловна в охотничьем костюме стреляет сама, а находящиеся рядом мужчины внимательно наблюдают за результатами выстрела.

Николай II в своем дневнике в этот день писал: «В поле был круг – котел, по-здешнему, мы шли с загоном к флагу. Остальные загоны происходили в лесу. Стреляли много. Завтракали большим обществом. Тётя Михень (Мария Павловна. – Е. Ц.) тоже стреляла» [17, С. 37].

Рисунок 1 – Фрагмент рисунка М. Зичи «Охота 27 сентября 1890 года. Скверницы», копия с репродукции, размещенной книге «Придворная охота. Каталог к выставке Исторического музея. 26 сентября 2002 – 20 февраля 2003» (с. 330)

Надо сказать, что Александр III был непоследователен в этих своих высказываниях, поскольку своей супруге Марии Федоровне он позволял намного более опасные охотничьи приключения: для Императрицы, бывшей отличной и смелой наездницей, устраивались особые охоты на французский манер: преследование оленя верхом с гончими (chasse a eoers). Причем делала это отдельно от августейшего супруга: Николай II писал о том, что в том же сентябре 1890 г. Мария Федоровна шестого числа «с Ксенией и своими гостями отправилась на собственную охоту» [17, С. 33], а одиннадцатого числа снова «поехала на собственную охоту» [17, С. 34]. В книге «Императорская охота во владениях Ловичскаго княжества в 1884 г.» имеется свидетельство того, что со 2 по 7 сентября ее сопровождала и Мария Павловна [18, С. 3, 8, 9.]. Кстати, 12 сентября, после ее отъезда императрица изволила отправиться на специально для нее организованную парфорсную охоту в сопровождении графа Берга, принца Альтенбургского и полковника Шереметева [18, С. 24-28]. В указанном источнике имеется подробное описание лихой скачки маленькой императрицы за оленем, преследуемым стаей собак.

Присутствовала Мария Павловна и на последней охоте императора Александра II в Беловежской пуще в конце августа 1894 г. Однако в таблице «Сведения об охотах, проводившихся с 22-го августа по 3-е сент. 1894 г.» сведений о дичи, добытой Марией Павловной не приводится [18, 374].

На последующих охотах в Беловежской Пуще Мария Павловна также отвергала роль пассивной наблюдательницы, предпочитая сама стрелять «на штанде». Однако выезжать на охоты ей приходилось лишь в обществе мужа: с Императором Николаем II и его семьей отношения также не складывались.

В книге Карцова «Беловежская пуща» имеется упоминание о том, что первая охота на оленя на реву с подъезда была организована в пуще для Великого князя Владимира Александровича и Великой княгини Марии Павловны в сентябре 1902 г. [19, 246]. Он писал: «… охотничий отстрел вновь производился в Пуще ещё один раз, в сентябре 1902 г. Это была охота Великого Князя Владимира Александровича и Великой Княгини Марии Павловною. Их августейшие высочества прибыли в Беловеж 14-го прошлого сентября. Августейших посетителей Пущи сопровождали г-жа Петерс, Д. К. Нарышкин и полковник Галл. О приезде Великого князя и Великой княгини пущинская администрация была оповещена за полторы недели, а потому особо тщательных приготовлений к производству охоты не могли предпринять и тем более, что предполагалось охотиться лишь пиршем (скрадом. – Е. Ц.). Олени, хоть и ревели хорошо, дружно, без перерывов, случающихся иногда при неблагоприятной погоде или при беспокойстве, но рев шел вразброд и по всей Пуще, а не на отдельных местах, и с 24-го сентября стал заметно ослабевать. С подъезда и подхода охотились каждое утро. Этот способ охоты в Пуще производился впервые. За недостатком

подъездных дорог к районам рева, зачастую приходилось пользоваться обыкновенными охотничьими дорогами и просеками, а для подхода – тропами, и даже прокрадываться целиной. Перехватывать и встречать выстрелом ходового зверя удается именно там, где пиршевые дороги извиваются по всему району охоты; тут же приходилось отказываться от преследования лучших экземпляров, удаляющихся от просек и дорог. Стреляли только по случайному зверю. Некоторые обер-егеря, сопровождавшие охотников, впервые являлись в роли проводников на пирше. При всех этих неблагоприятных в подобной охоте обстоятельствах, тем не менее, с подхода и подъезда было взято 22 оленя. Их императорские Высочества и приглашенные гости ежедневно выезжали на охоту около 4-х утра и возвращались к 8-ми; во дворце завтракали в 10 часов, а в 11 выезжали на облавы, производившиеся не в лучших по количеству зверя местах Пущи, а по окраинам, дабы не тревожить оленьего рева … Великая Княгиня не пропускала ни одной облавы, во время которых, стоя на стенде с г-жей Петерс (старой мекленбургской подругой. – Е. Ц.), иногда останавливала выстрелами трех зверей в течении одного загона, стреляя из штуцеров по крупной дичи и меняя их на дробовики против козлов, зайцев и, пера и лисиц. Некоторые облавы велись обычным порядком, принятым в высочайших охотах, с той лишь разницею, что зверя гоняли не солдаты, а крестьяне, но кроме того в этот раз впервые в Беловеже стали применять контр-загоны с шумом по кварталам, только что прогнанным обыкновенным загоном, и при этом случалось, что на стрелковую линию выходило больше зверя, чем при обыкновенном способе… Охоты Великого Князя продолжались до 29-го сентября. Всего за 15 дней было взято: 1 зубр, 3 лося, 39 оленей, 12 даниэлей (ланей. – Е. Ц.), 51 козел, 36 кабанов, 5 зайцев, 1 рябчик и 3 лисицы, а всего 151 штука. В последовавшие за охотой дни было найдено ещё 3 оленя, 2 даниэля и 1 кабан, павшие от ран» [19, С. 392-393].

Рисунок 2 – Ее императорское высочество В. К. Мария Павловна на штанде во время гона. Фотография из книги Г. П. Карцова «Беловежская пуща» (с. 392)

Об участии Марии Павловны в охотах писал в своих «Охотничьих записках и дневниках» и егермейстер Михаил Владимирович Андреевский. Так в 15 февраля 1881 года он упоминает о том, что в этот день, после его удачной охоты на медведя, в Торбино поехал Наследник престола с супругой и великий князь Владимир Александрович с Марией Павловной, граф Воронцов и В. А. Шереметев где для них была подготовлена охота на четырех медведей [13, С. 124].

По его же информации в 1887 г. великая княгиня с мужем с 22 по 27 октября принимала участие в охотах в Скверницах, а затем в Спале [13, С. 465]. 23 сентября 1888 г. великая княгиня и великий князь принимали участие в облаве у В. И. Асташева недалеко от села Высоцкое за Красным селом. Одиннадцатью охотниками за этот

день было добыто в общей сложности 170 экземпляров дичи [13, С. 509]. 14 и 16 октября 1889 г. великий князь Владимир Александрович приглашал Андреевского на «Царскую охоту» в окрестностях Гатчины (у Пудости и у станции Владимировки, в которых также принимала участие Мария Павловна, «очень хорошо стрелявшая, даже дичь в лет» [13, С. 686]. Обращает на себя внимание то, что «Царская охота» была оставлена Государем Владимиру Александровичу на время своего отъезда, чем, видимо и воспользовалась великая княгиня, чтобы придаться любимой забаве.

Таким образом, Мария Павловна предстает не только как влиятельнейшая придворная дама и покровительница искусств, но и как одна из представительниц нового типа женщин Российской империи. Активно участвовавшая во всех областях жизни, в том числе и в охоте, традиционно считавшейся мужской прерогативой, она являлась не только полной противоположностью покорным императорским и великокняжеским женам прошлого, но и яркой представительницей новых европейских гендерных тенденций. Ее смелое и самостоятельное поведение сделало ее своеобразной «немецкой Дианой» российского императорского охотничьего общества, чей образ ярко выделяется на фоне более консервативной, в целом, пассивной и серой придворной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черкасская Н. А. Образы великих княгинь Елизаветы Федоровны и Марии Павловны-старшей в источниках личного происхождения представителей дома Романовых и приближенных (конец XIX – начало XX в.) / Н. А. Черкасова // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2019. – № 3 (23). – С. 68–76.
2. Чувардин Г.С. Перипетии семейной жизни великого князя Владимира Александровича. «Добрый барин»: великий князь Владимир Александрович – между «старой» и «новой» Россией (окончание) / Г.С. Чувардин, И. В. Гончарова, О.А. Харченко // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2022. – № 3 (96). – С. 87-92.
3. Корнева Г. Н. Мекленбург-Шверинская принцесса Великая княгиня Мария Павловна – выдающаяся леди Европы / Г. Н. Корнева, Т. Н. Чебоксарова. – Санкт-Петербург: Информ. об-ние «Лики», 2013. – 155 с.
4. Maria Pawlowna. Großfürstin von Russland, Herzogin von Mecklenburg-Schwerin: Facetten eines Lebens zwischen Schwerin und St. Petersburg / Verein der Freunde des Schweriner Schlosses e.V. – Schwerin: Verein der Freunde des Schweriner Schlosses, 2015. – S. 147 s.
5. Seifert R. Maria Pawlowna: Förderin der Künste und soziale Wohltäterin / Rita Seifert. – Weimar: Weimarer Verlagsges, 2012. – S. 286.
6. Сулима М. Г. Женщина-спортсмэнка / М. Г. Сулима // Псовая и ружейная охота. –1898.– №8. – С. 99-100.
7. Мосолов А. А. При дворе императора / А.А. Мосолов. – Рига: Филин, 1938. – 232 с.
8. Романов К. В. Моя жизнь на службе России [Электронный ресурс] / URL: https://imperialhouse.ru/rus/monograph/monograph/kirill-vladimirovich-imperator-moya-zhizn-na-sluzhbe-rossii-spb-liki-rossii-1996-334-s.html (дата обращения: 20.07.2025).
9. Половцов А. А. Дневник. 1893-1909. / А. А. Половцев // Санкт-Петербург: Алетейя, 2014. – 702 с.
10. Романова М. П. Воспоминания великой княжны. Страницы жизни кузины Николая II. 1890-1918. [Электронный ресурс] / URL: https://www.litres.ru/book/mariya-romanova/vospominaniya-velikoy-knyazhny-stranicy-zhizni-kuziny-niko-618715/ (дата обращения: 23.07.2025).
11. Романова Т. Н. Письмо к великой княгине Ксении Александровне от 21 сентября 1912 г.; цит. по: «Придворная охота. Каталог к выставке Исторического музея. 26 сентября 2002 – 20 февраля 2003» / Научный редактор и составитель И. Н. Палтусова. – Москва: Художник и книга, 2002. – 432 с.

12. Программа скачек, устраиваемая комитетом общества поощрения полевых достоинств охотничьих собак и всех видов охоты. – Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 655. Оп. 1. Д. 750. 2 л.

13. Андреевский М. В. Охотничьи записки и дневники егермейстера М.В. Андреевского / М. В. Андреевский. – Москва: ред.-изд. журн. «Природа и охота» и «Охотничья газ». Н.В. Туркин, 1909. – С. 510.

14. Вельяминов Н. А. Воспоминания об Императоре Александре III / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Д. Налепиной // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. – С. 249—313.

15. Романова К. А. Письмо Оболенской А. А., 14 сентября 1892 г. Спала [Электронный ресурс] / URL: https://runivers.ru/new_htmlreader/?book=5606&chapter=84106 (дата обращения: 20.07.2025).

16. Зичи М. А. Охота 27 сентября 1890 года. Скверницы (репродукция) // Придворная охота. Каталог к выставке Исторического музея. 26 сентября 2002 – 20 февраля 2003 / научный редактор и составитель Палтусова И. П. – ИПЦ «Художник и книга», 2002. – С. 432.

17. Романов Н. А. (Николай II (император; 1868-1918)). Дневник императора Николая II (1890-1906 гг.) // Н. А. Романов – Берлин: Слово, 1923. – 272 с.

18. Малыхин Н. Императорская охота во владениях Ловичскаго княжества в 1884 г. / сост. Н. Малыхин. – Варшава: тип. и словолитня Левенталя, 1886. – 36 с.

19. Карцов Г. П. Беловежская Пуща: Ее ист. очерк, соврем. охотничье хоз-во и высочайшие охоты в Пуще / Г. П. Карцов. – Санкт-Петербург: артистич. заведение А.Ф. Маркс, 1903. – 414 с.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РФ

УДК 82.091

ВЛИЯНИЕ «ЦАРЯ-РЫБЫ» ВИКТОРА АСТАФЬЕВА НА ПОСТРОЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЧИ ЦЗЫЦЗЯНЬ

Лу Дунлян
Аспирант,
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека,
г. Ташкент, Узбекистан

Произведение Виктора Астафьева «Царь-рыба» оказало значительное влияние на экологическое творчество китайской писательницы Чи Цзыцзянь. Статья представляет сравнительное исследование творчества авторов по четырём аспектам: экологический холизм, экологическая культурная критика, экологический идеал и предупреждение, экологическая эстетика. Идеи, воплощенные в «Царе-рыбе» – преодоление антропоцентризма, критика современной цивилизации, создание экологического идеала, принципы экологической эстетики – нашли отражение в произведениях Чи Цзыцзянь, в частности в романе «Правый берег реки Аргуни». Оба автора через осмысление экологической морали демонстрируют дух реализма и гуманизма.

Ключевые слова: Виктор Астафьев, Чи Цзыцзянь, «Царь-рыба», экологическая литература, экологическая эстетика.

THE INFLUENCE OF VIKTOR ASTAFYEV'S “THE FISH KING” ON THE CONSTRUCTION OF CHI ZIJIAN'S ECOLOGICAL LITERATURE

Lu Dongliang
Postgraduate student,
Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan

Victor Astafiev's novel has exerted a significant influence on the ecological writing of Chinese author Chi Zijian. This article presents a comparative study of the two authors' works across four aspects: ecological holism, ecological cultural criticism, ecological idealism and warning, and ecological aesthetics. The ideas embodied in “The Fish King” – overcoming anthropocentrism, critiquing modern civilization, creating ecological ideals, and principles of ecological aesthetics – are reflected in Chi Zijian's works, particularly in her novel “The Right Bank of the Argun River”. Both authors, through their exploration of ecological morality, demonstrate a spirit of realism and humanism.

Keywords: Victor Astafyev, Chi Zijian, “King Fish”, ecological literature, ecological aesthetics.

*****

В современных российских и китайских академических кругах, несмотря на наличие отдельных исследований экологической мысли Виктора Астафьева и Чи Цзыцзянь, кросс-культурные сравнительные исследования их творчества остаются на начальной стадии. Существующие работы в основном сосредоточены на анализе текстов отдельных авторов: например, российские учёные интерпретируют «Царь-рыбу» через призму натурфилософии, а китайские исследователи применяют экокритику к «Правому берегу реки Аргуни». Однако систематические сравнительные исследования пока не сформированы. Статья китайского учёного Ли Шуяна «Левый и правый берег: сравнительное исследование Чи Цзыцзянь и Виктора Астафьева», хотя и создаёт предварительную основу для диалога, страдает теоретической ограниченностью – в ней недостаточно проработаны философские истоки экологических идей авторов, а также вопросы культурной трансляции пантеизма.

Экологические эстетические парадигмы двух писателей, отражающие их реакцию на кризис модерна в разных цивилизационных контекстах, обладают потенциалом для взаимного обогащения в межкультурной перспективе. Заполнение этой исследовательской лакуны способствовало бы развитию сравнительного изучения русской и китайской экологической литературы в направлении теоретизации и систематизации.

Одной из главных причин, по которой «Царь-рыба» занимает особое место в истории мировой экологической литературы, является то, что в произведении исследуются практически все аспекты проблем, волнующих современную экологическую литературу и экологическую критику. Экологическая литературная мысль, отраженная в «Царе-рыбе», оказали тонкое влияние на такие произведения Чи Цзыцзянь, как «Правый берег реки Аргуни», «Ясность за облаками», «Вершины гор» и «Лесная баня Кунсэ».

«Экологическая литература основана на концепции экологического холизма и имеет в качестве высшего ценностного ориентира общие интересы экосистемы. Она исследует и изображает отношения между природой и человеком, исследует социальные корни экологического кризиса, а также воплощает и выражает уникальную экологическую эстетику. Экологическая ответственность, культурная критика, экологические идеалы, экологическое предупреждение и экологическое эстетическое восприятие являются ее наиболее выдающимися чертами» [12]. «Экокритика – это литературная критика, которая исследует отношения между литературой и природой под руководством экологии, особенно экологического холизма. Она стремится объяснить идеологические и культурные корни экологического кризиса, отраженные в литературных произведениях, а также исследовать экологическую эстетику литературы и ее художественное выражение» [7].

Исходя из определения экологической литературы и ее критики, мы можем провести сравнительное исследование В. Астафьева и Чи Цзыцзянь по следующим четырем аспектам.

Во-первых, экологический холизм. В основе экологического холизма лежит гармония, баланс и устойчивость экосистемы. Объектами его критики являются антропоцентризм и дуализм человека и природы. Человеку очень легко поставить человеческие интересы на первое место во взаимодействии человека и природы и подчеркнуть, что человеческие интересы должны стать основополагающим ценностным стандартом для человека, регулирующим взаимоотношения между собой и внешней экологической средой. Это основная идея антропоцентризма, а также основа дуалистической мысли Р. Декарта о разделении человека и природы в «Рассуждении о методе», то есть человек может в полной мере использовать природу «для всевозможных применений и тем самым сделаться хозяевами и господами природы» [8]. Очевидно, что сегодня, когда у человека появилась возможность уничтожить Землю, эта точка зрения уже не является универсальной. Чтобы свободно выживать в долгосрочной перспективе, людям следует ограничить идеи, вызывающие экологические кризисы, такие как культура потребления,

технологическое превосходство, девелопментализм и антропоцентризм. Человечество должно использовать и развивать природу в соответствии с экологическими ограничениями.

Еще в «Капле» Астафьев указывал, что природа ни в коем случае не является придатком человека и не может быть разграблена и уничтожена им по своему усмотрению. «Природа – главный участник действия – определяет образ жизни, привычки, мировоззрение людей» [11]. Человек – часть природы. Человек отделил себя от природы, считал себя субъектами и рассматривал природу как скромный объект, который люди могут преобразовать и попрать. Астафьев критиковал антропоцентризм, раскрывая все человеческое поведение, основанное на «Я хочу!» [2]. Человек и природа всегда были темами его творчества. Природа в его произведениях является носителем глубоких эмоций и философских размышлений.

Перед лицом безудержной эксплуатации человеком природных ресурсов и так называемого развития за счет экологической среды Чи Цзыцзянь начала размышлять о современной цивилизации. Чтобы предупредить человечество об экологическом кризисе, в своих многих работах Чи Цзыцзянь критикует людей как правителей и завоевателей, бессмысленно разрушающих природную среду, и в то же время доказывала, что люди и наука не всемогущи. Чи Цзыцзянь высмеивает время морального упадка и духовной пустоты, которая началась с того, что люди стали эгоистичными, отчужденными от природы и погнались за материальными желаниями.

Чи Цзыцзянь говорила: «Изначально среди живых существ не существует различия между высшими и низшими, но из-за существования человека они делятся на уровни» [18]. Именно для того, чтобы избавиться от антропоцентризма, она намеренно развернула повествование с точки зрения собаки и создала «Ясность за облаками». В этом романе повсеместно встречаются сюжеты, описывающие животных как гораздо более отличных, чем люди.

Лейтмотив экологического литературного творчества Астафьева и Чи Цзыцзянь – избавление от антропоцентризма и дуалистического мышления. Как отмечает Донелл Дриз в книге «Экокритика»: «Экокритика как активистская философия ставит одной из своих основных задач сокращение дуалистического мышления, которое отделило человека от природного мира в западном дискурсе и практике» [9].

Во-вторых, экологическая культурная критика. Экологическая литература – это литература, исследующая социальные корни экологического кризиса. Мы должны уделять больше внимания анализу всех социокультурных факторов, определяющих отношение человека к природе и его поведение в природной среде, и сочетать этот анализ с литературными исследованиями, чтобы исторически раскрыть, как культура влияет на экологию Земли.

В «Царе-рыбе» В. Астафьев не только подверг критике антропоцентризм, но и жестко разоблачил связанные с ним современные цивилизационные идеи: индивидуализм, материализм, потребительство, девелопментализм и т. д., приведшие к экологическому кризису.

В «Царе-рыбе» Гога – типичный персонаж в исследовании писателем социальных корней экологического кризиса. Гога находился под сильным влиянием западной культуры. Он пропагандировал индивидуализм и философию сверхчеловека. По его мнению, природа не имеет жизненной силы, и он может брать от нее все, что захочет. Он записал в своем дневнике: «Люди, как черви, копошатся на трупе земли» [2]. У него нет никакого уважения к традициям, жизни и природе. Помимо материальных желаний, важнейшей причиной его исследования тайги была проверка его собственной теории всемогущества сверхчеловека. А. Смирнова отметила, что «Герцев воспринимает природу потребительски и в тайгу отправляется с целью проверить свои физические возможности, вступая с нею в своего рода соперничество, закончившееся для него случайной, нелепой, смертью» [14]. Отрицая Гогу, В. Астафьев критиковал западные культурные ценности и призывал к возвращению традиционного гуманистического духа России в гармонии с природой.

Причина, по которой «Царь-рыба» оказал глубокое влияние на Чи Цзыцзянь, заключается прежде всего в том, что Чи Цзыцзянь нашла отклик в экологическом и культурно-критическом духе В. Астафьева. В прошлом веке у Китая и Советского Союза были очень похожие процессы развития. В 1960-х годах Китай начал активно развивать экономику за счет природной среды. Родина Чи Цзыцзянь, Дасинганлин (Большой Хинган), богат природными ресурсами и является ключевым объектом развития для Китая. Чи Цзыцзянь испытала это на себе и глубоко сожалела об этом. Исследование социальных корней экологического кризиса – не только ее литературная цель, но и практический способ спасти природную среду ее родины. Она не только создала множество литературных проз на экологическую тематику, но и написала множество очерков, выступая за защиту окружающей среды.

Чи Цзыцзянь не является радикальным экологом и не выступает против развития человечества. По словам писательницы: «На самом деле, в развитии нет ничего плохого. Разве Бог не послал людей в этот мир, чтобы они нашли ответ на вопрос выживания у природы? Проблема в том, что Бог хочет, чтобы мы стремились к гармоничному существованию, а не к хищническому и разрушительному существованию» [19]. По ее мнению, человечество должно признать недостатки современной цивилизации и не обманывать себя ложной маской «развития».

В романе «Правый берег реки Аргуни» автор размышляет о всем процессе развития человеческой цивилизации. В произведении эвенки, которые поколениями живут в Большом Хингане, занимаются охотой и оленеводством. Из-за экологического кризиса их жизнь стала крайне тяжелой, и в конечном итоге им пришлось спуститься с горы и поселиться по распоряжению правительства. В глазах современных образованных людей традиционный образ жизни эвенков представляется отсталым, что оправдывает отказ от подобного жизненного уклада. Как отмечает Чи Цзыцзянь: «Уничтожая настоящую цивилизацию, люди всегда лицемерно пытаются восстановить другую» [17]. С наступлением эпохи глобализации экономическое развитие за счет природы стало одним из немногих «консенсусов» среди человечества, и система ценностей человеческой цивилизации, таким образом, стала более единой. Такая культура и цивилизация принесут природе и человечеству еще больший кризис.

Чи Цзыцзянь и Астафьев проводят культурное переосмысление человеческой цивилизации и социальных явлений в русле экологической литературы, стремясь устранить культурные предпосылки экологического кризиса и трансформировать идеологические концепции человечества. Они осуществляют экологическую культурную революцию.

В-третьих, экологические идеал и предупреждение. Неустанное стремление к идеалу гармоничного сосуществования человека и природы является изначальной целью создания большинства произведений экологической литературы. Возвращение к природе – вечная тема экологической литературы. Предупреждение экологических кризисов является важной функцией и ценностью экологической литературы.

«Царь-рыба» – экологически ориентированное литературное произведение, показывающее человечеству прекрасные экологические идеалы и фантазии. В главе «Уха на Боганиде» Астафьев построил идеальную модель выживания всего человечества. Деревня Боганида отличается простым и гармоничным деревенским стилем, который передается из поколения в поколение. Люди «дружно там живут, семейно, и отношения сохранились ещё святые, не загаженные мелочами» [3]. Говоря о создании «Царя-рыбы» в «Посохе памяти», Астафьев назвал «Уха на Боганиде» главой о добре и подчеркнул, что эта глава является «центром книги, смыслом всего» [1]. В утопии деревни Боганиды существуют близкие отношения не только между людьми, но и между людьми и животными. В такой благоприятной среде не наблюдается сцен безумного разграбления природы, а человек и природа действительно достигают состояния гармоничного сосуществования.

Под влиянием Астафьева произведения Чи Цзыцзянь также показывают прекрасные экологические идеалы и фантазии. В романе «Правый берег реки

Аргунь» не только показана печаль и беспомощность человечества в процессе развития современной цивилизации, но и создано культурные племена эвенки, похожие на рыбацкую бригаду в «Царе-рыбе». Эвенки в романе охраняют окружающую среду, соблюдают законы природы и никогда не берут от природы больше необходимого. По мнению Чи Цзыцзянь, высокие нравственные качества эвенкийского этноса представляют собой подлинные духовные ценности, к которым должно стремиться человечество.

Как отмечает Джонатан Бейт: «Искусственные работы сами по себе могут быть воображаемыми состояниями природы, воображаемыми идеальными экосистемами. Читая их, обитая в них, мы можем начать представлять, каково это – жить по-другому на Земле» [5]. Астафьев и Чи Цзыцзянь совместно нарисовали идеальную и желательную картину бытия человечества, достигнув цели эстетического воспитания.

Экологический идеал и экологическое предупреждение неразделимы. Произведения экологической направленности В. Астафьева и Чи Цзыцзянь разоблачают культуру потребления, представление о том, что наука может победить природу, антропоцентризм и другие идеологии и культуры, которые угрожают выживанию человечества, чтобы предостеречь мир. Выше было приведено множество примеров. Из всех форм предостережений наиболее выразительной и художественно значимой является эсхатологическая концепция. Многие западные ученые называют экологически ориентированную литературу литературой экологического апокалипсиса. «Апокалипсис – самая мощная мастер-метафора, которой располагает современное экологическое воображение» [6]. Эсхатологические идеи, отраженные в экологических литературных произведениях В. Астафьева и Чи Цзыцзянь, уходят корнями в пантеизм.

В «Царе-рыбе» апокалиптические сцены присутствуют повсюду, особенно в главе «Летит чёрное перо», где писатель разоблачает зверства, творимые недобросовестными туристами и браконьеришками по отношению к природе, и изображает множество ужасающих сцен апокалипсиса: «Птица сопрела на складе. Вонь плыла по всему поселку» [2]. «Сожженные леса, загаженный берег, дохлая от взрывчатки и отравы рыба» [2]. Эсхатология В. Астафьева имеет определенный пессимизм, однако именно тогда, когда «реки царь и всей природы царь – на одной ловушке, караулит их одна и та же мучительная смерть», люди начинают размышлять о собственных винах.

Экологические литературные произведения Чи Цзыцзянь также пронизаны ярко выраженным эсхатологическим колоритом. В произведении «Правый берег реки Аргуни» Чи Цзыцзянь использует пожар в Дасинганлине 1987 года в качестве исторической основы для создания символической картины конца света. Чтобы потушить пожар, старая шаманка Нихао начала ритуальный танец. В конце концов она умерла под дождем. В память об этом событии Елена создала картину, на которой изображена шаманка Нихао, молящаяся о дожде. «Картина очень величественная. В верхней части картины изображено небо с густыми облаками и темно-зелеными горами, окутанными дымом. В центре картины изображена Нихао, исполняющая шаманский танец, в окружении стада оленей. Лицо Нихао было размыто, но ее божественное одеяние и юбка были настолько реалистичны, что казалось, будто сверкающие металлические украшения издают звуки, если дует легкий ветерок. В нижней части картины изображена пустынная река Аргуни и люди, стоящие на берегу и молящиеся о дожде» [20]. Эта картина отличается ярко выраженным апокалиптическим характером. Шаманка Нихао, подобно Иисусу Христу, принесла себя в жертву ради человечества. Данные изображения производят шокирующее и трогательное впечатление, побуждая людей к размышлению о собственной ответственности.

Вне связи с религиозным мировоззрением и эсхатологическими представлениями экологический призыв к защите природы и жизни на Земле не обрел бы достаточной эмоциональной убедительности. Регионы, где сформировались Астафьев и Чи Цзыцзянь – Сибирь и Дасинганлин – отличаются

пантеистическими традициями. Местные культурные традиции основаны на анимистических представлениях. Согласно этим воззрениям, нарушение природной гармонии влечет неизбежное возмездие. Более того, люди, утратившие духовную связь с природой, разрушая ее, одновременно разрушают собственную нравственную основу. Оба писателя стремятся к тому, чтобы люди восстановили изначальное чувство благоговения перед природой через обращение к первозданным духовным переживаниям.

Фактически, экологический холизм, экологическая культурная критика, экологические идеал и предупреждение – все это входит в сферу экологической этики. «Исследование взаимоотношений человека и природы по сути является исследованием моральных проблем человека, а не просто экологической проблемы» [13]. Именно через глубокие размышления об экологической этике оба писателя демонстрируют свой уникальный реализм и глубокий гуманистический дух.

В-четвертых, экологическая эстетика. Экологическая литература характеризуется уникальной природоориентированной эстетикой. Принципы природы, целостности и взаимодействия являются основополагающими для данного эстетического направления. Творчество В. Астафьева и Чи Цзыцзянь воплощает указанные принципы.

Так называемый принцип природы заключается в том, чтобы подчеркнуть природу как эстетический объект, а не эстета. Отношения между эстетическим объектом и эстетом – это не отношения субъекта и объекта, а отношения интерактивной субъективности. Экологическая эстетика стремится почувствовать и выразить красоту самой природы.

«Царь-рыба» можно считать образцовым произведением, воплощающим принцип природности в экологической эстетике. В главе «Капля» писатель подробно изображает красоту ленка. Посредством художественного описания Астафьев раскрывает философскую мысль о защите природы: «Как и всякое чудо природы, прекрасный ее каприз сохраняется только у «себя дома»» [2]. Описания капли воды, реки, звезд, луны и других природных объектов направлены на выявление внутренней красоты природы.

Чи Цзыцзянь любит все живое в природе своей родины и старается исследовать их естественную красоту. В произведении «Правый берег реки Аргуни» автор в полной мере демонстрирует читателям природную красоту Дасинганлина. В частности, созданные ею образы оленей отличаются особой выразительностью. Писательница отмечает: северный олень «обладает величием лошадиной головы и красотой оленьих рогов, а также крепостью осла и силой коровьих копыт. Раньше Северные олени были в основном серыми и коричневыми... но мне больше всего нравятся белые. В моих глазах белые олени – как облака, плывущие по земле» [20]. Автор хорошо знает оленей и мастерски передает гармонию их существования в природной среде.

Астафьев и Чи Цзыцзянь возносят красоту природы на новую высоту. Эстетическое восприятие природы писателями – это перцептивный процесс, а не просто неизменная, заданная модель. Для обоих писателей природа – это не просто инструмент для выражения психологии персонажей и абстрактного понимания природы людьми. Оба писателя акцентируют внимание на внутренней красоте природного мира.

Так называемый принцип целостности относится к эстетическому принципу, в основе которого лежит экологический холизм. Он берет гармонию и стабильность экосистемы в качестве эстетического стандарта. Как сказал Жан Анри Фабр: «То, что люди называют уродством и красотой, грязью и чистотой, не имеет никакого значения в природе» [15]. Это показывает, что эстетическая ценность, вытекающая из антропоцентризма, находится в противоречии с эстетической ценностью всеобщей гармонии и стабильности природы.

«Царь-рыба» в полной мере демонстрирует целостный принцип экологической эстетики. В романе увядание цветов – это своего рода красота, потому что увядание цветов – это всего лишь этап жизни, а естественная и

упорядоченная замена, наступающая после увядания цветов, – это истинная красота увядших цветов. Кроме того, короеды, жуки и тли не являются уродливыми, поскольку являются пищей, которую любят рыбы. Они являются важным звеном в пищевой цепочке и незаменимы.

В романе «Вершины гор» хищническая вырубка лесов год за годом нарушила экологический баланс леса, вызвав бедствие среди сосновых шелкопрядов. Местные люди начали использовать так называемые научные методы борьбы с вредителями, отправляя вертолеты для распыления большого количества ядохимикатов. «Ядохимикаты убили сосновых шелкопрядов, а также убили животных и растения, которых не следовало убивать...» [16]. Это не только показывает, что люди и наука не могут полностью доминировать над природой, но и что люди должны жить в гармонии с природой. Это также показывает, что сосновые шелкопряды являются частью экосистемы. Они не уродливы. Уродливо поведение человека, разрушающее природную среду.

А. Карлсон, известный теоретик экологической эстетики, считает, что данное направление основано на принципе экологической целостности и представляет собой благоговейное отношение к естественному порядку экосистемы. Поэтому объектом подобной эстетики становится не искусственно упорядоченная среда, симметричные формы или утилитарно полезные для человека объекты, а природа в ее естественном, спонтанном состоянии. При этом, чем загадочнее и неизведаннее естественные законы, определяющие и ограничивающие это «неуправляемое и хаотичное состояние» [10], тем сильнее будет их красота. Несомненно, Астафьев и Чи Цзыцзянь в полной мере реализуют целостный принцип экологической эстетики.

Принцип взаимодействия предполагает, что для глубокого постижения красоты природы наблюдателю необходимо преодолеть субъект-объектное разделение и достичь единства с природным миром. А. Берлеант называет экологическую эстетику «эстетикой взаимодействия» (the aesthetics of engagement) [4], акцентируя интеграцию человека и природы. Существуют различные способы достижения единения с природой. Одни исследователи экологической литературы считают, что для полного погружения в природную среду нужно обратиться к человеческой первооснове и сохранить детскую непосредственность восприятия. Другие теоретики полагают, что необходимо развивать перцептивную восприимчивость для постижения природной красоты.

«Царь-рыба» изобилует примерами единения человека с природой. Главный герой повествования способен чувствовать направление ветра, температуру, запах, дыхание и звучание тайги. Особенно выразительна «музыка тишины» первобытного леса. В восприятии героя: «На заостренном конце продолговатого ивового листа набухла, созрела продолговатая капля и, тяжелой силой налитая, замерла, боясь обрушить мир своим падением» [2]. Только когда главный герой раскрывает все свои чувства, сливается с природой, погружаясь в микромир водной капли, он способен постичь поэзию природного безмолвия. Данный пример наглядно демонстрирует принцип взаимодействия в экологической эстетике.

Подобно Астафьеву, Чи Цзыцзянь акцентирует внимание на полном чувственном постижении природы и формировании гармоничного единства человека и природы. Зачин романа «Правый берег реки Аргуни» звучит так: «Я старая знакомая дождя и снега. Мне более девяноста лет. Дождь и снег состарили меня, и я состарила их» [20]. Данное начало задает основную тональность для раскрытия темы человека и природы. В образе героини воплощено слияние с дождем и снегом. Природные явления лишаются холодности и равнодушия, приобретая человеческую теплоту. Сама героиня превосходит границы частного существования, обретая космическую значительность через причастность к природным циклам.

Только при бескорыстном восприятии природы и достижении единства с ней люди способны открыть всю полноту ее красоты. Подобный опыт способствует формированию более глубокого благоговения перед природным миром.

«Царь-рыба» Виктора Астафьева занимает важное место в истории природоохранной литературы благодаря всестороннему исследованию

экологических проблем. Произведение оказывает глубокое влияние на формирование экоцентричного мировоззрения Чи Цзыцзянь.

Оба автора, опираясь на идеи холистического подхода к природе, критикуют антропоцентризм и дуализм. Писатели размышляют о разрушительном воздействии современной цивилизации на окружающую среду. Занимаясь культурной критикой, они анализируют идеи современной цивилизации, ведущие к экологическому кризису, и исследуют его социальные корни.

При создании экологического идеала и предостережений оба писателя изображают гармоничные модели сосуществования с природой. Авторы используют эсхатологические мотивы для предостережения об экологических угрозах, что отражает влияние пантеизма на их философскую основу.

В сфере эстетики они следуют принципам природности, целостности и взаимодействия, подчеркивая красоту природного мира и гармонию экосистем. Таким образом, через призму экологической морали авторы демонстрируют уникальное реалистическое видение и глубокий гуманистический дух, соединяя критику современности с поиском духовного спасения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьев В. П. Дослушать и понять все песни // Посох памяти. – М.: Современник, 1980. – 197 с.
2. Астафьев В. П. Царь-рыба // Собрание сочинений: в 15 т. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. – Т. 6. – 366 с.
3. Астафьев В. П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952-2001. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. – 54 с.
4. Берлеант А. Эстетика окружающей среды. – Филадельфия: Изд-во Университета Темпл, 1992. – 12 с.
5. Бейт Дж. Песня земли. – Кембридж: Изд-во Гарвардского университета, 2002. – С. 250–251.
6. Бьюэлл Л. Экологическое воображение: Торо, описания природы и формирование американской культуры. – Кембридж: Изд-во Гарвардского университета, 1995. – 285 с.
7. Ван Оу. Европейская и американская экологическая критика. – Шанхай: Академия Пресс, 2008. – 67 с.
8. Декарт Р. Рассуждение о методе. Метафизические размышления. Начала философии. – Луцк: Вежа, 1998. – 52 с.
9. Дриз Д. Экокритика: создание себя и места в экологической и индейской литературе. – Нью-Йорк: Изд-во Питера Ланга, 2002. – 4 с.
10. Карлсон А. Эстетика и окружающая среда: восприятие природы, искусства и архитектуры. – Лондон; Нью-Йорк: Рутледж, 2000. – 15 с.
11. Ким А. Человеческие лики природы в произведениях В. П. Астафьева // Дар слова. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. – 415 с.
12. Лю Цинхань. Экологическая литература. – Пекин: Народное изд-во, 2012. – С. 33–34.
13. Пэй Цзяцинь. Советская экологическая литература // Журнал советской литературы. – 1992. – № 2. – 67 с.
14. Смирнова А. Русская натурфилософская проза второй половины XX века. – М.: Флинта, 2012. – 33 с.
15. Фабр Ж. Жизнь насекомых. – Пекин: Изд-во Писателей, 1992. – 58 с.
16. Чи Цзыцзянь. Вершины гор. – Пекин: Народная литература, 2015. – 241 с.
17. Чи Цзыцзянь. Кто похоронит этот мир // Потерянное цветение. – Ханчжоу: Изд-во литературы и искусства Чжэцзяна, 2016. – 196 с.
18. Чи Цзыцзянь. Морозная высокая широта – где начинались мои мечты // Запертый мед в глубине. – Ханчжоу: Изд-во литературы и искусства Чжэцзяна, 2016. – 65 с.

19. Чи Цзыцзянь. От гор до океанов // Запертый мед в глубине. – Ханчжоу: Изд-во литературы и искусства Чжэцзяна, 2016. – С. 145–146.

20. Чи Цзыцзянь. Правый берег реки Аргуни. – Пекин: Народная литература, 2018. – 247 с.

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

УДК 81

ТИПЫ ВСТАВОК АНГЛИЙСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ПОТОК РУССКОЙ РЕЧИ

Касонина Юлия Александровна
Аспирант Православного Свято-Тихоновского гуманитарный университет (ПСТГУ), Россия

В данной работе излагаются результаты исследования вставок английского текста в устные и письменные русские тексты. До сих пор вопрос о подобном смешении языкового кода системно не анализировался. Материалом исследования является база примеров, созданная автором на основе проведенных с носителями языка интервью, собственных записей современной устной речи и корпусного поиска в корпусах – лингвистических корпусах (НКРЯ и ГИКРЯ) и естественных (Яндекс и Google).

В работе предложено краткое описание связанной с обсуждаемым явлением терминологии, представленной преимущественно у западных исследователей. Описываются термины «искусственное двуязычие / диглоссия / билингвизм», «code switching» / «code mixing». Также дан краткий обзор работ, связанных с классификацией смешения кода, созданных как русскими, так и западными исследователями, из которых наиболее значимой для задач данного исследования стала книга П. Муйскьена.

В качестве основного результата в работе предложена и проиллюстрирована примерами классификация типов смешения языкового кода носителями русского языка, использующих английские вкрапления внутри русского текста. Классификация содержит шесть типов вставок, выделенных на основе особенностей их языкового оформления в рамках одного высказывания.

Ключевые слова: русский язык, вкрапления английского языка, смешение кодов, смена языкового кода, искусственное двуязычие, диглоссия, code switching, code mixing.

TYPES OF ENGLISH LANGUAGE INSERTS INTO RUSSIAN SPEACH

Kasonina Yulia Alexandrovna
Postgraduate of St. Tikhon's Orthodox University for Humanities, Moscow, Russia

This article represents the results of the research of inserts of English in spoken and written Russian texts. This phenomenon has never been analyzed systematically before. The foundation of this research is the base, built by the author with interviews conducted with Russian speaking responders, recordings of modern Russian speech, as well as corpus search – linguistics (RNC and GICR) and organic ones (Yandex and Google).

Most relevant terms for this phenomenon are represented in this article, its description mostly based on foreign researches. Terms that are included: «artificial bilinguality / diglossia / bilingualism», «code switching» / «code mixing». Also brief overview of articles that tries to clarify this phenomenon, most significant of all is P. Muysken.

As the primary outcome here a classification of types of English language inserts into Russian speech is represented, illustrated with examples. The final classifications has six primary types of inserts, allotted to specific structure within the scope of one statement.

Keywords: Russian language, inserts of English, code mixing, code switching, artificial bilinguality, diglossia

*****

В современном мире знание английского языка становится необходимым навыком образованного человека, которому нужен доступ к иноязычной информации в Интернете и международному общению. Хорошо знающий английский язык русскоязычный человек нередко по разным причинам использует английский в рамках устного или письменного общения на родном языке. Это порождает смешение языкового кода. Вставки фрагментов английского текста в родную речь сейчас, в период сформированного цифрового общества, в котором английский язык оказался основным языком межнационального общения, много более частотны для многих языков, чем в предыдущем веке. Это значимое явление – в частности потому, что многие языковые культуры видят в разнотипных вставках английского не заполнение семантических лакун или безобидную языковую игру, а посягательство на экологичность родного языка. Так и в случае с русским: широкое обсуждение и принятие законов, регламентирующих использование иноязычных элементов, подтверждают актуальность исследований вкраплений английского языка как международного в поток русской речи. Следует создать типологию таких вставок, опираясь на их лингвистические свойства и на мотивацию тех, кто их использует. Несмотря на то что обсуждаемое явление упомянуто в различных работах (см., например, работы Н. Н. Зайцевой [3], И. Л. Лебедевой [5], К.А. Мельниковой и С.Е. Изотовой [6]), системной классификации для русского языка не существует. Начальному этапу работы над описанием типов английских вкраплений в современной русской речи посвящена данное исследование.

Искусственный билингвизм как порождение глобализации.

Феномен глобального двуязычия давно перестал быть предметом исследования исключительно лингвистики, на данный момент это явление скорее относится к интересам социологии. Смешение языкового кода воспринимается государственными и академическими структурами резко негативно, поскольку посягает на целостность языковой культуры той или иной страны. Однако остановить масштабирование подобного явления в речевом поведении современного человека практически невозможно. Активное взаимодействие представителей разных стран с целью проведения деловых переговоров, развития торговли, обмена опытом, знаниями и идеями, даже просто ради расширения круг общения, ради коммуникации привело к всеобщему стремлению «говорить на одном языке».

Этим языком стал английский, активное внедрение которого в образовательную программу разных неанглоязычных стран[1] пришлось на период взросления поколения миллениалов, родившихся в 1982-2000 годах[2]. Сочетание

[1] Речь в данном случае не идет о тех странах, где английский язык имеет статус государственного. Хотя примечательно, что в случае, если в стране одним из официальных языков является английский, он постепенно вытесняет своего «собрата». Так, в Ирландии лишь треть населения говорит на ирландском, зато 94% жителей владеют английским. Похожая ситуация сложилась в Канаде, где несмотря на то, что французский имеет статус официального языка, английским владеет 70% населения. Новая Зеландия в данном случае заслуживает особого внимания, поскольку языком коренного населения (*маори*) свободно владеет лишь 9% населения, несмотря на обязательное изучение его в школах.

[2] В современных лингвистических и социолингвистических исследованиях возникает необходимость различать речь и мировосприятие представителей разных поколений. Здесь будет использован подход из работ Е. Р. Добрушиной: «Говоря о поколениях, мы, сделав деление по возрасту чуть более дробным, используем термины и даты, которые предлагает В. В. Радаев, автор социологического исследования о современной России. Вслед за Г. Г. Молчановой мы остановились на терминах «**миллениалы**» (1982-2000 гг.) и «**сентениалы**» (2001 г. и позднее), отказавшись от более понятного многим слова «зумеры», которое используется в научных работах, в том числе В. В. Радаевым, но вошло в русский язык через интернет-жаргон и до сих пор несет отсылку к языку мемов» [2]. См. также о поколениях книгу В. В. Радаева [10] и статью Г. Г. Молчановой [7].

активного изучения английского и общения в Интернете на этом языке привело у развитых неанглоязычных народов к формированию международного искусственного билингвизма младших поколений – миллениалов и сентениалов. Это, в свою очередь, породило требование урегулировать количество допустимых англоязычных вставок в поток родной речи. Чрезмерное употребление подобных вставок строго порицается старшими поколениями (1947-1967 и 1968-1981 годов рождений), и зачастую в результате эта перенасыщенная иноязычными «суррогатами» речь получает названия, включающие негативную оценку, такие как рунглиш, френглиш, спанглиш, денглиш, конглиш и т.д. Чем интенсивнее используются вкрапления, тем более актуальным становится вопрос о чистоте языка.

Термины, описывающие искусственный билингвизм.

Итак, распространение английского языка привело в нашем веке к мировому искусственному билингвизму – так называют свободное владение вторым по отношению к родному языком в сочетании со способностью адекватно оценивать необходимость переключения языкового кода в рамках отдельно взятых коммуникативных ситуаций. Такое явление также можно назвать двуязычием, ср. определение, сформулированное В.Ю. Розенцвейгом: «Под двуязычием обычно понимается владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой в зависимости от ситуации общения» [11, с. 7].

Английские слова в условиях глобализации являются наиболее естественным источником для расширения словаря других языков, поэтому именно они становятся варваризмами и экзотизмами. Как отмечает Ч. Хоккет [13, с. 318], иноязычные слова закрывают две потребности: заполняют смысловые лакуны и добавляют речи эмоциональную окраску. В современном языковом процессе у англоязычных единиц появляется еще одна немаловажная функция – они воспроизводят международный сленг, часто морфологически русифицируя единицы (vibe, slay, sigma, pick me girl, trigger, скроллить, изи катка и т.д.[1]). Слушатель, относящийся к той же возрастной или профессиональной группе, быстро реагирует на переключение языкового кода; зачастую в родном языке компактного описания обсуждаемого явления нет и поэтому говорящий за счет английских вставок может выразить свою мысль наиболее эффективно, используя минимальное количество языковых средств и в то же время обозначая свою принадлежность к определенному микросоциуму.

Обсуждая иноязычные вставки, помимо терминов «искусственный билингвизм» и «двуязычие», необходимо упомянуть термины «code switching» и «code mixing», которые, обозначая что-то вроде «гибрид двух и более языков», широко используются в качестве взаимозаменяемых в современных англоязычных исследованиях (см., например, [12]). Единой трактовки для этих понятий на данный момент нет. Приведем примеры определений: «code switching» в двух словарях и полностью синонимичное «code mixing» у П. Муйскьена.

Cambridge Dictionary: «the act of changing between two or more languages, dialects (= forms of a language), or accents (= ways of pronouncing words) when you are speaking» [Электронный ресурс 1]. Перевод автора: акт перехода между двумя и более языками, диалектами (= формами языка) или акцентами (= способами произнесения слов) во время говорения.

Britannica: «process of shifting from one linguistic code (a language or dialect) to another, depending on the social context or conversational setting» [Электронный ресурс 2]. Перевод автора: процесс перехода из одного языкового кода (языка или диалекта) к другому, в зависимости от социального контекста или привычной среды.

---

[1] Кратко разъясним приведенные примеры, не имеющие на русском точного аналога: ***vibe*** — «настроение» или «атмосфера»; ***slay*** — «жги, детка», то есть одобрительный призыв проявить себя; ***sigma*** — «независимая от общества личность» (чаще мужчина); ***pick me girl*** — «девушка, которая пытается обратить на себя внимание любыми способами»; используется также по отношению к мужчинам, но без последнего элемента — *пикми*; ***trigger*** — «что-то, вызывающее резкую волну эмоций, чаще негативных»; широко используется в IT как название команды, запускающей процесс при определенных условиях; *скроллить* (от англ. *scroll*) — «прокручивать ленту новостей или иные данные»; ***изи катка*** — «легкая победа в игровой сессии компьютерной игры»; это международное сленговое выражение геймеров, происходящее от сочетание английского и русского слов.

Pieter Muysken: «I will preliminary define a mixed code as a way of speaking which shows evidence of substantial amounts of morpho-syntactic and/or lexical material from at least two different languages» [15, с. 315]. Перевод автора: прежде всего, я определяю смешение кода как способ говорения, который демонстрирует присутствие ощутимого количества морфолого-синтаксического и/или лексического материала из, как минимум, двух разных языков.

Классификации, описывающие иноязычные вкрапления.

Англоязычные вкрапления в потоке речи того или иного языка чаще всего классифицируют с точки зрения функции, которую они выполняют в рамках одной коммуникативной ситуации. Подобные типологии разрабатывают специалисты и зарубежного языкознания, и отечественного. Среди зарубежных исследователей стоит выделить П. Муйскьена, Ш. Хоффмана и Ч. Хоккета.

Исследования Ш. Хоффмана [14] и Ч. Хоккета [13] в основном сосредоточены на внутренних причинах использования говорящими иноязычных вставок, таких как разговор на определенную тему, цитирование, проявление эмпатии, использование междометий, повторение с целью уточнения, пояснение речи для собеседника и проявление самоидентичность группы [13, с. 404]. В рамках нашего исследования наиболее важным видится подход к изучению типов языкового смешения П. Муйскена, рассматривающего структурные взаимодействия несколько языковых систем в рамках одной коммуникативной ситуации.
П. Муйскьен выделяет три вида смешения: вставку, регулярную смену и конгруэнтную схему:

вставка – элементы иностранного языка вкрапляются в свободный поток речи;

регулярная смена – в процессе вставки искажаются грамматические и лексические нормы основного языка;

конгруэнтная лексикализация – возможна в том случае, если два языка имеют схожую грамматическую структуру, что позволяет более-менее свободные замены большого объема слов в рамках одного предложения [15, с. 320-321].

Для построения собственной системы мы будем опираться на данную классификацию, однако она не является достаточной для типологизации всех вставок английского в поток русской речи, поскольку не учитывает, к примеру, фонетическое оформление речи.

Классификация английских вставок в русскую речь.

«Одалживание» элементов чужого языка происходит на пяти уровнях: лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом и фонетическом. Из них самым исследованным с точки зрения смешения языкового кода стал лексический, в силу особого интереса к вставкам-англицизмам, варваризмам и макаронической речи как таковой – все это обусловлено вниманием к «экологии» родного языка (см., например, [8] и [9]). На фоне безусловной необходимости свободного владения английским как международным языком английская лексика становится своеобразным «костылем» не только для закрытия лакун, но и для экспрессивного самовыражения говорящего.

Наименее разработанным уровнем стала фонетика, несмотря на частотность вставок с фонетическими особенностями. Нарочитое «коверкание» произношения англоязычных слов и выражений внутри русской речи нередко становится намеренным и используется для создания комического эффекта, обеспечивает простоту произнесения, позволяет подстроиться под языковой уровень слушающего, чтобы использование вставки не восприняли как попытку похвастаться произношением. Все это возможно, если говорящий осознает, что деформация произношения не повлияет на его языковой образ и восприятие информации слушающим.

Ниже мы предлагаем классификацию англоязычных вкраплений в поток русской речи с точки зрения их оформления в рамках одного высказывания. Речь идет именно о вставках, а не о явлениях типа «рунглиш» (см. [4]), когда английские элементы занимают более 40% текста. В то же время вставки отличаются от англицизмов-неологизмов (фейк, хайп, спойлер, лайтовый и т.п.) тем, что их

использование в потоке речи нерегулярно, окказионально, они непривычны для слушателя и почти всегда выполняют функцию языковой игры. Опираемся мы при этом на созданную нами базу примеров, собранных в корпусах НКРЯ, ГИКРЯ и естественных Яндекс и Google (см. о методике корпусной работы с русским языком работу Е. О. Борзенко [1]), в записях устной речи и за счет около пятидесяти проведенных интервью с носителями языка разных поколений.

Нами выделено шесть типов англоязычных вставок в русскую речь.

Полное воспроизведение такой английской единицы уровня высказывания, аналог которой есть в русском языке

Примеры: fifty-fifty; if you know what it is; much better; so-so; easy come, easy go и др.. По классификации П. Муйскьена подобные вкрапления можно отнести к первому типу – «вставки», поскольку они никак не деформирует основной поток речи. Ср. пример, где более уместно в разговоре между русскоговорящими использовать «гораздо лучше», но информант, видимо, в рамках самоидентификации в микросоциуме, предпочитает английское выражение:

(1) Когда я работала, и у меня косячили сотрудники, делали, исправляли, и я приходила и говорила: «Much better» [Устная речь, интервью (2025)]

Использование обоих языков в одном высказывании.

Примеры: Maybe Америка is not great вообще; этот файл у меня broken; ты это сделал very good. Это более интенсивное переключение, так как сочетает языки в рамках одного предложения, однако оно не нарушает нормы языков иначе, чем фактом вставки, поэтому в системе П. Муйскьена мы отнесем его к третьему типу – конгруэнтная лексикализация.

Использованием русского формо- и слово- образования по отношению к англоязычным единицам.

Примеры: скроллингом смотреть; перетумач; доковский файл. Поскольку наложение русскоязычной формы на английские слова порождает искажение лексики и грамматики, то в системе П. Муйскьена данный вид переключений похож, но не полностью совпадает со вторым типом – регулярная смена. Ср. следующее высказывание нашего респондента:

(2) Я педант, и если я что-то не понимаю, я перепроверю, чекну [Устная речь, интервью (2025)]

Использование англоязычной фразы как целостной – цитаты или окказиональной.

Такова зафиксированная нами в речи миллениала фраза Are you crazy, man? как реакция на неадекватный, неожиданный для говорящего поступок женщины. Примечательно, что английское слово man (мужчина) иногда теряет значение пола при смешении языкового кода, сохраняя лишь значение человек. Так, нами зафиксирован пример приветствия «Hey, man!» также по отношению к девушке. Соответственно, по системе П. Муйскьена мы отнесем это языковое явление ко второму типу – регулярная смена.

Использование на письме английского фрагмента на латинице внутри русской записи.

Это вариация второго типа, но на письме, так оно дает дополнительную возможность подчеркнуть вставку выбором нерусской графики. Ср. пример из короткого видео в соцсетях:

(3) Когда ты 6 лет в отношениях с женщиной, она тебя натренирует и на стульчики, и на дверцы, и на side walk [Из письменной речи – субтитры к визуальному контенту (2025)]

Подобные примеры часто встречаются в субтитрах роликов соцсетей, которые всегда редактирует автор. Переключение раскладки можно отнести к особенностям речевого поведения конкретно взятого носителя языка. В этом отношении поведение носителей языка различно даже в рамках одного поколения, зависит от индивидуальных предпочтений.

Русифицированный фонетический облик иноязычных вкраплений в устный текст.

Такова фраза Лэт ми спик фром май харт как пародия на слова Виталия Мутко. Его слова стали мемом и активно используются в речи носителей русского языка после того, как на заседании ФИФА 2 декабря 2010 года при обсуждении вопроса о проведении чемпионата мира 2018 года с докладом от лица России выступил Виталий Мутко, который на тот момент занимал должность главы Российского футбольного союза. До сих пор фраза бытует в культуре как один из примеров рунглиша. В силу подготовленности и выверенности текста официального доклада фраза не содержала искажения языковой конструкции, искажение произошло именно на фонетическом уровне из-за особенностей произношения чиновника. По П. Муйскьену, это, видимо, конгруэнтная лексикализация, но не лексическая или грамматическая, а не учтенная исследователем фонетическая.

В данном исследовании описаны роль и предпосылки искусственной диглоссии в современном обществе. Раньше данное явление естественным образом внедрялось колониальными странами, где английский с течением истории так или иначе вытеснил языки коренных населений. Современное же двуязычие основано на широком распространении интернета, и стало скорее социальным и, в той или иной мере, добровольным языковым явлением.

Нами кратко рассмотрены термины «искусственный билингвизм», «двуязычие», «code switching» и «code mixing» и типы классификаций иноязычных вкраплений, из которых самой актуальной для темы исследования оказывается система, предложенная П. Муйскьеном.

На основе собранной нами корпусными методами, а также через интервью и записи устной речи базы примеров предложена, кратко проиллюстрирована и соотнесена с идеями П. Муйскьена новая классификация вставок английских элементов в поток русской речи. Далее она будет расширена и доработана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борзенко Е.О. Методы корпусного анализа частотности и динамики языковых единиц в 2024 году // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2024. Вып. 80. С. 11-22.

2. Борзенко Е. О., Добрушина Е. Р. Взаимодействие поколений при функционировании жаргонизмов, или Биография лексемы ЧСВ. // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2026 (в печати).

3. Зайцева Н.Н. Заимствования как причина трансформации современного лексического уровня языковой системы. Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. №1-2 (100). С. 150-152.

4. Касонина Ю. А. «Рунглиш» – слово, понятие, явление. 2026. В печати.

5. Лебедева И.Л. О некоторых особенностях функционирования русского варианта английского языка в письменном дискурсе. Вестник Московского Университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. №1. С. 61-74.

6. Мельникова К.А., Изотова С.Е. Особенности словообразования в рунглише (на материале дискурса индустрии компьютерных игр). Казанская наука. 2023. №12. С. 413-415.

7. Молчанова Г.Г. Генерационная поликодовость коммуникативных модусов. Какой он, человек нового поколения? // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2021. № 2. С. 9–16.

8. Пастухов М.М. Языковой фактор влияния глобализации. Аллея науки. 2018. Т. 4. №1 (17). С. 533-537.

9. Петрова Т.К. Английский – языки глобального общения. Филологический аспект. 2023. №5 (97). С. 84-89.

10. Радаев В. В. Миллениалы: как меняется российское общество. М.: 2023. – 296 с.

11. Розенцвейг В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М., 1972. С. 5-24.

12. Burdygina M.A. Code-switching (Russian – English) in the discourse of IT-spesialists from Moscow. Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2021. T. 14. №10. C. 1581-1591.

13. Hockett Charles. A Course in Modern Linguistics. New York: The Macmillan Company. 1958. – 621 p.

14. Hoffman Charles. An Introduction to Bilingualism Chapter 2. London: Longman. 1991. Pp. xiv+353.

15. Pieter Muysken, Bilingual speech : a typology of code-mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. Pp. xvi+306.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 811.114: 811.133.1: 811.161.1: 821

ИМАГОТЕМА «ЖЕНА ДЕКАБРИСТА» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПУТЕШЕСТВИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ «ВОСПОМИНАНИЙ ПОЛИНЫ АННЕНКОВОЙ», РОМАНА А. ДЮМА «LE MAÎTRE D'ARMES» И РОМАНА И. ФРЕН «JE TE SUIVRAI EN SIBÉRIE»)

Воскресенская Наталья Александровна
Заведующий кафедрой, кандидат филологических наук
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
SPIN-код: 9805-4705

Козлова Анастасия Алексеевна
Аспирант,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
SPIN-код: 5500-1232

В статье рассматривается речевые средства репрезентации имаготемы «Жена декабриста» в романах представителей французской нации – Полины Гебль, Александра Дюма, Ирэн Френ. Выбранные для проведения анализа литературные произведения написаны в жанре литературы путешествий и посвящены единой теме – описанию императорской России первой половины XIX века и, в большой степени, восстанию декабристов 1852 года. При осуществлении исследования применяются методы лингвоимагологии, методы лингвистического наблюдения, компонентного анализа, структурный и сопоставительный методы. Анализ лексических средств, используемых авторами, помогает выявить основные составляющие выбранного образа с позиции изображения одной из ключевых фигур русской культуры и истории глазами представителей французской нации. В ходе исследования прослеживается семантическая и эмотивная составляющие имаготемы «Жена декабриста» в разные временные периоды.

Ключевые слова: роман Ирэн Френ «Je te suivrai en Sibérie», роман Александра Дюма «Le maître d'armes», «Воспоминания Полины Анненковой», имагологический образ, французская и русская культуры, рецепция образа, репрезентация образа, имаготема, образ жены декабриста.

THE IMAGE OF THE "DECEMBERIST'S WIFE" IN FRENCH LITERATURE OF TRAVELS (BASED ON THE "MEMORIES OF POLINA ANNENKOVA", THE NOVEL BY A. DUMAS "LE MAÎTRE D'ARMES" AND THE NOVEL BY I. FRENE "JE TE SUIVRAI EN SIBÉRIE")

Voskresenskaya Natalia Aleksandrovna
Associate professor, Candidate of Philological Science
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, N. Novgorod, Russia

Kozlova Anastassiya Alekseevna
Postgraduate student,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, N. Novgorod, Russia

The article examines the linguistic means of representing the image of the "Decembrist's Wife" in the perception of representatives of the French nation – Poline Gueble, Alexandre Dumas and Irène Frain. The chosen for analysis textes are written in the genre of travel literature and focus on a unified theme – the description of imperial Russia in the first half of the 19th century, especially, the Decembrist uprising of 1852. The research employs methods of linguistic imagology, linguistic observation, component analysis, as well as structural and comparative methods. An analysis of the lexical tools used by the authors helps to identify the main components of the chosen image from the perspective of portraying one of the key figures in Russian culture and history through the eyes of representatives of the French nation. Throughout the study, the semantic and emotive components of the image of the "Decembrist's Wife" are traced across different time periods.

Keywords: the novel "Je te suivrai en Sibérie" by Irène Frain, the novel "Le maître d'armes" by Alexandre Dumas, the Memoirs of Poline Annenkova, imagological image, French and Russian cultures, reception of the image, representation of the image, imagotheme, the image of the "Decembrist's Wife".

*****

Изучение рецепции характерных черт нации в сознании иного народа приобретает все большую значимость в условиях современного межкультурного дискурса. Особую роль в процессе репрезентации национального образа играет художественная литература, посвященная описанию какой-либо страны, написанная автором-иностранцем для своих соотечественников. Немалую важность приобретает тематика подобных произведений – в частности, большое внимание следует уделять сочинениям, в основу сюжета которых легли реальные исторические события, к примеру, восстание декабристов в России в 1825 году. Стоит отметить, что изучение рецепции образа русского декабрьского восстания с позиции французской культуры приобретает особый смысл ввиду того, что именно идеи французских просветителей вдохновили русских дворян пойти против существующего строя. Более того, женой декабриста Ивана Анненкова была француженка, история которой покорила представителей обеих наций.

В основу исследования легли тексты трех художественных произведений, написанных авторами-французами и посвященных событиям в России 1825 года – «Воспоминания Полины Анненковой» (первое издание относится к 1888 г.) [1], роман Александра Дюма «Le maître d'armes» (1840 г.) [2] и роман Ирэн Френ «Je te suivrai en Sibérie» (2019 г.) [3]. Все три работы тесно взаимосвязаны.

Так, Александр Дюма, воспользовавшись «Записками» реального персонажа О.-Ф. Гризье о его пребывании в России и некоторыми прочими мемуарами и

историческими очерками, вдохновившись историей Полины Гебль (в замужестве Анненковой), издал в 1840 году исторический роман под названием «Memoires d'un maître d'armes, ou dix-huit moins à Saint-Petersbourg» [2]. В повествовании рассказывается история Луизы Дюпюи, прототипом которой стала Полина. Произведение является ярким примером приключенческого романа, написанного для широкой публики и изобилующего как реальными, так и вымышленными деталями.

Впоследствии, предприняв путешествие в Россию, Александр Дюма в 1856 году имел в Нижнем Новгороде неприятную встречу с героиней своего романа, которая, по словам И. Френ, была возмущена вольностями, допущенными им в пересказе событий ее жизни [3, P. 360]. Согласно версии писательницы, Полина решилась на написание мемуаров, чтобы поведать миру правдивую историю декабристов. По иной версии, в последние годы жизни Полина Анненкова рассказывала о некоторых происшествиях времен ссылки в кругу семьи и друзей и, в конечном счете, поддалась на уговоры М.И. Семеновского записать свои воспоминания [1]. Текст носит обрывочный характер, что объясняется тем, что мемуары были записаны по-русски дочерью Анненковых Ольгой со слов матери, которая диктовала на французском языке.

Вероятно, именно франкоязычные черновики дневников Полины впоследствии легли в основу романа Ирэн Френ «Je te suivrai en Sibérie» [3]. Сама писательница в 2018 году совершила длительное путешествие в Москву, Санкт-Петербург, Читу, Нижний Новгород и другие населенные пункты, в XIX веке отмеченные пребыванием Полины Анненковой. Повествование ведется от лица самой писательницы и содержит как рассказ о Полине, так и собственные наблюдения и размышления автора.

Таким образом, анализ и сопоставление трех художественных произведений об одной героине, написанных в разные эпохи, с разными целями и для разной аудитории позволяет провести полный анализ специфики рецепции образа России первой половины XIX века и отдельных его составляющих. В частности, особый интерес для настоящего исследования представляет имаготема «Жена декабриста», в которой в произведениях французских авторов воплотилась уникальная суть русской души, решимости и силы духа. Таким образом, исследование осуществляется с позиций лингвоимагологии, объектом которой как раз являются образы «своего» и «чужого», а также «рецепция своего мира или мира других/чужих» [4, С. 7], [5], [6], [7].

Одним из основополагающих понятий имагологии является «имаготема», которую Дж. Леерссен определил как «клише, «…» описывающее образ во всех своих скрытых и сложных противоположностях» [5]. В настоящем исследовании под имаготемой подразумевается некий мотив, описывающий «Другое», повторяющийся в различных текстах и, как следствие, в сознании воспринимающей общности [8]. Таким образом, концепт «Жена декабриста», фигурирующий во всех трех выбранных для анализа произведениях и раскрывающийся в них с позиции разных взглядов и эпох, в рамках имагологического подхода может считаться имаготемой.

Анализ имаготемы «Жена декабриста» в данной работе проводится по модели, предложенной М.Е. Паниной [8], в частности, поэтапно исследуется оппозиция «своего» и «чужого» в тексте, лингвистические средства презентации образа, литературоведческие характеристики произведения и внетексовый культурно-исторический фон.

Итак, образу девушек, имевших смелость отправиться за своими возлюбленными в Сибирь, в текстах выбранных произведений отведено особое место. Не стоит забывать, что главная героиня сама относится к их числу. В своих «Воспоминаниях» Полина Анненкова большое внимание уделяет детальному описанию действий девушек, как до отправления в Читу, так и после прибытия в поселение ссыльных декабристов. Из текста повествования видно, что трудности для этих женщин начались задолго до путешествия: «…мать Муравьевых, Екатерина Федоровна, которая безумно любила сыновей своих, потом жена одного из них,

Никиты, Александра Григорьевна, рожденная графиня Чернышева, и наконец, я – были самые беспокойные, самые смелые. Мы всем из властей в С.-Петербурге решительно надоели, и от нас не знали, как отделаться» [1, С. 108]. «Декабристок» отмечали смелость и упорство, однако, чтобы отправиться в Сибирь, каждой из них пришлось через многое пройти. Из воспоминаний Ольги, дочери Полины и Ивана Анненковых тяжелее всех приходилось ее матери: «Она была невестой, «…», притом француженка, не русская подданная, а потому не могла воспользоваться установленными правилами «…». Ей пришлось преодолеть много препятствий, чтобы приехать к отцу. Но она решилась лично просить государя Николая Павловича о дозволении соединить судьбу свою с судьбою любимого человека» [1, С. 208]. Лексема «решилась» говорит о крайности, до которой была доведена женщина, о ее силе духа и готовности сражаться до конца [9]. Однако предыдущая приведенная цитата доказывает то, что это стремление бороться объединяет всех женщин, последовавших в Сибирь за своими мужьями.

Особое внимание Полина уделяет описанию быта ссыльных: женщинам пришлось организовать переписку с родными («всем заключенным строго было воспрещено писать родным. В этом случае дамы наши заменяли секретарей и поддерживали переписку» [1, С. 183]), о чем сообщается неоднократно; научиться вести хозяйство («просили научить их то сварить суп, то состряпать пирог» [1, С. 173]). Последнему обстоятельству уделяется большое внимание – Полина подчеркивает, что девушки из знатных родов, из-за полученного ими воспитания, не умели выполнять простейшие домашние обязанности: «Но, когда дело доходило до того, что надо было взять в руки сырую говядину или вычистить курицу, то не могли преодолеть отвращения к такой работе, несмотря на все усилия, какие делали над собой» [1, С. 173]. Однако они не сдавались, помогали друг другу и многому учились у француженки, попавшей в их круг и ставшей равной им: «но в этом была не их вина, конечно. Воспитанием они не были приготовлены к такой жизни, какая выпала на их долю, а меня с ранних лет приучила ко всему нужда» [1, С. 173]. Мы видим, как использование слов «доля», «нужда», «усилия» в одном контексте передает всю серьезность положения, тяжесть условий, поставленных женам декабристов. Им был предоставлен выбор: остаться в России и сохранить все привилегии, или уехать и потерять все. И они безропотно покорились, но не сдались. Они хотели быть рядом с любимыми, но первое время им запрещено было даже разговаривать с ними – они нашли выход: «Мы брали с собой ножики и выскабливали в тыне скважинки, сквозь которые можно было говорить». Здесь же приводятся слова А.И. Одоевского, посвященные княгине Волконской: «И каждый день садились у ограды; И сквозь нее небесные уста По капле им точили мед отрады» [1, С. 169]. Лексемы «небесные» и «отрада», относящиеся к возвышенному стилю, наделяют подвиг жен декабристов некой божественной силой. Обратим внимание, что эта фраза, приведенная в «Воспоминаниях Полины Анненковой», перекликается со многими строками романа «Je te suivrai en Sibérie».

Еще одним испытанием, выпавшим на долю мужественных девушек, стала череда смертей, уносящих мужчин, женщин и детей маленькой декабристской общины: «Все были страшно опечалены смертью одного из своих товарищей», «семья декабристов перенесла новую утрату, которую все долго и горько оплакивали», «в нашей семье смерть унесла сестру» [1, С. 217]. Слова «смерть», «страшно», «опечалены», «утрата», «горько», «оплакивать» не являются уникальными для данной ситуации и не отличают конкретные черты быта декабристов, однако они создают мрачный эмоциональный фон в повествовании и еще раз подчеркивают тяготы, выпавшие на долю отважных девушек.

Таким образом, в «Воспоминаниях Полины Анненковой» имаготема «Жена декабриста» раскрывается, в основном, имплицитно, в высказываниях непосредственной участницы происходящего. Правдивость фактов не вызывает сомнений, однако не все описано подробно, что может быть обусловлено давностью событий, часть которых за долгие годы изгладилась из памяти рассказчицы, или тем, что героиня не придавала большого значения некоторым деталям. В этом случае

стоит обратить внимание на коннотативную составляющую рассказа – описываемые ситуации могут быть наиболее значимыми, но несмотря на то, что в рассказе Полины мало эмоций, ее воспоминания нельзя назвать светлыми.

В наибольшей степени выбранная имаготема раскрывается в тексте романа Ирэн Френ. Изначально, сама фраза «Je te suivrai en Sibérie» 'Я последую за тобой в Сибирь' [3, P. 102] (Здесь и далее перевод наш – А. Козлова), выведенная в название романа, становится символом женского мужества: ради любви шагнуть в неизвестность, пожертвовать всем, научиться вести хозяйство, перенести самые тяжелые испытания, но остаться верными своим идеалам. На фоне всех русских женщин той эпохи, эти личности выделяются, образ становится уникальным.

Изображая своих героинь некими «чудо-женщинами», «ultrachic», как называет их Анна Иоановна Анненкова, И. Фрэн неоднократно использует при описании характеров каждой из девушек специфическую абстрактную лексику, и характерные словосочетания, к примеру: «De l'audace, encore de l'audace, toujours de l'audace» 'Отвага, снова отвага, всегда отвага', «Une intelligence vive» 'Живой ум', «une volonté de fer» 'Железная воля' [3, P. 110, 189]. Соответственно, имаготема «Жена декабриста», благодаря подобному лингвистическому выражению, обрастает семами «отвага (даже дерзость), «находчивость» и «сила воли» [10].

Одна из частей романа называется «La bande de Tchita» 'Банда Читы' [3, P. 172]. Можно предположить, что в данной формулировке проскальзывает связь с французской имаготемой феминизма, что обусловлено лексемой «bande», которая в некоторых контекстах может трактоваться как жаргонизм. Здесь проступает свойственное французам представление о самостоятельности женщин и их независимости, умении вести все дела не хуже мужчин. Благодаря этой параллели, читатель лучше понимает и принимает образ. Он обретает положительную оценочность.

Кроме того, в романе «Je te suivrai en Sibérie» образ жен декабристов становится в высшей степени религиозным.

Так, сами жены декабристов наделяются идеей святости. Причём эта сторона образа зреет и развивается на протяжении всего повествования и отражается, в первую очередь, в демонстрации отношения всей нации к подвигу, совершенному их отважными соотечественницами. Он начинается с простой романтизации женщин, однако позже перерастает в нечто большее: «Il y a un mois, on voyait en elle la femme la plus romantique de Russie. Aujourd'hui, c'est une sainte» 'Месяц назад в ней видели самую романтичную женщину России. Сегодня она святая' [3, P. 125]. Мы видим, как упоминание в одном контексте лексем со значением 'женщина', 'Россия' и 'святая' надежно закрепляют понятие святости за образом русской женщины в сознании читателя-француза. Кроме того, оппозиция грамматических категорий времени глаголов, а также превосходная степень прилагательного наделяют образ русской женщины-жены декабриста уникальной «высшей» исключительностью.

Идея святости и религиозности образа женщин сопровождает его на протяжении всего романа и отражается в огромном пласте лексики. Это, к примеру, слова «les reliques» 'реликвии' («les reliques de l'épopée des huit femmes» 'реликвии истории восьми женщин'), «anges gardiens» 'ангелы-хранители' («pour lui comme pour les prisonniers, ces huit femmes étaient des anges» 'для него, как и для заключенных, эти восемь женщин были ангелами'), «des icônes» 'иконы' («les femmes décembristes sont devenues des icônes» 'Жены декабристов стали иконами' [3, P. 180, 196, 258]). Мы видим, что образы женщин во всех контекстах отождествляются с предметами культа. Через постоянные лексические повторы, связанные с религиозной тематикой, идея преклонения переносится на восьмерых женщин, совершивших подвиг и покоривших народ не смелыми идеями и борьбой за светлое будущее всей страны, но отважным немым сражением за простое счастье, за скромные, но очень важные ценности семьи, материнства и супружеской верности. Девушки позиционируются писательницей как ангелы. В ходе повествования они преображаются, изменяют привычной пассивности русских аристократок XIX века, не способных ни вести

хозяйство, ни участвовать в деловых разговорах, и демонстрируют исключительную силу духа, начинают активную деятельность, борьбу за свое счастье.

Еще одним примером, приближающим изображение жен декабристов к божественному началу, является сравнение их доли с мученической. Так, И. Фрэн приоткрывает перед читателем политическую тайну, суть которой заключалась в том, чтобы страдания жен декабристов принесли вечные муки их мужьям. Однако, когда умирает Анни Муравьёва, она становится в глазах ссыльных мученицей – символом борьбы против узурпаторской власти: «on avait vu en elle une héroïne. Après «…» elle devient une martyre» 'Её считали героиней, теперь она стала мученицей' [3, P. 233]. Градация значений используемых лексем в этом случае крайне показательна. Николай отказывается исполнить желание девушки быть похороненной в европейской России, и это воспринимается как необоснованная жестокость императора, что только увеличивает силу духа хрупкой женщины в глазах всех верящих и надеющихся.

Эволюция образа не прекращается. Автор отмечает, что из «святых» существ без пола, одинаково добрых ко всем, эти женщины становятся «матерями» для всего сообщества ссыльных декабристов: «Seulement les temps ont changé. Ils voient en elles, non plus des anges, mais des mères de famille» 'Только времена изменились. В них видят уже не ангелов, а матерей семейства' [3, P. 227]. Соответственно, расширяется понятие семьи, того идеала, за который боролись эти девушки. В результате этой немой и бесконечной борьбы все герои становятся почти родными друг другу.

Таким образом, в романе И. Френ так же, как и в воспоминаниях самой Полины, рассматриваемой имаготеме, помимо сем «отвага» и «сила», присущи также семы «жертвенность», «стойкость», «сострадание» и другие, составляющие основу рецепции русской религиозности французским языковым сознанием. Важно отметить, что приближение к божественному началу выражает крайнюю степень значимости образа этих женщин не только для своих мужей и своего народа, но и для всей русской истории.

В романе Александра Дюма имаготема «Жена декабриста» почти не раскрывается, поскольку автор делает акцент на сюжете. Его интересует лишь судьба героини-француженки, а потому, едва она обретает свое счастье, становясь женой Алексея Анненкова, роман заканчивается. Однако, несмотря на это, Луиза Дюпюи, срисованная с Полины Анненковой, сама точно так же, как и остальные девушки, отправляется за своим суженым. Поэтому цитаты, относящиеся к ее поступку, также могут быть рассмотрены в контексте имаготемы «Жена декабриста».

Так, описывая трудный путь своей героини от принятия нелегкого решения к его осуществлению, А. Дюма, в сущности, выделяет лишь одно семантическое поле с ядром значения «святость». Луиза снова изображается ангелом: «Je ne m'étais pas trompé : tu es un ange. Je ne puis plus rien pour toi dans ce monde que t'aimer comme une femme et t'adorer comme une sainte» 'Я не ошибся: ты ангел. Я больше ничего не могу сделать для тебя в этом мире, только любить тебя как женщину и обожать как святую' [2, P. 413]. Такой видит ее Алексей, такой считает она себя сама, умоляя императора Николая сжалиться над ней и разрешить последовать в Сибирь за возлюбленным: «Je serai plus qu'une femme, je serai un ange descendu du ciel» 'Я буду больше, чем женщина, я буду ангелом, спустившимся с небес' [2, P. 436]. Интересно отметить, что в обоих случаях образ святой ставится выше образа женщины, что так же, как у И. Фрэн, придает имаготеме «Жена декабриста» особую значимость.

Тема страданий затрагивается автором вскользь. К примеру, в разговоре с императором, героиня объясняет, как изменит ее поступок участь возлюбленного: «alors nous serons deux pour souffrir, et chacun de nous ne sera exilé qu'à moitié» 'Тогда в страдании нас будет двое, и каждый будет страдать лишь вполовину' [2, P. 436]. Называя глагол «souffrir» 'страдать', автор не скрывает сути наказания декабристов, но возвышает, подчеркивает роль женщин, отправившихся вслед за ними в ссылку. Их предназначение – облегчить страдания.

Тот факт, что имаготеме «Жена декабриста» отводится в романе А. Дюма небольшая роль, подтверждается стремлением автора увлечь и заинтересовать

читателей. Несмотря на то, что иногда автор стремится пробудить сочувствие к своей героине, он не ставит цели описывать несчастья тех, кто лишь на несколько секунд попадает в поле его зрения в самом конце повествования. Он прописывает счастливый финал, который обрывается свадьбой Луизы Дюпюи и Алексея Анненкова. В целом, в романе «Le maître d'armes» складывается яркий положительный образ России и русской монархии, следовательно, автору просто не нужно было описывать страдания, выпавшие на долю тех, кто пошел против власти. Однако даже несмотря на это, роман после издания был долгое время запрещен в России.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что имаготема «Жена декабриста» во французском языковом сознании XXI века, благодаря вкладу Ирэн Френ, выражен намного ярче, нежели в сознании француза-современника Александра Дюма. Последний не ставил перед собой задачу показать отдельно этот образ, он лишь коснулся, выделив только семантические компоненты «святости» и «жертвенности» этих женщин. И. Фрэн дополнила образ концептами «борьбы за счастье» и «материнства». Однако и в том, и в другом произведении, имаготема «Жена декабриста» носит уникальный характер, выделяется из образа русской женщины в целом, становится неким символом той эпохи и примером для подражания.

Что касается текста «Воспоминаний Полины Анненковой», их можно считать, скорее, правдивым образцом, в который И. Френ искусно вплела свое видение образа и восхищение им, и на который, в случае анализа романа А. Дюма, можно опираться, сопоставляя долю вымысла и истины.

Итак, результаты проведенного имагологического анализа имаготемы «Жена декабриста» в романах, посвященных истории декабрьского восстания в России XIX века, показали, что, за исключением различной интерпретации в произведениях, написанных в разные эпохи и с разными целями, составляющие имаготемы не изменились. Кроме того, во всех изученных текстах изображение жен декабристов носит ярко-выраженную положительную оценочность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненкова П.Е. Воспоминания Полины Анненковой: с приложением воспоминаний дочери О.И. Ивановой и материалов архива Анненковых / с предисл. и примеч. С. Гессена и Ан. Предтеченского. / П.Е. Анненкова – 2-е изд. – Москва: Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. – 356 с.

2. Dumas A. Le maître d'armes. / Alexandre Dumas // La Bibliotéque électronique de Québec. Vol. 195 : version 1.01. – Paris. Éditions des Syrtes, 2002. – 544 p.

3. Frain I. Je te suivrai en Sibérie / I. Frain – СПб.: Paulsen, 2019 – 281 p.

4. Земсков В.Б. На переломе: образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки, конец XX – начало XXI вв. / В.Б. Земсков. // Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. – М.: Новый хронограф, 2011. – 693 с.

5. Leerssen J. The Allochronic Periphery: Towards a Grammar of Cross-Cultural Representation // Beyond Pug's Tour. National and Ethnic Stereotyping in Theory and Literary Practice / C. Barfoot. – Amsterdam; Atlanta; GA: Rodopi, 1997 – 594 p.

6. Pageaux D.-H. Une perspective d'études en littérature comparée: l'imagerie culturelle. – Synthesis. – Bucarest, 1981. – VIII. – P. 169-185.

7. Fischer M. Komparatistische Imagologie. Für eine interdisziplinare Erforschung national-imagotyper Systeme // Zeitschrift für Sozialpsychologie. / M. Fischer – Bern; Stutgart; Wien, 1979. – Bd. 10. – Heft 1. – S. 30-44.

8. Панина М.Е. Понятийно-терминологические системы и методологии анализа образа «Другого» в художественно-публицистических текстах / М.Е. Панина // Известия Восточного Института – 2015. – 10 с.

9. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов, под ред. Н.Ю. Шведовой // изд. 17-е, стереотип. – М.: Русский язык, 1985. – 798 с.

10. Dictionnaire Française en ligne – Le Robert [электронный ресурс] – URL: https://dictionnaire.lerobert.com/ (дата обращения: 15.05.2025).

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 821.16

ПРОЯВЛЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ Э.М. РЕМАРКА

Аракелян Нина Сергеевна
Старший преподаватель Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина,
г. Краснодар
Российская Федерация
SPIN-код: 9579-7013

Зайцева Анна Эдуардовна
Старший преподаватель, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина,
г. Краснодар,
Российская Федерация
SPIN-код: 7674-3028

В данной статье характеризуется такой принципиальный элемент в лингвистике как коммуникативная толерантность, как интегративное личностное качество субъекта, включающее мотивацию к толерантному взаимодействию с партнёрами по общению, положительное эмоционально-ценностное отношение к участникам общения, их культуре, национальности, вероисповеданию, социальной принадлежности, взглядам, вкусам, типу поведения. Здесь это качество субъекта изучается на примерах из художественных текстов литературных произведений Э.М. Ремарка. В статье рассматривается, каким образом автор интерпретирует терпимость и толерантность к окружающим, какие вербальные средства использует для построения климата взаимопонимания и уважения к различиям в общении. Ключевые положения исследования связаны с определением различных приемов и техник, которые содействуют развитию коммуникативной толерантной среды в художественном тексте. Это исследование дает возможность лучше понять, как художественные произведения способствуют формированию всеобщей коммуникативной толерантности и уважению ко всем людям независимо от их материального и морального состояния.

Ключевые слова: общественные взгляды, коммуникативная толерантность, развитие личности, художественные тексты, творчество Э.М. Ремарка, внутренняя культура, литературный анализ.

MANIFESTATION OF COMMUNICATIVE TOLERANCE IN THE LITERARY TEXTS OF E.M. REMARQUE

Arakelyan Nina Sergeevna
Senior lecturer at the department of foreign languages
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
Krasnodar, Russia
SPIN-код: 9579-7013

Zaytseva Anna Eduardovna
Senior lecturer at the department of foreign languages
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
Krasnodar, Russia
SPIN-код: 7674-3028

This article characterizes such a fundamental element in linguistics as communicative tolerance, as an integrative personal quality of the subject, including motivation for tolerant interaction with communication partners, a positive emotional and value attitude towards the participants in communication, their culture, nationality, religion, social affiliation, views, tastes, and type of behavior. Here, this quality of the subject is studied using examples from the fiction texts of literary works by E.M. Remarque. The article examines how the author interprets tolerance and toleration towards others, what verbal means he uses to build a climate of mutual understanding and respect for differences in communication. The key provisions of the study are related to the definition of various methods and techniques that contribute to the development of a communicative tolerant environment in a fiction text. This study provides an opportunity to better understand how works of art contribute to the formation of universal communicative tolerance and respect for all people, regardless of their material and moral status.

Keywords: social views, communicative tolerance, personality development, literary texts, the work of E.M. Remarque, internal culture, literary analysis

*****

Исследование коммуникативной толерантности актуально в настоящее время, так как мир насыщен словами о толерантности. Течение «толерантности ко всем» поглотило человечество последние годы. Но изложение этой темы было присуще и писателям прошлого столетия. Эрих Мария Ремарк в художественных произведениях не раз затрагивал тему коммуникативной толерантности по отношению к героям повествования. Целью исследования является оценка идентичности понятия «толерантность» прошлого века и настоящего времени. Это позволит нам говорить о степени изменения взглядов общества на тему толерантности.

Изложение основного материала статьи. Сначала рассмотрим сущность исследуемого понятия. Коммуникативная толерантность – это характеристика отношения личности к непереносимым или неприятным для нее признакам. При этом признаки не критикуются, а переносятся без угнетения психического состояния партнера. Толерантность может проявляться как к качествам личности, к внешним признакам человека, так и к поведению в социуме и особенностям взаимодействия с внешним миром. Следует также отметить, что «категория коммуникативной толерантности во многом обнаруживает сходство с прагматической категорией вежливости, однако имеет и отличительные признаки» [1].

Коммуникативная толерантность рассматривается как важная часть социального и духовного развития личности. Это результат планомерного и грамотного подхода к психологической гармонии между внутренним состоянием души и способами взаимодействия с окружающим обществом. Установки сознания по-настоящему толерантного человека будут вести к осуществлению плодотворного социального взаимодействия, налаживанию межкультурного сознания и взаимно благоприятного существования в межнациональной среде, при этом «естественно, идеального взаимопонимания не всегда удается достигнуть даже в одной культурной общности, так как взаимодействие в процессе общения может осуществляться и в целях сплочения, и в целях противоборства» [2].

Толерантное отношение к окружающим может проявляться по-разному в зависимости от ситуации, в которой оказался человек в данный момент. Ситуативное толерантное отношение проявляется при переносимости неприятных признаков личности одного человека в обществе. При этом проявление понимания и принятия может быть выражено в диалоге и в налаживании положительных связей с объектом противоречивых эмоций.

Во время трудовой деятельности нередко приходится проявлять профессиональную коммуникативную толерантность. Это свойство личности противостоять своему характеру и желанию осудить человека за неправильные или непрофессиональные действия. М.Э. Мосесова утверждает, что «на современном этапе развития лингвистической науки четко прослеживается тенденция, в соответствии с которой в центре внимания ученых все чаще находятся проблемы изучения профессиональной коммуникации, специализированных типов дискурса, их языкового воплощения, описания и осмысления» [3]. В этой ситуации важно сохранить самообладание и статус в рабочем коллективе.

В жизни наиболее часто встречается общая коммуникативная толерантность, которая обусловлена терпимостью к неприятным или непривычным для человека признакам в отношении всего общества. Этот тип толерантного отношения обусловлен воспитанием и характером индивида, уровнем его психологического здоровья и устойчивости.

Для сравнения понятий толерантности обратимся к писателю прошлого столетия, в художественных текстах которого мы можем неоднократно увидеть отсылки на проявленную коммуникативную толерантность. Эрих Мария Ремарк предлагает читателю не только увидеть картину взаимоотношений личности, но и через повествование проникнуться идеей бесконечных попыток понимания другого человека. Как известно, «характерный признак художественного текста заключается также в том, что автор, реализуя художественный замысел, обогащает представления читателя о мире, вместе с тем передавая ему и отношение к изображаемому» [4].

Во всех романах писателя звучат вопросы: почему эта личность негативная? Какие методы культурного решения конфликта можно найти? Как понять человека и принять его мысли, если он негативен и не хочет контактировать? Все эти вопросы по мере повествования открывают нам мир толерантности по отношению ко всем людям, к любым национальностям, к личностям с психологическими проблемами, к закрытым и неконтактным индивидам. Литературный текст содержит не только информационное содержание, но и ценностные акценты, которые определяют мировоззрение автора и его отношение к обществу и культуре. Существует мнение, что «при изучении литературы аксиологический аспект включает в себя выделение ценностей, которые акцентируются в тексте и анализ того, какие нормы и ценности поддерживаются или осуждаются вопреки распространенным в социуме» [5].

Эрих Ремарк постоянно приводит читателя к одной мысли о том, что необходимо принимать важность проблем других людей. Проблемы человечества практически одинаковые, но смотрим мы на них с разных сторон. Лишь поэтому не находим общего в случившихся событиях, поэтому не понимаем сути страданий и сложностей близкого человека.

В каждом романе мысль сводится к толерантному, неконфликтному решению вопроса. Автор говорит, кричит нам о том, что всегда и в любой ситуации

есть возможность понять друг друга и выйти из негативной ситуации на хорошей ноте, завершить круговорот неприятных эмоций, ведь «изобразительно-выразительные средства языка – это результат проявления человеческих эмоций» [6], а также «каждый голос в произведении может представлять разные социальные, культурные и индивидуальные контексты, что позволяет глубже понять мотивацию и действия героев. Это создает возможность для читателя увидеть мир глазами различных персонажей, что способствует развитию эмпатии и критического мышления» [7].

Рассмотрим произведения, в которых Ремарк приводит читателя к теме толерантности. Например, в межвоенном романе «Черный обелиск» описана тяжелая жизнь после кровопролитной Первой мировой войны. В это время повсюду царила нищета, страх пережитых лет, безработица. Все это угнетает людей, они не готовы понимать и принимать ближнего, в их разуме царит хаос и единственным желанием остается лишь выживание и заработок для того, чтобы накормить семью. Главный персонаж повествования – молодой, но уже потерявший смысл существования парень Людвиг. Он прошел войну, убивал, видел, как умирают те, кто ему дорог. Он олицетворяет потерянное поколение, чью молодость поглотила и уничтожила война. Он не успел сделать выбор направления своей жизни, не успел почувствовать вкус взрослой мирной размеренной жизни, но уже прочувствовал на собственном опыте ужасы войны и взглянул в глаза смерти. Но именно этого персонажа Ремарк наградил цитатой, которая тонкой ниточкой пронизывает весь роман. Эта мысль не покидает читателя и надолго остается в памяти. Людвиг говорил: «Терпимость – бережное отношение к другому. Понимание другого. Пусть каждый живет по-своему. Но терпимость в нашем возлюбленном отечестве звучит, как слово на незнакомом языке». Эта фраза настолько полно выражает особенность павшего, утомленного войной и разрушениями народа, который готов драться за возможность восстановить жизнь. Смысл цитаты предельно прост, но в то же время очень сложен и глубок. Согласимся с высказыванием Н.Б. Айвазян о том, что «с самого момента зарождения лингвистики как научной дисциплины, одним из ее основополагающих предметов исследования был лексический состав языка. Будучи неотъемлемой частью любого языкового построения, лексика определённого языка заключает в себе основной смысловой компонент высказывания» [8]. Каждый человек должен терпимо относиться к жизни окружающих, у всего в мире есть причина, у всего будут свои последствия. Терпимость к окружающим должна быть заложена в воспитании детей, если целое поколение будет толерантно по отношению к обществу, то исчезнет большинство конфликтов, мир станет лучше, так как «общество представляет собой совокупность групп разного статуса и, следовательно, различных интересов, что неизбежно может служить источником конфликтов» [9]. Но пока что мы можем только наблюдать за тем, как жизни людей осуждаются со стороны. Пока толерантность и терпимость не перестанут быть чуждыми, настоящее не перестанет быть жутким хаосом.

Эрих Мария Ремарк показывает нам еще одну трактовку терпимости и толерантности к окружающим. В романе «Триумфальная арка» герой Равик является эмпатичным и достаточно эмоциональным. Он прошел многое на своем жизненном пути, но вынес из этого одно важно заключение: «Терпимость – дочь сомнения». Если человек способен подвергнуть сомнению и анализу свои мысли, способен усомниться в рассуждениях относительно какого-либо феномена или человека, он может быть к этому терпимым. Напротив, человек, чьи мысли заполнены убеждениями в собственной правоте и нежеланием мириться с мнением окружающих, никогда не сможет быть терпимым. Агрессия и негатив будет проявляться каждый раз, когда происходящее не будет соответствовать ожиданиям человека.

Книга «Возлюби ближнего своего» самим названием приводит нас к мысли о понимании и терпимости к окружающим. Эрих Ремарк включил в это произведение мысль, которая до сих пор является основной для понимания важности коммуникативной толерантности: «Чем примитивнее человек, тем более высокого он о себе мнения. А сомнения и терпимость присущи только культурному человеку».

Цитата не поддается двоякому понимаю, она однозначно диктует нам, что толерантное поведение однозначно может быть только у культурного, нравственного человека с высоким уровнем понимания себя. Без развития внутренней культуры невозможно полюбить и быть терпимым к окружающим. Необходимо подчеркнуть, что «учет культурных различий является важным аспектом при переводе, поскольку каждый язык и культура имеют свои уникальные нюансы и способы выражения» [10]. Бесконечные внутренние попытки смириться с собственными слабостями и недостатками порождают лишь большую злобу. Этот негатив выходит наружу в виде критики и угнетения всего и всех вокруг. Нетерпимость к мелочам в поведении, внешности и характере другого человека – это явный признак неразвитого сознания и отсутствия гармонии с самим собой.

Философия Ремарка основана на трех постулатах: разум, терпимость, человечность. Именно эти слова определяют направленность многочисленных художественных произведений автора. Все тексты с первого взгляда абсолютно разные, в них не проглядывается общая мысль. Но внимательный читатель обязательно увидит в каждом произведении призыв к общественной терпимости, к принятию проблем окружающих. Сострадание к людям является неотъемлемой частью главной мысли романов. Эрих Ремарк пришел к таким установкам жизни после того, как вернулся с войны. Он видел ужас в глазах людей, животный страх, который не поддается объяснению. В этих ужасных условиях только сохранение общей толерантности могло вывести людей из состояния тотального непонимания и бесконечной агрессии. Каждый роман проникает в глубины сознания читателя, наполняет разум важными и актуальными мыслями, размышление над которыми безусловно займет немало времени. В художественных произведениях Ремарка мы видим внутренние переживания героя, находимся в его подсознании и ощущаем все происходящее крайне остро. Глубокий реализм такой подачи заставляет читателя проживать события романа вместе с героем и вдохновляться смыслом, который внес автор.

По результатам исследования можем говорить о том, что Эрих Мария Ремарк в художественных произведениях маскировал главную мысль о необходимости проявления бесконечного терпения к окружающим людям. Но эта мысль не была потеряна и не осталась незамеченной, она проникла в разум всех читателей и стала обсуждаемой в обществе. В его понимании толерантность – общее понятие понимания и терпимости к окружающим людям. Эрих Мария Ремарк стал наиболее известным писателем, который продвигал идеи о всеобщей коммуникативной толерантности, об уважении ко всем людям независимо от их материального и морального состояния, «таким образом, анализ художественных текстов показывает, что коммуникативная толерантность играет ключевую роль в формировании уважительного отношения к разнообразию и отличиям в общении и восприятии мира» [11].

Можем сделать общий вывод о том, что в понятиях коммуникативной толерантности прошлого столетия и настоящего времени практически нет отличий. Это говорит о неизменных взглядах общества на вопрос важности сохранения толерантных отношений. В современном мире люди все больше задумываются о развитии в себе толерантного отношения к ближним.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиджакова М.П., Донскова Л.А. Эмотивность и коммуникативная толерантность в структуре эмоциональности художественного текста // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 3. С. 67-78.

2. Зайцева А.Э. Развитие межкультурной коммуникации толерантной личности в условиях двухступенчатой системы образования // Язык как зеркало культуры. материалы Всероссийской научно-практической конференции. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации; ФГОУ ВО Кубанский государственный

аграрный университет имени И.Т. Трубилина. Краснодар, 2021. С. 90-94.

3. Мосесова М.Э. Структурные элементы англоязычных текстов международных конвенций: лингвистический и прагматический аспекты // Язык в различных сферах коммуникации. Материалы III Международной научной конференции. 2019. С. 48-51.

4. Донскова Л.А., Ахиджакова М.П. Особенности коммуникативной толерантности в художественном тексте: лингвистические подходы // Вестник Пятигорского государственного университета. 2021. № 1. С. 97-100.

5. Ляхов М.М., Непшекуева Т.С. Аксиологический аспект исследования разноуровневых текстов // Язык как зеркало культуры. Материалы межинститутской научно-практической конференции. Краснодар, 2023. С. 188-192.

6. Аракелян Н.С. Специфика выражения эмоций в политическом публицистическом дискурсе // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам 71-й научно-практической конференции преподавателей по итогам НИР за 2015 год. Ответственный за выпуск А. Г. Кощаев. 2016. С. 281-283.

7. Аракелян Н.С., Зайцева А.Э. Полифония как важная лингвистическая компетенция при создании многослойного коммуникативного пространства // Начала Русского мира. 2024. № 7. С. 26-33.

8. Айвазян Н.Б. Важность дискурсивного пространства при анализе лексической языковой системы: теоретико-методологическое обоснование // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-2. С. 83-87.

9. Непшекуева Т.С., Здановская Л.Б. Социально-гендерный коммуникативный конфликт «поклонники против жен гениев» и средства его языковой реализации // Язык. Образование. Культура. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Отв. за выпуск А.С. Усенко. Краснодар, 2019. С. 97-103.

10. Селейдарян Э.М. Особенности перевода научных текстов с английского языка на русский // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2024. № 1 (28). С. 115-118.

11. Донскова Л.А., Дудля М.М. Особенности коммуникативной толерантности в художественном тексте // Начала Русского мира. 2024. № 5. С. 64-70.

12. Ремарк Э.М. Черный обелиск. Том 7. – М.: АО «ВИТА-ЦЕНТР», 1992. 384 с.

13. Ремарк Э.М. Триумфальная арка. АСТ, 2022. 640 с.

14. Ремарк Э.М. Возлюби ближнего своего. Том 4. – М.: АО «ВИТА-ЦЕНТР», 1992. 352 с.

УДК 81'373.611(161.1+111)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГНЕЗДА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ПУСТОЙ / EMPTY: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ачаева Марина Сергеевна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации,
Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга, Россия

Поспелова Надежда Владимировна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации,
Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга, Россия

Субботина Наталья Сергеевна
Старший преподаватель кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации,
Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга, Россия

В работе представлено многоаспектное описание словообразовательного гнезда, которое является комплексной словообразовательной единицей, как в русском, так и в английском языках. В частности, проводится анализ соотносительных гнезд с вершинами пустой и empty. Производные словообразовательных гнезд рассматриваются в структурно-семантическом и лексико-семантическом аспектах, а также с точки зрения языкового сознания носителей русской или английской лингвокультуры. Установлено, что коррелятивные прилагательные и их производные могут входить в состав номинативных единиц, являющихся концептуально и культурологически значимыми для носителей того или иного языка.

Ключевые слова: словообразовательное гнездо, дериват, языковая картина мира, лингвокультурология.

WORD-FORMATION NESTS OF THE ADJECTIVES ПУСТОЙ / EMPTY: STRUCTURAL-SEMANTIC AND LINGUOCULTURAL ASPECTS

Achaeva Marina Sergeevna
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication
Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University, Elabuga, Russia

Pospelova Nadezhda Vladimirovna
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication
Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University, Elabuga, Russia

Subbotina Natalia Sergeevna
Senior Lecturer of the Department of English Philology and Intercultural Communication,
Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University, Elabuga, Russia

The paper presents a multifaceted description of word-formation nests, which constitute complex word-formation units in both Russian and English. In particular, the analysis focuses on correlative nests with the head words пустой and empty. The derivatives of word-formation nests are examined in structural-semantic and lexico-semantic aspects, as well as from the perspective of linguistic consciousness of native speakers of Russian or English linguocultures. It has been established that correlative adjectives and their derivatives can form part of nominative units that are conceptually and culturologically significant for speakers of a particular language.

Keywords: word-formation nest, derivative, linguistic worldview, linguoculturology.

*****

Целью настоящего исследования является описание номинативного пространства словообразовательных гнезд исследуемой пары прилагательных пустой / empty в структурно- и лексико-семантическом аспекте, определение универсального и специфического набора словообразовательных значений, а также выявление особенностей деривационного развития производных слов на материале русского и английского языков.

Гнездо однокоренных слов является многоуровневой единицей языка: на лексическом уровне оно выступает как совокупность однокоренных слов в их лексических связях и взаимоотношениях, на словообразовательном – в их словообразовательных связях и отношениях [4, с. 148].

Изучение производной лексики с позиции лингвокультурологии имеет значение и для познания особенностей этноязыкового видения мира. Языковая картина мира концентрирует в себе комплекс знаний человека об окружающей его действительности и находит свое отражение на разных языковых уровнях, в том числе и лексико-словообразовательном. Понятие картины мира относится к числу фундаментальных проблем философии и теории языка, и его актуализация продиктована необходимостью обозначения репрезентируемых в языке представлений о мире [1, с. 21].

Этнолингвистический подход, по мнению В.Г. Фатхутдиновой [5], в сопоставительном изучении словообразовательных подсистем разных языков дает возможность интерпретировать морфосемантическую структуру слова как лингвокультурологический феномен и один из способов концептуализации процессуальных и непроцессуальных признаков предмета. Осмысление денотативно-семантического пространства одного языка сквозь призму другого позволяет выявить национальное своеобразие словообразовательной и лексической семантики, а также динамику процессов деривации в целом

По мнению ученых, дериваты раскрывают значительную часть того или иного концепта, отражая способы номинации и семантической деривации единиц. Семантические характеристики базового слова находят отражение в производных словах, объединяющихся в комплексные единицы дериватологии [2].

В русском языке вершина пустой является основой для образования отадъективных прилагательных и наречий с модификационным типом значения. Семантический компонент ‘ничем не заполненный’, являющийся номинативным значением прилагательного пустой, реализуется в словообразовательных цепочках: пустой → пустенький → пустенько; пустой → пустешёнький → пустёшенько; пустой → пусто → пустовато; пустой → пусто → пустым-пусто и др. Данные дериваты представляют собой лексемы с субъективно-оценочным и размерно-оценочным значениями.

В английском языке таким наречиям соответствует производное emptily (пустовато), а модификационный тип значения чаще всего передается при помощи сочетаний слов: rather empty (пустоватый). Адъективная зона гнезда в английском языке представлена в том числе и суффиксальными производными со значением

сравнительной и превосходной степени: empty – emptier – the emptiest (пустой – более пустой – наипустейший (самый пустой).

В номинативном пространстве словообразовательного гнезда пустой выделяется значительное количество сложных прилагательных. Это номинации, называющие как самого человека, так и то, что связано с его повседневной жизнью – пустобородый, пустоголовый, пустозвонный пустопорожний, пустословный и др. Отадъективные прилагательные номинируют объекты окружающей действительности и результаты трудовой и профессиональной деятельности человека – пустозёрновый, пустоколосый, пустоместный, пустотелый, пустоцветный и др.

В английском словообразовательном гнезде с исходной лексемой empty данная зона в количественном отношении уступает место соотносительной зоне русского языка, она представлена следующими сложнопроизводными прилагательными: an empty-headed young man (пустоголовый, легкомысленный молодой человек); empty-pated (пустоголовый, бездумный, легкомысленный). Ряд таких дериватов не обнаруживают структурно-семантических соответствий в сопоставляемом языке: to come empty-handed – прийти с пустыми руками (без подарка); to go empty-handed – уйти ни с чем: the burglars fled empty-handed; empty-hearted – бессердечный (букв.: с пустым сердцем), с черствым сердцем.

Специфичными лексическими единицами исследуемых гнезд выступают производные существительные в обоих языках, которые реализуют номинативное значение ‘пустое, ничем не заполненное пространство’: пустота помещения – the emptiness of a place, и переносное ‘состояние душевной опустошенности’: чувство пустоты – a feeling of emptiness.

Однако специальные термины, такие как Торичеллиева пустота ‘безвоздушное пространство в рубке барометра над ртутью’, передаются на английский язык с помощью эквивалента Torricellian vacuum. Существительное vacuum (вакуум, безвоздушное пространство) реализует лексико-семантический вариант ‘пробел, пустота’: to fill the vacuum – заполнить пустоту, his death left a vacuum in her life – с его смертью ее жизнь опустела и др. Прилагательное empty служит основой для образования лексем, являющихся профессионализмами: empty glume – с.-х. полова ‘отходы при обмолоте и очистке зерна хлебных злаков и некоторых других культур; мякина’; empty-cell process (treatment) – метод обработки древесины (когда при нанесении химиката ячейки / клетки древесины остаются почти пустыми).

Как показал анализ словообразовательного гнезда в русском языке производные существительные образуют отдельные смысловые зоны, формирующие те или иные подгнезда [3].

Так, дериват пустяк (мелкое, ничтожное обстоятельство; не представляющая особой ценности вещь, вздор, нелепость, глупость) формирует вокруг себя отдельное подгнездо с соответствующим набором производных слов: пустячок, пустяковина, пустяковый, пустяковщина, пустячный, пустячность и др. В английском языке слову пустяк чаще всего соответствует эквивалент trifle (пустяк; пустячок; небольшое количество), с ярко выраженным национально-культурным своеобразием: trifle – английский холодный десерт, пропитанный вином и залитый сбитыми сливками. В английском языке существительное trifle в свою очередь является базой для дальнейших словообразовательных процессов: to trifle – ‘относиться несерьезно’; ‘заниматься пустяками’, который реализует данный компонент значения в составе словосочетаний: to trifle with (over) a meal – возиться с едой, долго сидеть за едой; to trifle with a pencil – вертеть в руках карандаш; to trifle away one’s time – понапрасну растрачивать время; to trifle through the summer vacation – бездельничать весь летний отпуск, ср.: trifler – бездельник; trifles – финтифлюшка.

Достаточно объемной семантической зоной является подгнездо с исходным существительным пустыня – ‘обширная, засушливая область с небольшим количеством осадков, резкими колебаниями температуры воздуха и почвы и скудной растительностью’; ‘безлюдное, незаселенное место’. Данное значение реализуется

и производными: пустынный, полупустынный, полупустыня, горнопустынный. Все остальные дериваты выражают идиоматичный характер словообразовательной семантики и представляют собой лингвокультурный пласт русской лексики: пустынник – 'человек, из религиозных соображений поселившийся в безлюдном месте'. Наличествуют и другие дериваты с лексико-семантическим компонентом 'отшельничество': пустынница, пустынножитель, пустынножительница, пустынножительство. Также выделяются и религиозные ментефакты: пу́стынь и пу́стыня устар. 'первоначально – уединенное место, где жил отшельник, позднее – монастырь, возникший на этом месте'.

Сравнительный анализ показал, что в английском языке данной семантической области соответствует словообразовательное гнездо с вершиной desert (пустыня; необитаемое пустынное место). Производные данного гнезда наследуют семантику исходного слова: desert streets – пустынные улицы, desert tract of land – бесплодная земля, deserted lands – покинутые, заброшенные земли, in utter desertion – в полном запустении, desert-ship – корабль пустыни, верблюд. Омонимичным существительному является глагол to desert, употребляющийся как в прямом, так и в переносном значениях: to desert a friend – оставить друга, to desert one's family – бросить семью; to desert one's post – покинуть пост; his presence of mind deserted him – присутствие духа покинуло его; his courage deserted him – мужество изменило ему; to desert the colours – дезертировать из армии. В английском гнезде отсутствуют наименования лиц мужского и женского пола типа пустынник – пустынница, пустынножитель – пустынножительница, что обусловлено отсутствием соответствующих словообразовательных средств и национально-культурным характером номинативных единиц.

В русском словообразовательном гнезде выделяется наличие отдельного подгнезда, которое по семантике можно соотнести со сферой религиозно-культовой лексики, связанной с духовно-практической деятельностью человека. Так, к данной группе слов относится существительное мясопуст – 'день, когда по уставу православной церкви запрещается употребление мясной пищи'; 'неделя перед великим постом; масленица' и образованное от него производное прилагательное мясопустный, а также лексему сыропуст – 'прощеное воскресенье; последнее воскресенье перед великим постом' и прилагательное сыропустный. В английском языке данным производным соответствуют слова с другой основой: Shrove-tide – мясопуст, мясопустная неделя; Shrove Sunday – сыропуст, прощенное воскресенье; Shrove Tuesday – последний день масленицы.

Специфичную подгруппу производных номинативных единиц в русском языке составляют композиты и образованные на их основе дериваты, называющие свойства характера человека, обычно отрицательные. Данная подгруппа слов характеризует особенности мышления, здесь выделяются следующие лексемы: пустобай, пустобрех, пустозвон, пустомеля, пустослов – 'враль, болтун; тот, кто болтает вздор, пустяки'; ср. пустолайка – 'собака, лающая попусту'. Актуальность для русского языкового сознания этого понятия подтверждается наличием значительного количества производных, которые принадлежат разным частям речи: пустозвон – пустозвонить, пустозвонный, пустозвонство, пустозвонничать; пустомеля – пустомелить, пустомельство; пустослов – пустословить, пустословие. В английском языке не фиксируется большого количества подобного рода производных, а передаются они словами различных семантических сфер, например: пустозвон – idle talker (букв.: праздный болтун); пустослов – twaddler (букв.: болтун), пустословить – to twaddle; пустомеля – windbag (от wind – ветер, bag – сумка); пустышка, пустозвон – phony, phoney.

Производные глаголы исследуемого словообразовательного гнезда в русском языке, преимущественно представляют собой дериваты, которые образованны суффиксально-префиксальным способом: пустеть, запустеть, опустеть, пустовать, запустовать, попустовать и др. Данные глаголы словообразовательно активны в образовании синтаксических дериватов: запустение, опустение, пустование, опустелось; адъективные дериваты: запустелый, опустелый.

Особенностью прилагательного empty является наличие в его словообразовательном гнезде производных, образованных в результате конверсии: to empty – опорожнять, осушать, впадать (о реке), пустеть; to become empty – опустеть, пустеть. В данном случае глагол имеет значение 'приобретать или приобрести признак, названный мотивирующим прилагательным'. Кроме того, специфичным является и образование фразовых глаголов: to empty out – выливать, высыпать; to come up empty – не увенчаться успехом, ничего не добиться.

Таким образом, структурно-семантическая организация исследуемых словообразовательных гнезд с исходными словами пустой / empty в русском и английском языках характеризуется широтой, разнообразием и спецификой лексико-семантических вариантов производных слов. Несмотря на то, что деривационный потенциал русских и английских прилагательных значительно отличается друг от друга, семантическое пространство коррелирующих гнезд в целом совпадает. Установлено, что словообразовательное гнездо с вершиной пустой характеризуется наличием нескольких семантических подгнезд. Выделенные смысловые подгнезда русского языка передаются на английский язык при помощи других лексических единиц, которые, в свою очередь, формируют отдельные гнезда слов.

На наш взгляд, сопоставительный анализ номинативной организации словообразовательных гнезд русского и английского языков позволяет выявить сходства и различия в языковой объективации различного типа понятий и отношений, а именно в номинативной деятельности человека. Специфично то, что в одном из рассматриваемых языков дериваты могут обладать национально-специфическими значениями, аналогов которых не обнаруживаются в другом. Семантическая непропорциональность номинативных единиц, формирующих словообразовательные гнезда в русском и английском языках, может быть объяснена спецификой языкового мышления каждого этноса и ментально-культурным своеобразием его языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т. И. Вендина. – М.: Индрик, 1998. – 23 с.

2. Евсеева И. В. Комплексные единицы русского словообразования: Когнитивный подход / И. В. Евсеева. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018. – 312 с.

3. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т.: более 145 000 слов / А. Н. Тихонов. – М.: Рус. яз., 1985. – Т. 1: Словообразовательные гнезда. А – П. – 856 с.

4. Тихонов А. Н. Лексические и словообразовательные гнезда как единицы сравнительного изучения восточнославянских языков / А. Н. Тихонов // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. – М.: Наука, 1994. – С. 148-161.

5. Фатхутдинова В. Г. Адвербиальное словообразование в русском и татарском языках: этнолингвистический аспект // Полилингвиальность и транскультурные практики. – 2024. – Т. 21, № 3. – С. 396-407.

УДК 811.161.1'373.45

ГЕРМАНИЗМЫ В РУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Брагина Эльмира Раясовна
Кандидат филологических наук, доцент,
доцент отдела междисциплинарных научных исследований, инноваций и подготовки научно-педагогических кадров;
отдел междисциплинарных научных исследований, инноваций и подготовки научно-педагогических кадров,
Государственное Бюджетное Учреждение «Институт экономических исследований»,
Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия

Статья посвящена диахроническому анализу процесса заимствования германизмов в русскую экономическую терминологию. Хронологические рамки исследования охватывают период с X по XVIII век. На материале лексикографических источников – этимологических и исторических словарей – прослеживаются основные этапы процесса заимствования немецкой лексики. Проводится тематическая классификация отобранной лексики, рассматриваются механизмы ее фонетической и семантической адаптации, а также ее распределение по функциональным стратам и статус в ряду интернационализмов. Делается вывод о роли германизмов в формировании основ русской экономической терминосистемы.

Ключевые слова: германизмы, экономическая терминология, русский язык, историческое вхождение, языки-посредники, этимологические цепочки, язык-донор, тематические группы, область применения, интернационализмы.

GERMANISMS IN RUSSIAN ECONOMIC TERMINOLOGY: ETYMOLOGICAL ANALYSIS AND HISTORICAL PERIODIZATION

Bragina Elmira Rayasovna

The article provides a diachronic analysis of the process by which Germanisms were borrowed into Russian economic terminology. The study's chronological scope covers the period from the 10th to the 18th century. Drawing on lexicographical sources – etymological and historical dictionaries – the paper traces the primary stages of the German vocabulary borrowing process. A thematic classification of the selected vocabulary is conducted, examining the mechanisms of its phonetic and semantic adaptation, as well as its distribution across functional strata and status among internationalisms. The study concludes by assessing the role of Germanisms in establishing the foundations of the Russian economic terminological system.

Keywords: Germanisms, economic terminology, Russian language, historical incorporation, intermediary languages, etymological chains, donor language, thematic groups, field of application, internationalisms.

*****

Германизмы оказали значительное влияние на словарный состав русского языка в целом и на экономическую терминологию в частности. На протяжении более чем тысячелетней истории языковых контактов немецкая лексика проникала в русское языковое пространство различными путями – как при непосредственных

контактах, так и через языки-посредники, формируя устойчивое ядро специальной терминологии. Интенсивность лексического заимствования напрямую коррелирует со степенью и характером межкультурных взаимодействий. Наиболее благоприятными условиями для интенсивного заимствования являются развитые торгово-экономические связи, научно-технические контакты и культурный обмен [4, с. 27]. Военные конфликты, хотя и способствуют временному увеличению заимствований, как правило, не обеспечивают их долговременного закрепления в языке – такая лексика чаще сохраняется лишь в исторических источниках и литературных памятниках.

В лингвистической традиции термин «германизмы» охватывает заимствования из всей германской языковой семьи, включая немецкий, готский, английский, нидерландский, скандинавские и другие языки. Настоящее исследование фокусируется преимущественно на заимствованиях из немецкого языка и его исторических форм – древневерхненемецкого, средневерхненемецкого и средненижненемецкого. Внимание уделяется также реконструкции этимологических цепочек и выявлению роли языков-посредников в процессе адаптации германской лексики к русской языковой системе.

Методологической основой исследования служат сравнительно-исторический анализ, этимологический анализ, лексико-семантический анализ, а также количественные методы. Эмпирическую базу составляют данные этимологических словарей: «Этимологический словарь русского языка» Г.А. Крылова [3], трехтомные «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского [8, 9, 10], «Объяснительный словарь иностранных слов» А.Д. Михельсона [6], двухтомный «Этимологический словарь современного русского языка» А.К. Шапошникова [13, 14]. Для анализа современного состояния терминологии привлекаются специализированные лексикографические источники – «Словарь экономических терминов» [7] и «Тематический толковый словарь для делового общения» [1].

Методологическая база исследования учитывает современные достижения в области теории языковых контактов. Принципиальное значение имеет концепция «контактной лингвистики» [12], различающая механизмы субстратного влияния, адстратных заимствований и суперстратного воздействия. Методы анализа семантических особенностей заимствованной лексики, применяемые в современных исследованиях [2], могут быть адаптированы для диахронического изучения германизмов. Современные исследования подчеркивают необходимость корреляции лингвистических данных с историческими и археологическими свидетельствами [11].

Целью работы является комплексный анализ германизмов в русской экономической терминологии в диахронической перспективе с определением исторических периодов их вхождения в язык от X до XVIII века и характеристикой современного функционального состояния. Исследование направлено на выявление исторических предпосылок активизации процесса интеграции германизмов, проведение тематического анализа заимствованной немецкой лексики и установление этимологических цепочек с определением характера заимствований и языков-посредников. Особое внимание уделяется анализу германизмов в современной экономической терминологии русского языка, включающему количественную и качественную характеристику заимствований по историческим периодам, определение их принадлежности к различным стратам лексики – общеупотребительной, общенаучной, межотраслевой и узкоспециализированной, анализ тематических групп экономической терминологии с германскими заимствованиями, а также исследование германизмов-интернационализмов и их распределения по функциональным сферам.

Современная наука характеризуется интенсивной дискуссией относительно хронологии и масштабов германского влияния на славянские языки. Критическому пересмотру подвергается традиционная концепция массовых готских заимствований в праславянский период [5]. Археологические данные Черняховской

культуры свидетельствуют о культурном симбиозе, но не подтверждают гипотезы о готском языковом доминировании.

В основу периодизации положены пять основных этапов вхождения германизмов в славянское и русское языковое пространство: раннее взаимодействие X-XI веков, активные контакты эпохи Древней Руси XII-XIV веков, позднее Средневековье XV-XVII веков, Петровская эпоха и XVIII век, Новое время XIX-XX веков.

Первый период раннего взаимодействия X-XI веков характеризуется появлением первых письменных свидетельств славяно-германских языковых контактов. Объединение восточнославянских политических центров под властью князя Олега в 882 году создало институциональные предпосылки для систематических торгово-дипломатических отношений с германскими землями. В данный период в древнерусский язык проникают преимущественно торговые и военные термины через контакты с варяжскими дружинами и скандинавскими купцами, многие из которых имели германское происхождение.

Второй период активных контактов XII-XIV веков отмечен интенсификацией экономических и культурных связей между Русью и германскими землями. Ключевыми факторами стали появление в конце XI – начале XII века в Новгороде готского двора с церковью Святого Олава и формирование к концу XII века немецкого торгового двора. Институционализация Ганзейского союза в 1356-1367 годах и открытие ганзейских контор в Новгороде и других русских городах обеспечили регулярные торговые контакты. В XIII-XIV веках количество немецких торговых представительств на территории Руси значительно возрастает, создавая благоприятные условия для проникновения германизмов торгово-экономической и административной направленности в русский язык.

Третий период позднего Средневековья XV-XVII веков характеризуется качественным изменением структуры заимствований. При правлении Ивана III и последующих московских государей усиливаются дипломатические и культурные связи с Западной Европой. Привлечение иностранных специалистов в области военного дела, медицины, архитектуры и ремесел способствует проникновению специальной терминологии. Одновременно развиваются торговые отношения, хотя закрытие ганзейской конторы в Новгороде в 1494 году отражает изменение политики централизованного Российского государства по отношению к иностранным торговцам. Основными тенденциями данного периода стали усиление коммерческих взаимоотношений с Западной Европой, привлечение иностранных экспертов в военном деле, медицине, администрации и ремеслах. Составляющими этимологических цепочек германизмов этого периода являются польский, средневерхненемецкий, немецкий, древневерхненемецкий, средненижненемецкий, голландский, латышский и литовский языки. Пополнение словарного состава русского языка заимствованиями происходило как напрямую из языка-донора, так и через языки-посредники: балтийские, польский и голландский.

Четвертый период Петровской эпохи и XVIII века характеризуется активизацией процесса европеизации России, развитием науки и техники, проведением реформ в армии и притоком иностранных специалистов во всех сферах государственной жизнедеятельности. Особенно интенсивным этот процесс был во время правления Петра I (1682–1725), что привело к масштабному притоку немецких слов в русский язык. Немецкий язык приобрел статус одного из важнейших языков администрации и дипломатии. Обогащение русского языка германизмами происходило преимущественно напрямую через немецкий язык благодаря многочисленным прямым контактам и переводу специальной литературы. Основными тематическими группами германизмов данного периода стали военно-административная лексика, морское дело, технические и ремесленные термины, бытовая и хозяйственная лексика, экономическая терминология, научная лексика.

В ходе исследования проведена количественная и качественная классификация 76 современных терминов экономики с германской этимологией по уровням употребления и тематическим группам. Во втором и третьем периодах в

рамках нашей выборки было выявлено 31 заимствование, что составляет 41% от общего количества исследованных лексических единиц.

Позднее Средневековье XV-XVII веков представлено 10 терминами, составляющими 13% от общего количества 76 лексических единиц. Классификация по уровням употребления демонстрирует преобладание общеупотребительной лексики – 5 терминов (50% от периода): ярмарка (нем. Jahrmarkt → польск. jarmark → русск. ярмарка, 1648 г.), товар (нем. Ware → польск. towar → русск. товар), фунт (этимология спорна: возможно нем. Pfund или лат. pondus через польское посредство), цех (нем. Zeche → русск. цех), мастер (нем. Meister → русск. мастер). Общенаучная лексика представлена одним термином (10%): процент ← нем. Prozent. Узкоспециализированная лексика включает 4 термина (40%): денежные единицы крейцер (нем. Kreuzer), талер (нем. Taler), грош (нем. Groschen), гульден (нем. Gulden).

Этимологический анализ третьего периода выявляет доминирование польского языка как посредника в 60% случаев, что отражает геополитическую ситуацию и торговые связи Московского государства с Речью Посполитой. Характерным примером многоступенчатого заимствования служит ярмарка: немецкое Jahrmarkt (Jahr «год» + Markt «рынок») было заимствовано в польский как jarmark уже в 1408 году, откуда проникло в русский язык в середине XVII века. Прямые заимствования (40%) преимущественно относятся к денежной терминологии, что свидетельствует о непосредственных торговых контактах с германскими землями.

Петровская эпоха и XVIII век характеризуются качественным изменением структуры заимствований. Общеупотребительная лексика сокращается до 4 терминов (19% от периода): контора (нем. Kontor), штраф (нем. Strafe), прейскурант (нем. Preiskurant), шкала (нем. Skala). Общенаучная лексика составляет 2 термина (9%): акция (этимология сложная: лат. actio через нем. Aktie, голл. aktie или польск. akcja), баланс (нем. Bilanz ← итал. bilancia). Межотраслевая лексика достигает максимального представления – 12 терминов (57%): бухгалтерия (нем. Buchführung/Buchhalterei), калькуляция (нем. Kalkulation), штемпель (нем. Stempel), вексель (нем. Wechsel), дефицит (нем. Defizit ← лат. deficit), курс (нем. Kurs), тариф (нем. Tarif), кредит (нем. Kredit), капитал (нем. Kapital), рента (нем. Rente), банк (нем. Bank), касса (нем. Kasse). Узкоспециализированная лексика включает 3 термина (14%): полис (нем. Police), варрант (нем. Warrant), индоссамент (нем. Indossament).

Этимологический анализ четвертого периода демонстрирует радикальное изменение путей заимствования. На материале проанализированных терминов доля прямых заимствований из немецкого языка возрастает до 65%, что может отражать политику привлечения немецких специалистов и прямые дипломатические контакты. Голландский язык как посредник представлен в 20% случаев, что связано с морскими реформами Петра I и участием голландских экспертов в создании российского флота. Французский язык выступает посредником в 15% случаев, отражая международный характер дипломатической и научной терминологии эпохи Просвещения.

Особый интерес представляет семантическая эволюция заимствованных терминов. Термин бухгалтерия демонстрирует сложный процесс морфологической адаптации: немецкое Buchführung (Buch «книга» + führen «вести») было переосмыслено через Buchhalter («книгодержатель») с добавлением русского суффикса -ия, что привело к созданию гибридного новообразования, полностью интегрированного в русскую словообразовательную систему.

Анализ тематического распределения 31 термина второго и третьего периодов выявляет концентрацию в шести основных сферах экономической деятельности.

Финансы и банковское дело представлены восемью терминами исключительно из заимствований четвертого периода: вексель, баланс, дефицит, курс, полис, кредит, банк, касса, что отражает институциональное оформление финансовой системы России в Петровскую эпоху под влиянием западноевропейских образцов. Этимологический анализ показывает, что немецкий

язык часто выступал передающим звеном для терминов латинского или итальянского происхождения: дефицит (лат. deficit → нем. Defizit → русск. дефицит), кредит (лат. creditum → нем. Kredit → русск. кредит).

Торговля (16 терминов) демонстрирует диахроническую стратификацию: 7 терминов из третьего периода (ярмарка, товар, фунт, торг, лавка, купец, прибыль) и 9 терминов из четвертого периода (контора, прейскурант, штраф, калькуляция, штемпель, тариф, капитал, рента, акция). Эволюция торговой терминологии отражает переход от средневековых форм коммерции к регулярной торговле нового времени с развитой документооборотной практикой.

Ремесленное производство и цеховая организация (4 термина) сосредоточены в третьем периоде: цех, мастер, подмастерье, цехмейстер. Данная группа представляет особую ценность, поскольку фиксирует не только лексические заимствования, но и заимствование социально-экономических институтов. Термин цех (нем. Zeche «товарищество, артель») отражает адаптацию германской модели ремесленной организации в русских условиях.

Денежное обращение (3 термина) ограничивается третьим периодом: крейцер, талер, грош. Эти термины документируют процесс интеграции русских земель в общеевропейскую систему денежного обращения позднего Средневековья. Особенно показателен термин талер (нем. Taler < Joachimstaler «из долины святого Иоахима»), который дал название доллару и множеству других валют.

Из 31 термина второго и третьего периодов 13 функционируют как интернационализмы (42%), что свидетельствует о высокой степени интеграции данной лексики в международную терминологическую систему. Интернационализмы третьего периода (6 терминов: процент, фунт, талер, крейцер, грош, гульден) отражают формирование общеевропейских торгово-финансовых практик. Интернационализмы четвертого периода (6 терминов: акция, баланс, дефицит, курс, кредит, капитал) связаны с созданием новых финансовых институтов раннего капитализма.

Семантическая эволюция интернационализмов демонстрирует адаптивность терминологических систем. Термин капитал, заимствованный через немецкое Kapital из латинского capitalis («главный»), развил в русском языке политэкономическое значение, отсутствовавшее в первоначальной семантике. Подобная семантическая деривация характерна для интернационализмов, адаптирующихся к различным научным парадигмам.

Исследование 31 термина выявляет четыре основных механизма адаптации германизмов в русской экономической терминологии.

Прямое фонетическое заимствование (45% случаев в четвертом периоде) характеризуется адаптацией к русской фонетической системе без структурного изменения: вексель (нем. Wechsel), штемпель (нем. Stempel), контора (нем. Kontor). Фонетическая адаптация следует регулярным закономерностям: редукция германских дифтонгов (прейскурант ← Preiskurant), эпентеза согласных (курс ← Kurs), адаптация к русской акцентологической системе.

Семантическое калькирование представлено терминами типа подмастерье (нем. Geselle), где германская словообразовательная модель воспроизводится русскими морфемами. Данный механизм особенно продуктивен в терминологии ремесленного производства.

Гибридное словообразование демонстрируют термины бухгалтерия, цехмейстер, где германские основы сочетаются с русскими или церковнославянскими аффиксами. Этот механизм обеспечивает морфологическую интеграцию заимствований в русскую деривационную систему.

Лексико-семантическая трансформация наблюдается в случаях расширения или сужения семантики исходного термина. Термин мастер (нем. Meister) в русском языке развил более широкую семантику, включающую значения «специалист высокой квалификации» и «руководитель творческого процесса».

Анализ современного состояния 31 термина показывает их высокую жизнеспособность: 87% сохраняют активное употребление в экономической науке и

практике. Термины демонстрируют различную степень семантической эволюции и словообразовательной продуктивности.

Высокопродуктивные термины (баланс, курс, кредит, капитал) характеризуются развитой полисемией и активным словообразованием: баланс → балансовый, балансировать, разбалансировка, сбалансированность. Среднепродуктивные термины (вексель, штемпель, контора) сохраняют специальное значение с ограниченной деривационной активностью. Низкопродуктивные термины (талер, крейцер, грош) функционируют преимущественно как историзмы.

Функциональная стратификация отражает иерархию терминологической системы. Термины общенаучного уровня интегрированы в междисциплинарный научный дискурс, межотраслевые термины обслуживают несколько сфер экономического знания, узкоспециализированные термины сохраняют четко ограниченную сферу применения.

Диахронический анализ выявляет тенденции в адаптации германизмов. Термины третьего периода характеризуются более глубокой фонетической ассимиляцией и морфологической интеграцией, что объясняется длительностью их функционирования в русском языке. Заимствования четвертого периода сохраняют большую близость к этимонам, отражая интенсификацию контактов и сознательный характер терминологического заимствования в Петровскую эпоху.

Особый интерес представляет процесс детерминологизации ряда германизмов. Термины мастер, штраф, контора вышли за пределы первоначальной сферы употребления и интегрировались в общелитературный язык, что свидетельствует об их полной ассимиляции языковой системой.

Проведенное исследование открывает перспективы для дальнейшего изучения германизмов в русской экономической терминологии. Детального анализа требует процесс заимствования в XIX-XX веках, особенно влияние немецкой экономической науки на формирование русской терминологии в период становления капитализма. Актуальным представляется сопоставительное изучение германизмов в экономической терминологии различных славянских языков с целью выявления общих закономерностей и национальных особенностей адаптации.

Исследование подтверждает, что германизмы третьего и четвертого периодов составляют устойчивое ядро русской экономической терминологии, обеспечивая ее связь с общеевропейской научной традицией и международными стандартами экономического дискурса. Высокая доля интернационализмов (42%) среди исследованных терминов свидетельствует об успешной интеграции русской экономической науки в мировое научное пространство и способности русского языка адаптировать международную терминологию к национальным лингвистическим особенностям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагина Э. Р. Тематический толковый словарь для делового общения (русский, английский, испанский языки): для студентов 1–4 курсов и магистрантов всех экономических специальностей / Э. Р. Брагина, М. Н. Мохосоева; под ред. Э. Р. Брагиной. – Донецк: ФГБОУ ВО «ДонГУ», 2024. – 252 с.

2. Гилязева А. Д. Семантические особенности и способы образования слов-реалий английского языка, возникших в период пандемии ковид-19 / А. Д. Гилязева // Science and technology research – 2023: Сборник статей III Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 12 июня 2023 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2023. – С. 99-110.

3. Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / Г. А. Крылов. – М.: Полиграфуслуги, 2005. – URL: https://gufo.me/dict/krylov (дата обращения: 10.06.2025).

4. Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование / Л. П. Крысин // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI вв. / отв. ред. Л. П. Крысин; РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 27–34.

5. Лома А. Пракосово: словенски и индоевропски корени српске епике / Александар Лома. – Београд: САНУ, 2013. – 324 с.

6. Михельсон А. Д. Объяснение двадцати пяти тысяч иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней / сост. А. Д. Михельсон. – М.: [б. и.], 1865. – 718 с.

7. Словарь экономических терминов [Электронный ресурс] // Academic.ru. – URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/econ_dict/ (дата обращения: 10.06.2025).

8. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. / И. И. Срезневский. – Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1893. – Т. 1: А–К. – 771 с.

9. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. / И. И. Срезневский. – Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1902. – Т. 2: Л–П. – 919 с.

10. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. / И. И. Срезневский. – Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1903. – Т. 3: Р–Я. – 996 с.

11. Трубачев О. Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси / О. Н. Трубачев. – 3-е изд., доп. – М.: Наука, 2005. – 288 с.

12. Хауген Э. Языковой контакт / Э. Хауген; пер. с англ. В. Ю. Розенцвейга // Новое в лингвистике. – Москва: Прогресс, 1972. – Вып. 6: Языковые контакты. – С. 61–80.

13. Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / А. К. Шапошников. – М.: Флинта: Наука, 2010. – Т. 1: А–Н. – 584 с.

14. Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / А. К. Шапошников. – М.: Флинта: Наука, 2010. – Т. 2: Н–Я. – 576 с.

УДК 81

УЧЁТ СМЫСЛОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КОНФЛИКТОГЕННОГО ТЕКСТА КАК ВЕКТОР ИСТИНЫ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Кудинова Таисия Анатольевна
Профессор, доктор филологических наук,
Ростовский государственный медицинский университет Минздрава России;
г. Ростов-на-Дону, Россия,
Луганский государственный педагогический университет,
г. Луганск, Россия
SPIN-код: 3837-4226

В данной статье рассматривается значимость лингвистических экспертиз в решении вопроса по защите чести и достоинства лиц. Выявление негативной характеристики личности в конфликтогенном тексте включает в себя целостный комплекс механизмов, среди которого важное место занимает смысловой анализ. В каждом из контекстов высказывания определенный смысл способствует обозначению интенций адресата в спорном тексте. Отмечено, что недоработки в материалах исследования лингвоэкспертом обусловлены как субъективными причинами, так и объективными.

В работе представлено толкование терминов как обязательных феноменов, используемых при анализе конфликтогенных текстов; обращено особое внимание на междисциплинарные исследования, помогающие беспристрастно воспринять факты и действительность; обоснована важность выявления социокультурных и лингвоправовых интерпретаций отдельных контекстов конфликтогенного текста.

Цель данной работы – обозначить важность использования методики смыслового анализа, чтобы понять, какое общественное мнение адресант формирует своим содержанием текста и каково восприятие этого содержания адресатом сквозь призму понятия «оскорбление» и форму определения высказывания.

Ключевые слова: юрислингвистика, экспертиза, лингвистическая экспертиза, диффамация, диффамационный текст, конфликтогенный текст, честь, достоинство, оскорбление, утверждение, методика смыслового анализа, комплексный анализ.

ACCOUNTING FOR SEMANTIC FEATURES OF CONFLICT-GENERATING TEXT AS A VECTOR OF TRUTH IN LINGUISTIC EXPERTISE

Kudinova Taisiya Anatolyevna
Doctor of Philology, Associate Professor, Professor,
Rostov State Medical University
of the Health Ministry of Russian Federation;
Rostov-on-Don, Russia,
Lugansk State Pedagogical University;
Lugansk, Russia
SPIN-code: 3837-4226

This article examines the significance of linguistic expertise in resolving issues pertaining to the protection of personal honor and dignity. The identification of detrimental characteristic in conflict-laden texts necessitates a comprehensive analytical framework, in which semantic analysis plays a pivotal role. Within each discursive context, the underlying meaning contributes to the indication of the author's intent in contentious texts. It is noted that deficiencies in linguistic expert assessments are determined by both subjective and objective factors.

The study provides an interpretative analysis of key terminological constructs, which are essential for the examination of conflict-driven texts; interdisciplinary researches ensuring impartial fact assessment are emphasised. Furthermore, it proves the necessity of uncovering sociocultural and linguo-legal interpretations in specific textual contexts.

The aim of this research is to highlight the necessity of semantic analysis in determining the specific public perception of the content embedded by a text's author and the recipient's interpretation of said content through the prism of «defamation» and the formulation of contentious statements.

Keywords: jurislinguistics, expertise, linguistic expertise, defamation, defamatory text, conflictogenic text, semantic analysis methodology, complex analysis, honor, dignity, insult, assertion.

*****

На рубеже XX-XXI веков, когда все слои населения овладели вкусом свободы слова и речевой самоконтроль ослаб, в общении некоторых людей стали возникать высказывания негативно-оценочного характера, направленные на унижение, порочение чести, достоинства и подрыва репутации личности. Восстановление справедливости и наказание порока в отечественной юстиции было обусловлено необходимостью обращения к лингвистам. Подобная практика стала облегчать процесс судебного разбирательства. Появление юрислингвистики, как направления прикладной лингвистики, манифестировало собой объективный процесс сближения юриспруденции и лингвистики. Результаты лингвистических заключений по конфликтогенным текстам, выполненные узкими специалистами, стали неотъемлемой составляющей в судах по защите чести и достоинства граждан. Привлечение лингвистов постепенно стало нормой. И в результате в 2006 году лингвистические экспертизы получили статус судебных экспертиз Минюста России [17].

Первопроходцами в разработке методик проведения лингвистических экспертиз по гражданским искам о защите чести, достоинства и профессионально-деловой репутации являются такие выдающиеся учёные, как Н. Д. Голев, А. Н. Баранов, И. А. Стернин, К. И. Бринев, Е. И. Галяшина, М. В. Горбаневский и мн. др. Можно с уверенностью сказать, что сегодня лингвистическая экспертиза представлена типовым алгоритмом её проведения и сформированным терминологическим аппаратом.

В терминосистеме лингвоэкспертологии, несмотря на некоторые расхождения в толковании отдельных единиц, основное ядро юрислинвистики считается общепринятым. Термин «юрислингвистика» [3] был введен накануне нового века и впоследствии приобрел широкое использование многими другими лингвистами как в сокращенной, так и в полной вариации [2], и был утверждён в качестве основного. Однако, наряду с этим термином, функционировали и другие: «судебное речеведение» [3], «лингвокриминалистика» [7], которые коррелируют сегодня с зарубежными «судебная лингвистика» (США и Великобритания) или «правовая лингвистика» (Германия, Австрия).

Нельзя не обратить внимание и на такие обыденные русскоязычные слова, как «оскорбление», «утверждение», «мнение», «предположение», которые так же, как и «юрислингвистика», приобрели статус термина в юридическом языке. Под оскорблением принято понимать совокупность речевых тактик и языковых средств, направленных на умаление (отрицание) положительной деятельности или на утверждение негативной характеристики лица, воспринимаемого обществом как «антиобразец» [9]. Заметим: в некоторых материалах лингвистических исследований даётся понятие термина оскорбление, однако контексты не рассматриваются сквозь призму его содержания, в результате чего выводы не совсем конкретны.

Толкование терминов «утверждение», «мнение», «предположение», чётко описанные А. Н. Барановым [1], являет собой ценный ключ в разрешении вопросов о

чести, достоинстве и деловой репутации той или иной личности. Учёный считает, что «утверждение» – это особый тип модальности, заключающий отношение автора к описываемым событиям, его коммуникативную интенцию [1, с. 36], причем сообщаемое адресантом возлагает на него полную ответственность за сказанное или написанное [1, с. 32]. Важность установления формы высказывания (утверждение, мнение или предположение) даёт право лингвисту-эксперту констатировать наличие или отсутствие факта оскорбления. Так, негативное высказывание, выраженное в форме мнения, суждения, предположения о человеке не имеет силы общественного резонанса, а значит, и не может идти речи о том, что задета честь, достоинство и деловая репутация.

Определения в термине конфликтогенный или конфликтный текст обычно рассматриваются как синонимы, означающие в языковой практике «спорный текст» [12], ставший предметом судебного разбирательства и лингвистической экспертизы. Перед экспертом-лингвистом стоит цель – обозначить смыслы контекстов устного или письменного высказывания и квалифицировать в целом, каким по своей природе является анализируемый текст: конфликтогенный или диффамационный?

Толкование понятия «диффамационный текст» сопряжено с наличием в нем негативной информации о лицах или событиях. Диффамация – намеренное распространение ложной или вводящей в заблуждение информации – может разрушительно воздействовать на честь личности, репутацию и жизнь людей. Считаем, что две близкие номинации спорного текста в юридическом дискурсе должны использоваться с предельной ответственностью. Термин «диффамационный текст» приемлем тогда, когда негативная характеристика личности обозначена в форме утверждения и соотносится с информацией ложного порядка. Иначе говоря, диффамационный текст – это высказывание, в котором средством формирования негативной характеристики личности является неправдивая информация, направленная на подрыв авторитета, умаления чести и достоинства человека.

Сегодня теоретические исследования лингвистов и практический опыт их деятельности в качестве экспертов являются ориентирами в развитии прикладных компетенций профильных специалистов. Ключевой основой для эксперта-лингвиста стала вышедшая в 2006 году брошюра авторского коллектива одного из головных российских экспертных учреждений – ассоциации Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС). Надо заметить: данная работа под названием «Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста» [5] являет собой практическое руководство не только для лингвоэкспертов, но и для всех представителей юриспруденции и права, участвующих в процессах восстановления справедливости. Авторами рассмотрены и прокомментированы законодательные материала, касающиеся феномена «лингвистическая экспертиза», дано толкование многих слов (около 40), приобретших статус термина в юридическом дискурсе, а также 12 советов лингвистическому эксперту и несколько образцов оформления вопросов.

Знаковым событием в новом тысячелетии было открытие во многих регионах страны экспертных учреждений, в которых были введены специалисты по лингвистической экспертизе. Казалось бы, что паровозик поставлен на рельсы и надо двигаться в направлении к истине. Однако практика показывает, что содержание некоторых лингвистических экспертиз не удовлетворяет как истцов, так и ответчиков. Причин, на наш взгляд, много, и устранение их связано как с внедрением перечня требований к экспертам-лингвистам, так и с практикой осуществления комплексного анализа конфликтогенного текста.

Нами подмечено, что, руководствуясь языковой деликатностью, лингвист-эксперт иногда с предельной осторожностью старается сделать выводы, поскольку понимает: заявленное им может прямо или косвенно повлиять на судьбу одного из участников конфликтного взаимодействия. Психологическое состояние мнимой вины иногда уводит лингвоэксперта от подлинной объективности в исследовании. И в результате получается, что одна из сторон не удовлетворена лингвистической экспертизой. Каков выход? Думается: из-за невозможности использования в наших

судах принципа личностной авторской анонимности в лингвистических экспертизах (ср.: в Великобритании лингвоэксперт имеет статус секретности [11]), целесообразно было бы проводить исследования коллективом авторов, синтез мнений которых отражал бы полный анализ содержания конфликтогенного текста и исключал возможность проведения новой экспертизы.

В основе понимания всего содержания конфликтогенного текста, на наш взгляд, лежит применение методики смыслового анализа. Термин «смысловой анализ текстов», предложенный Г. Ф. Гордукаловой [6, с. 23], по наблюдениям исследователя, не является методом как таковым, однако в среде ученых как на уровне теории, так и практики, «обсуждались подобные исследования текстов» [6, с. 23]. Вслед за Г. Ф. Гордукаловой считаем, что смысловой анализ текстов будет способствовать познанию смыслов, заложенных во всех типах речи. И более того, выявление смыслов, лежащих в основе конфликтогенных текстов, позволит лингвисту-эксперту заявить об истинном авторском намерении. Именно определение мотивов, побудивших автора писать текст, поможет выявить объективную оценку текста как языкового явления и найти слова с оскорбительным потенциалом в речевых фрагментах конфликтногенного текста, причем надо доказать, при каких условиях они становятся оскорбительными, а не обидными [8].

Попытка учёного дать примерное толкование смыслового анализа текста как метода, на наш взгляд, представлена в узком понимании, отражающем конечные цели библиографа, комплектатора и аналитика информационных ресурсов. Однако семантический потенциал лексемы «смысл» представляет возможности дать определение появившемуся термину с позиций широкого его понимания. В настоящее время слово «смысл» не является термином, но хочется предположить, что исследователи юридического языка введут его в терминологический аппарат как необходимую и значимую речевую единицу в лингвистической экспертизе, да и, вообще говоря, в юридическом дискурсе. Выявить смысл текста (или деяния ответчика судебного процесса), проанализировать его и сделать вывод – главная задача лингвоэксперта и, конечно, судьи. Надо подчеркнуть, что разработанная Г. Ф. Гордукаловой «примерная методическая схема» проведения смыслового анализа текстов, с одной стороны, представляет собой ценный вклад в расширенное толкование этого понятия лингвистами-теоретиками, а с другой – будет хорошей основой в усовершенствовании алгоритма в практике лингвистических экспертов.

Предполагаем: методика смыслового анализа текста будет включать следующие звенья работы лингвиста-эксперта над конфликтогенным текстом:

- определение темы и идеи написанного или высказанного. Важно знать не только о ком и о чём человек пишет или говорит, но и зачем он это делает, как кодируется и какими лингвистическими средствами передаётся [14, с. 89] интенция отправителя информации и как совокупность использованных лексических и синтаксических средств влияет на сознание адресата [13];
- выбор исследовательских процедур как рабочих приемов, а не как строгих методологических принципов. Именно гибкий подход к анализу позволит сделать акцент на интерпретации и понимании текста, а не на получении однозначных результатов;
- по необходимости привлечение материалов судебно-междисциплинарных исследований (исторической экспертизы, психологической, психиатрической и пр.);
- учет экстралингвистического своеобразия диффамационного текста [15; 11].

Поверхностный семантико-грамматический и лексикографический анализ способов выражения негативной информации, проведенный экспертом-лингвистом не удовлетворяет, как правило, какую-то из сторон судебного процесса. И видимо, по причине того, что не был использован смысловой анализ как методика.

Приведем пример одного из важных фрагментов в содержании конфликтогенного текста, который стал оскорбительным для адресата и, следовательно, причиной судебного разбирательства по вопросу умаления чести указанного в нем лица.

«Сам N (обозначение здесь и далее имен собственных латинскими буквами, их выделение курсивом и жирным шрифтом – разрядка наша) с 1942 по 1943 год находился на оккупированной фашистами территории. N не ушел добровольцем в армию защищать свою Родину, на территории не создал подполье. Не партизанил! В октябре 1942 года немецко-фашистская администрация ставит N директором школы в селе R Z-го района X (ныне W края Q муниципальный округ)».

Спорный контекст состоит из четырех предложений. В первом предложении («N с 1942 по 1943 год находился на оккупированной фашистами территории») не указаны точные сроки оккупации «в селе R Z-го района», которые могли служить фактом достоверности. И более того, если далее по контексту указывается месяц и год назначения немецкой администрацией господина N директором школы, то возникает вопрос:1) чем занимался до этого назначения господин N, когда хозяйничали в селе оккупанты? Конечно, адресант не говорит. Данная информация адресанта вызывает подозрение на предмет сокрытия информации о длительности оккупационного режима в селе. Обозначенные даты порождают догадку, что в течение двух лет господин N жил в мире и согласии с немцами, а потом он, ставши директором, обучал вместе с учителями школы советских детей по немецкой указке. Нонсенс!..

Во втором предложении и к нему относящемся третьем, как парцеллируемой части («N не ушел добровольцем в армию защищать свою Родину, на территории не создал подполье. Не партизанил!»), содержатся однородные глаголы с отрицательной частицей «не», служащей для выражения полного отрицания [18, т. 2, с. 419] позитивной деятельности N, то есть негативная деятельность указанной личности подаётся через отрицание позитивной. Трижды употребленная частица подчёркивает категоричность информации, а использованная парцелляция («Не партизанил!»), как средство изобразительности, усиливает смысловые и экспрессивные оттенки значений впереди стоящих однородных глаголов.

Итак, в контексте предложений явное утверждение негативной информации подтверждается внешней формой высказывания. Смысл фраз заключается в том, что адресант с полной уверенностью заявляет о негативной деятельности господина N во время оккупации немцами территории, на которой он проживал. Отсутствие точной последовательности при обозначении дат и документально не подтвержденная линия поведения господина N вызывает сомнение в правдивости сказанного адресантом. Такая манера изложения информации может рассматриваться как прием манипуляции человеческим сознанием, чтобы создать о господине N недобрую славу.

По содержанию контекста на поверхности информация адресанта о том, что во время Великой Отечественной войны N не принимал участия в борьбе с фашизмом. Чем занимался в это время господин N, адресант сообщает в четвертом предложении: «В октябре 1942 года немецко-фашистская администрация ставит N директором школы в селе R Z-го района X (ныне W края Q муниципальный округ)». В представленной фразе «немецко-фашистская администрация ставит N директором школы (выделение жирным – разрядка наша)» стержневым словом является глагол «ставить». Заметим, что глагол несовершенного вида «ставить» и глагол совершенного вида «поставить» имеют одно и то же значение. Многозначность глагола «ставить» в употребленном контексте заключает в себе следующие толкования 1) «выдвигать, предлагать»; 2) «создавать для кого-либо какое-либо положение, условия, обстановку, приводить в какое-либо положение, состояние» [18, т.4, с. 244]. Учет семантики представленных глаголов позволяет судить о том, что немецко-фашистская администрация сделала N своим ставленником. Существительное «ставленник» означает «лицо, получившее должность по желанию или протекции кого-либо» [18, т.4, с. 245]. В сознании носителей языка слово «ставленник» в контексте оккупации воспринимается как предатель, человек, который сотрудничал с врагом; действия такого человека со стороны общества всегда осуждаются и вызывают негативные эмоции. В политическом контексте «ставленник» означает человека, который был назначен или поставлен на должность

оккупационной властью. Негативный оттенок слова указывает на то, что человек не являлся легитимным лидером или представителем своего народа, а скорее действовал в интересах врага.

Информация о господине N в данном контексте представляет собой попытку адресанта дискредитировать имя с целью отрицания его заслуг и сформировать мнение о нём как порочном человеке (текст был размещен в социальных сетях Интернета). Думается, именно так воспринимают защитники чести господина N. Для них подобная информация в виде негативной характеристики предстаёт как оскорбительный факт.

Надо заметить: не всякий негатив можно расценивать как оскорбление с позиций правого регулирования. В подобных ситуациях по таким вопросам слово остаётся за лингвистом-экспертом, который выясняет форму подачи сведений. И в том случае, если доказано, что это «утверждение», а не «мнение» или «предположение», следуют запросы на соответствие действительности указанных фактов. В противовес утверждению в речевой деятельности мнение (или предположение) оформляется определенными лексемами и соответствующими синтаксическими конструкциями (то есть словами думаю, полагаю и др., а также вводными очевидно, наверное, по-видимому и др. или вводной конструкцией типа как кажется, по всей видимости и др.).

В защиту лингвоэкспертов скажем, что неудовлетворенность одной из сторон результатами экспертизы иногда кроется не в качестве проведенной лингвистической экспертизы, а в узости поставленных вопросов перед лингвистом-экспертом. На наш взгляд, инициатор(ы) судебного процесса указанного негативного сведения в спорном тексте должен(ы), наряду с типовыми вопросами о наличии-отсутствии негативной информации и форме её высказывания (утверждения о фактах, мнения авторов, оценочного суждения, вопроса), поставить обязательный вопрос перед экспертом-лингвистом о смысловой направленности указанных контекстов или текста в целом. К примеру, в приведенном нами фрагменте вопросы были бы оформлены примерно следующим образом: а) можно ли считать, что адресант считает господина N ставленником оккупантов? б) является ли оскорблением аргумент, высказанный адресантом в следующей фразе доводом отрицательной оценки личности N, порочащей честь N: «В октябре 1942 года немецко-фашистская администрация ставит N директором школы в селе R Z-го района X (ныне W края Q муниципальный округ)? Конечно, чем больше вопросов к лингвисту-эксперту, тем яснее и шире будет представлена в суде языковая характеристика конфликтогенного текста.

Полагаем, подобные вопросы потребуют обращения внимания эксперта-лингвиста к смыслу сказанного, к пониманию интенций адресанта и определения степени оскорбительности.

Как известно, в лингвистической экспертизе определяющее значение отводится аргументации специалиста, которая является основой должного внимания судьи. Вернемся снова к контексту, приведенному выше в качестве примера. На самом деле коммуникативная направленность рассматриваемой фразы заключает в себе негативную характеристику господина N и подана она как утверждение, которое можно и нужно проверить: действительно ли так было? Посредством семантического и лексикографического анализа стержневых лексем, словосочетаний и контекстов создаётся тот или иной образ человека, характеристика которого интерпретируется с социолингвистических, лингвокультурологических и лингвопрагматических позиций. И если речь идёт о наличии проверенных показателей, связанных с умалением чести, достоинства и подрыва репутации, то такое высказывание считается диффамационным и констатируется как оскорбление.

Полагаем, в данном случае, помимо смыслового анализа всего конфликтогенного текста, необходим комплексный, поскольку правильные интерпретации социологов, культурологов и историков как экспертов позволят выяснить истину на основе документов всего дела.

Считаем, опираясь на содержание основных приведенных терминологических единиц, лингвист-эксперт обязан сделать смысловой анализ всех имеющихся контекстов конфликтогенного текста: привести лексикографическое толкование стержневых лексем, квалифицировать способ выражения негативной информации. Именно выявленные оценочные смыслы дают возможность установить характер текста, а именно: диффамационный он или нет? Диффамационным будет считаться в том случае, если заявленная информация не будет соответствовать действительности. В результате это означает, что негативная информация о человеке порочит его честь, достоинство и подрывает репутацию.

Таким образом, смысловой анализ в сочетании с социокультурными и лингвоправовыми интерпретациями содержания конфликтогенного текста служит надежным средством и ориентиром в составлении частных и общих выводов лингвоэксперта, с помощью которых обеспечивается прагматическое начало в судебном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. – Учебное пособие. – М., ООО «Флинта», 2011.

2. Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза: Методология и методика. Москва, 2014.

3. Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении. Юрислингвистика-1: Барнаул: АГУ, 1999.

4. Галяшина Е. И. Основы судебного речеведения. – М.: СТЭНСИ, 2003.

5. Горбаневский М. В. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юридический Мир, 2006 г. [Серия «Библиотечка юриста СМИ»]. – Агентство CIP РГБ.

6. Гордукалова Г. Ф. Смысловой анализ текстов. / Биосфера. 2010, №1. – с. 23-27. – Режим доступа. – https:// journals.tsu.ru/uploads/import/1462/files/23-27. – Дата обращения: 25.07.2025.

7. Грачев М. А. Лингвокриминалистика. – Нижний Новгород, 2009.

8. Кудинова Т. А., Патюкова Р. В., Оломская Н. Н., Черкасова М. Н. The language of insult: The conflict of interpretations (linguo-juridical approach to the problem). – Издательство: Man In India ISSN: 0025-1569. – Том: 97, №: 15, 2017, с. 527-538.

9. Кусов Г. В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт. – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Волгоград, 2004. – 27 с. Режим доступа. – https://lincon.narod.ru/autoref5.htm. – Дата обращения: 20.07.2025.

10. Кусов Г. В. Судебная лингвистическая экспертиза «оскорбления»: развитие современной теории и практики // Российский судья. – 2011. – № 9. – С. 15–19.

11. Магировская О. В., Терехова А. А. Научные школы и практика лингвистической экспертизы текста и дискурса: проблема теоретического статуса. – Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024, 21 (4): 886–900. – https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.407. – Дата обращения: 20.07.2025.

12. Макаренко Г. С. О соотношении понятий «конфликтогенный» и «конфликтный» текст в рамках изучения юрислингвистики. – Режим доступа: https://docviewer.yandex.ru/?tm=1753637002&tld=ru&lang=ru&name=KLS-2018-1-139-142.pdf&text=%D0%BA%D0%BE%. – Дата обращения: 20.07.2025.

13. Матвеева Г. Г., Муругова Е. В., Николенко О. В. The role of external components of the speech act in a provocative psychotherapy session/ – Linguistics in the Era of Digitalization: Current Problems and Development Prospects (LED 2024), 2024.

14. Нефёдов С. Т., Чернявская В. Е. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива. Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020, (63). – С. 83–97.

15. Радбиль Т. Б., Юматов В. А. Концептуальный анализ в лингвистической экспертизе. Мир науки, культуры, образования. 2015, (54): 365–367.

16. Салихова Э. А. Лингвоэкспертная диагностика степени «оскорбительности» лексических единиц, вовлеченных в правовой дискурс. – Режим доступа. – https://docs.yandex.ru/docs/view?tm =ru&lang=ru&name=plin-2020-03-20. – Дата обращения: 14.07.2025.

17. Синицына М. А. Исследование механизмов аргументирования в современных СМИ для оптимизации методологии проведения лингвистической экспертизы. – Режим доступа: https://cheloveknauka.com/issledovanie-mehanizmov-argumentirovaniya-v-sovremennyh-smi-dlya-optimizatsii-metodologii-provedeniya-lingvisticheskoy-ek. – Дата обращения: 13.07.2025.

18. Словарь русского языка: В 4-х томах. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984.

УДК 811.161.3-26'342

КОНСОНАНТНАЯ ДИСТРИБУЦИЯ ГЛУХОГО ВЗРЫВНОГО [К] В БЕЛОРУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Мандик Вероника Александровна
Старший научный сотрудник отдела современного белорусского языка, кандидат филологических наук, доцент,
Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

Цель статьи – выявить специфику консонантной дистрибуции взрывного [к] на примере сочетаний «взрывной + [к]», «щелевой + [к]». Описаны артикуляционные и акустические характеристики согласного [к]. Проанализированы возможные консонантные группы с взрывным [к] в качестве второго компонента. Показано, что употребление большинства консонантных групп структуры «взрывной + [к]», «щелевой + [к]» невозможно в абсолютном конце слов. В других позициях оно имеет свою специфику в зависимости от качества первого компонента. Так, в начале лексем продуктивны только сегменты с предшествующими щелевыми [ск], [шк]. В середине слова дистрибуционные возможности взрывного [к] более широкие. Здесь увеличивается арсенал продуктивных сочетаний согласных звуков, в который входят сегменты [пк], [фк], [хк], запрещенные в начале лексем.

Ключевые слова: белорусский язык, фонетика, фонология, консонантная система, дистрибуция, сочетания согласных, правила сочетаемости.

CONSONANT DISTRIBUTION OF THE VOICELESS PLOSIVE [K] IN THE BELARUSIAN LITERARY LANGUAGE

Mandik Veronica Aleksandrovna
Senior Researcher at the Department of Modern Belarusian Language, PhD (Philology), Associate Professor
Center for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

The purpose of this article is to identify the specific features of the consonant distribution of the plosive [к], using the example of «plosive + [к]» and «fricative + [к]» clusters. The articulatory and acoustic characteristics of the consonant are described. Possible consonant clusters with the plosive [к] as the second component are analyzed. The analysis shows that most of the «plosive + [к]» and «fricative + [к]» clusters cannot occur in absolute word-final position. In other positions, their distribution has specific features depending on the quality of the first component. For instance, word-initially, only clusters with a preceding voiceless fricative, such as [ск] and [шк], are productive. In word-medial position, the distributional possibilities of the plosive [к] are broader. Here, the inventory of productive consonant clusters increases, including segments such as [пк], [фк] and [хк], which are disallowed at the beginning of lexemes.

Keywords: Belarusian language, phonetics, phonology, consonant system, distribution, consonant combinations, combinability rules.

*****

Фонетическая система любого языка характеризуется не только набором имеющихся сегментных единиц, но и правилами их сочетаемости. Речевой процесс

реализуется в виде последовательных звуковых сегментов, возможности сочетания которых зависят от наличия/отсутствия синтагматических ограничений. Эти ограничения определяют в том числе то, способен ли конкретный согласный образовывать консонантные группы с другими звуками, и если способен – каковы условия данного процесса (функционирование определенных сочетаний в позиции начала, середины или конца фонетического слова; возможность выступать в пре- или постпозиции относительно определенного звука/класса звуков и др.). Для исследования правил сочетаемости звуков используется понятие фонетической дистрибуции.

Согласно определению О. С. Ахмановой, под дистрибуцией в лингвистике понимается «совокупность («класс») всех окружений (контекстов), в которых может встречаться данная языковая единица, противопоставляемых всем тем окружениям, в которых она встречаться не может, т. е. место, порядок, сочетаемость и т. п. свойства ее употребления в плане расположения отдельных частей высказывания относительно друг друга» [1, с. 132]. Применительно к фонетической системе дистрибуция устанавливает, каким образом распределяются звуковые единицы относительно друг друга в каждом конкретном языке, какое фонетическое окружение характерно для определенного звука и какие контексты для него запрещены. К примеру, общие правила консонантной дистрибуции глухих согласных в белорусском литературном языке таковы: они могут встречаться не только в начале и середине, но и в абсолютном конце слов (в отличие от звонких); сочетаются с сонорными как в пре-, так и в постпозиции; в пределах фонетического слова разрешены сегменты «глухой + глухой», но запрещены сочетания «глухой + звонкий» и «звонкий + глухой».

В любом языке встречаются многочисленные, но не бесконечные фонетические единства, образованные сочетаниями, типичными для данного языка. На важность исследования таких сочетаний, обусловленных дистрибуционными возможностями и ограничениями, указывали как русские, так и белорусские лингвисты. Например, Н. С. Трубецкой отмечал: «Правила сочетаемости накладывают на каждый язык особый отпечаток. Они характеризуют язык в не меньшей мере, чем фонемный состав» [2, с. 270]. Белорусский фонетист Л. Т. Выгонная, впервые в отечественной лингвистике осуществившая обобщение сведений о сочетаемости звуков белорусского языка в пределах слова на лексическом материале, характерном для второй половины XX века, подчеркивала: «Систематизация звуковых сочетаний помогает определить их распространенность в пределах частей слова. Она позволяет увидеть, что продуктивность при образовании сочетаний связана с артикуляционно-акустическими особенностями разных категорий звуков» [3, с. 143]. И если общие правила дистрибуции фонем в белорусском литературном языке определены, составлен реестр наиболее характерных для него сочетаний, то описание возможностей и запретов фонетической сочетаемости для каждого отдельного звука (или для класса звуков) с учетом нового лексического материала остается актуальной для отечественной лингвистики задачей.

Цель данной статьи – выявление специфики консонантной дистрибуции глухого взрывного [к] в белорусском литературном языке на примере сочетаний с предшествующими взрывными и щелевыми. Для достижения поставленной цели нами проанализированы артикуляционные и акустические характеристики согласного; систематизированы возможные консонантные сочетания структуры «взрывной + [к]» и «щелевой + [к]» в разных позициях с привлечением соответствующего лексического и орфоэпического материала; осуществлен осциллографический анализ отдельных сегментов озвученных слов для более точной идентификации фонетического окружения, получения наглядного представления про акустическую структуру выявленных корреляций согласных. Такая работа соответствует основным принципам, установленным для изучения консонантной дистрибуции [4].

По артикуляционным свойствам глухой [к] вместе с парным звонким [g] в белорусской фонетике классифицируется как заднеязычный (по активному органу) или твердый задненёбный (по пассивному органу). При произношении звука [к] задняя часть спинки языка плотно прижимается к мягкому нёбу, которое приподнято и закрывает проход в носовую полость. Поскольку задняя часть языка менее подвижна, чем передняя, образуется довольно большая область смыкания. Кончик языка в это время оттянут от передних зубов, а вся масса языка находится в задней части полости рта. Голосовые связки не колеблются. Размыкание происходит не так быстро, как при образовании переднеязычных смычных, в связи с большей массой языка, смыкающейся с нёбом. Тем не менее получается звук от взрыва, пусть и немного более продолжительный, чем у остальных взрывных. Поскольку при произнесении звука [к] губы нейтральны, выход для звуковой волны открыт [3, с. 54].

На акустическом уровне [к] соотносится с глухой смычкой и взрывом. Причем смычка у [к] по сравнению с остальными глухими взрывными имеет самую большую продолжительность. То же самое можно сказать и про взрыв: для [к] длительность взрывного сегмента может достигать 50 мс. Это обусловлено тем, что задняя часть языка, принимающая активное участие в образовании [к], обладает наибольшей инертностью по сравнению с другими органами речевого аппарата [5, с. 73]. Акустические свойства глухого [к] на примере слова пакараць представлены на рисунке 1.

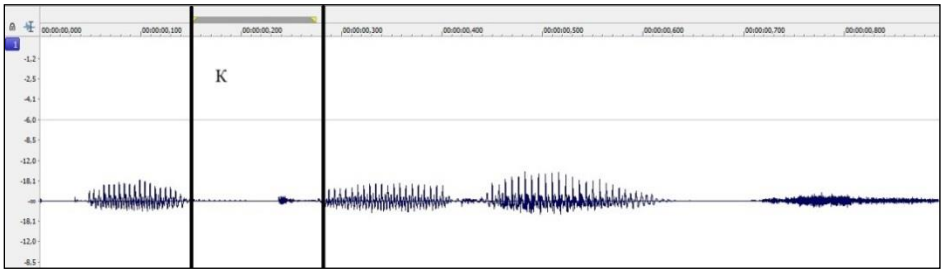

Рисунок 1 – Осциллограмма слова пакараць

Здесь и далее анализируемые участки осциллограмм выделены двумя вертикальными линиями. На рисунке 1 сегмент, который соответствует взрывному [к], состоит из смычки продолжительностью 85 мс и взрывного элемента длительностью 45 мс.

Необходимо отметить акустическую специфику долгого [к:], который хоть и редко, но всё же функционирует в белорусской фонетической системе. Авторы краткой грамматики белорусского языка указывают, что «с фонетической точки зрения почти все согласные в белорусском языке могут удлиняться. К ним относятся [т:], [д:], [дз':], [с:], [с':], [з:], [з':], [ш:], [ж:], [ч:], [ц:], [ц':], [н:], [н':], [л':], [б:], [п:], [к:], [к':]» [6, с. 19]. Долгий [к:] встречается в заимствованных именах собственных (Мекка), в словах славянского происхождения на стыке корня и суффикса (мяккасць), на стыке частей сложных слов (паккамера). Его отличие от неудлиненного заключается в продолжительности смычки – она увеличивается примерно в два раза и даже больше. Длительность взрывного элемента при этом существенно не меняется.

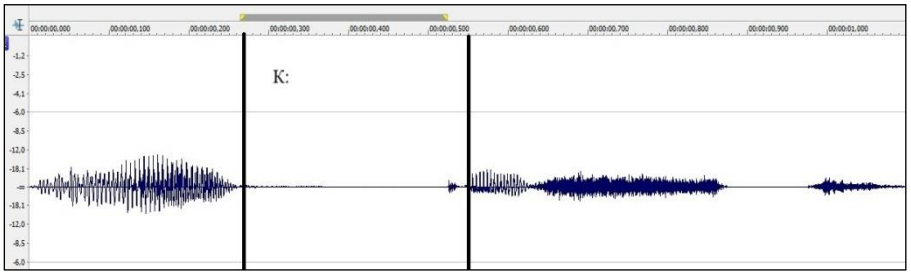

Рисунок 2 – Осциллограмма слова мяккасць

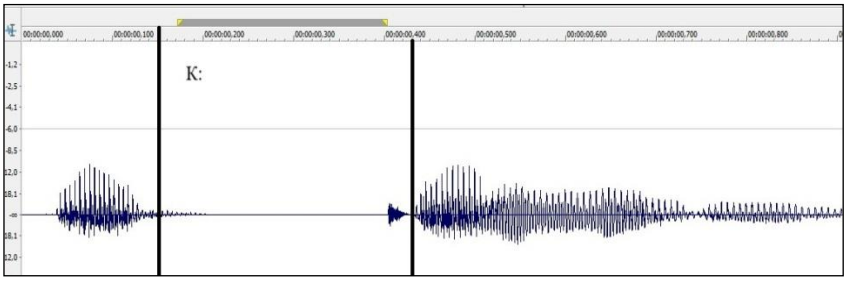

Рисунок 3 – Осциллограмма слова паккамера

Наглядное представление про акустическую структуру долгого [к:] дают осциллограммы слов мяккасць и паккамера (рисунки 2 и 3 соответственно). В первом случае продолжительность смычки составляет 250 мс, во втором – 230 мс. Это почти в три раза больше, чем в случае неудлиненного [к]. Взрывной сегмент остается коротким: соответственно 30 и 35 мс.

Некоторые замечания относительно функционирования [к] в качестве второго члена двухкомпонентных консонантных сочетаний были сделаны А. И. Подлужным [7, с. 50–53]. В частности, указано, что в начале слова встречается ограниченное количество сочетаний подобной структуры – [тк], [ск], [шк]. В позиции середины слова дистрибуция [к] значительно более широкая – в качестве первого компонента таких сочетаний могут выступать сонорные: [ўк], [йк], [мк], [нк], [н'к], [рк], [л'к]; взрывные: [пк], [тк], [кк]; щелевые: [ск], [с'к], [шк], [хк]; смычно-щелевые: [цк], [ц'к], [чк]. Как видим, самые распространенные консонантные группы – «твердый согласный + [к]» в середине слова. Далее более подробно остановимся на особенностях сочетаемости твердого [к] с предшествующими взрывными и щелевыми в зависимости от позиции в слове.

Сочетания «взрывной + [к]»

Для фонетической системы белорусского языка характерны сочетания двух взрывных в разных позициях, в том числе в начале слова (птушка, ткаць). Однако единственное возможное в данной позиции сочетание структуры «взрывной + к» – [тк], встречающееся в ограниченном количестве слов (тканіна [ткан'ína], тканка [тка́нка], ткацтва [тка́цтва]). Что касается позиции абсолютного конца слова, то здесь двухкомпонентные консонантные группы структуры «взрывной + к» не встречаются вовсе. Причем это ограничение действует как для начальных форм слов, так и для грамматических форм. Например, в падежных формах имен существительных после сочетаний такой структуры обязательно присутствие гласного – окончания: аскепак – аскепка, сшытак – сшытку.

В то же время широкие возможности для возникновения и функционирования сочетаний рассматриваемой структуры демонстрирует позиция середины слова. Так, консонантная группа [пк] на месте орфографического сочетания бк может встречаться:

1) на стыке приставки и корня: абкалоць [апкало́ц'], абкатчык [апка́ч:ык], абкошваць [апко́швац'];

2) в составе корневой морфемы – спорадически: пробка [про́пка], выкарабкацца [вы́карапкац:а];

3) на стыке корня и суффикса: абрубка [абру́пка], галубка [ґалу́пка], гібкасць [ґ'íпкас'ц'], грыбковы [ґрыпко́вы], паасобку [паасо́пку];

4) в сандхиальной позиции: абкам [апка́м] (абласны камітэт), субкантынент [су̀пкантын'э́нт], субкультура [су̀пкул'ту́ра].

Сочетание [пк], соответствующее орфографическому написанию, встречается в следующих позициях:

1) в составе корневой морфемы – более часто, чем в случае с возникновением сегмента [пк] в результате ассимилятивного оглушения; в том числе и в заимствованных лексемах: кнопка [кно́пка], шапка [ша́пка], папкорн [папко́рн];

2) на стыке корня и суффикса: абсыпка [апсы́пка], адчэпка [ач:э́пка], вылепка [вы́л'эпка], похапкам [по́хапкам];

3) в сандхиальной позиции: групкам [γрупка́м], дыпкур'ер [ды̀пкурйэ́р], поп-культура [по̀пкул'ту́ра], крэп-кашмір [крэ̀пкашм'і́р].

Консонантная группа [пк] в белорусском языке характерна для омонимов, в одном из которых [п] – этимологический, во втором – образован в результате оглушения звонкого [б]. Например: групка 'небольшая группа' и грубка 'небольшая комнатная печь, обычно для отопления'. По звучанию эти слова полностью идентичны; на осциллограмме (рисунок 4) акустическая структура сегмента, соответствующего оглушенному [б], совпадает со структурой глухого взрывного (глухая смычка – взрыв). Лексическое значение таких омофонов становится понятным только из контекста.

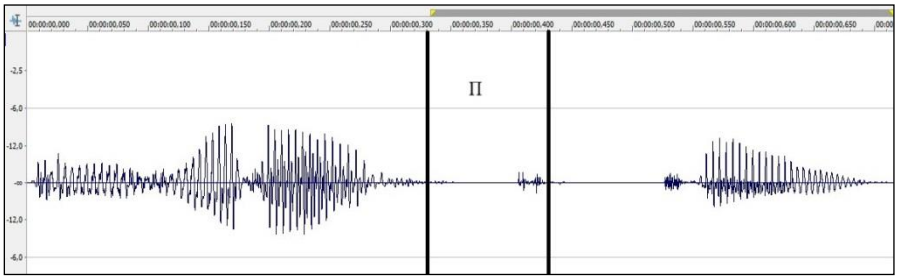

Рисунок 4 – Осциллограмма слова грубка

Консонантная группа [тк] на месте орфографического сочетания дк может встречаться:

1) на стыке приставки и корня: надкушаны [натку́шаны], адказваць [атка́звац'], падкаленны [паткал'э́н:ы], перадкастрычніцкі [п'эраткастры́чн'іцк'і];

2) в составе корневой морфемы – спорадически: спадкаемец [спаткайэ́м'эц], вадкасць [ва́ткас'ц'];

3) на стыке корня и суффикса: ягадка [йа́γатка], электраправодка [эл'э̀ктраправо́тка], шведка [шв'э́тка], загадка [заγа́тка];

4) в сандхиальной позиции: медкамісія [м'э̀ткам'і́с'ійа], будкантора [бу̀канто́ра].

При речевой реализации сложных и сложносокращенных слов дистрибуция согласных на сандхиальных стыках может отличаться от законов сочетаемости, действующих во внутрисловной фонетике. Это зависит от степени проявления делимитации на стыке основ, то есть от того, осознают ли носители языка границу между компонентами, и если осознают, то как ее воспринимают – как внутрисловную или как межсловную [8, с. 125]. На примере осциллограммы слова медкамісія (рисунок 5) видим, что произношение сочетания дк соответствует законам внутрисловной фонетики – действует правило оглушения звонкого перед глухим. На участке, соответствующем звуку [т], представлены глухая смычка и взрыв, что соотносится с акустической структурой глухого согласного.

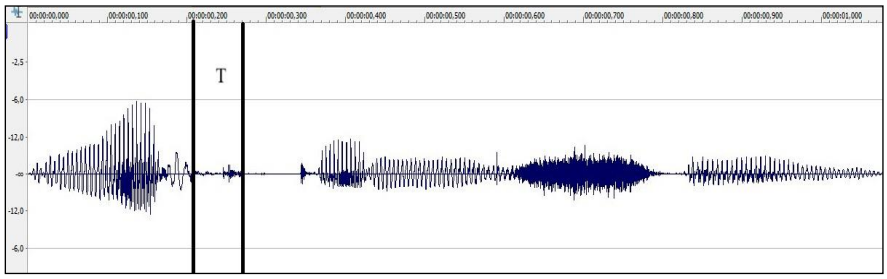

Рисунок 5 – Осциллограмма слова медкамісія

Сочетание согласных [тк], которое и на письме передается как тк, встречается:

1) в составе корневой морфемы: шаткаваць [шаткава́ц'], улітка [ул'і́тка], спаткацца [спатка́ц:а], выдаткоўваць [выдатко́ўвац'], міткаль [м'іткáл'];

2) на стыке корня и суффикса: эрудытка [эрудыі́тка], хуткасны [ху́ткасны], улетку [ул'э́тку], абмотка [абмо́тка];

3) на стыке двух суффиксов: чутка [чу́тка], цялятка [ц'ал'а́тка];

4) в составе суффиксальнай морфемы: ціхутка [ц'іху́тка], дзіцятка [z'іц'а́тка];

5) в сандхиальной позиции: шматкаленчаты [шма̀ткал'э́нчаты], агіткалектыў [аγ'ѝткал'эктыі́ў], кают-кампа́нія [кайу̀ткампа́н'ійа], літкансультант [л'ѝткансул'та́нт].

Примечательно, что языковая система дает возможность вариантной реализации лексем – с консонантной группой [тк] и с одиночным взрывным [т]: бесперасадкавы и бесперасадачны, бранзалетка и бранзалет.

Сочетания «щелевой + [к]»

К глухим щелевым согласным в соответствии с артикуляционно-физиологической классификацией по активному органу относятся звуки [ф], [ф'], [с], [с'], [х], [х'], [ш]. Сочетания [ф'к], [х'к] в белорусском языке запрещены: при анализе корпуса орфоэпического словаря [7] не было выявлено ни одной лексемы, в которой реализуется консонантная группа такой структуры.

В начале слова не употребляются также консонантные группы [фк], [хк]. Распространено в данной позиции сочетание [ск], которое функционирует на стыке приставки и корня (скаардынаваць [скаардынава́ц'], скалечыць [скал'э́чыц'], скамянелы [скам'ан'э́лы]), а также в корневых морфемах. Речь идет как о корнях славянского происхождения (скарб [ска́рп], скаргавы [ска́рγавы], скамарох [скамаро́х]), так и о заимствованных (скафандр [скафа́ндр], скайсёрфер [ска̀йс'о́рф'эр], скальп [ска́л'п]). Сочетание [шк] реализуется в ограниченном количестве корневых морфем преимущественно славянского происхождения (шкарпэткі [шкарпэ́тк'і], школьны [шко́л'ны], шкадаванне [шкадава́н':э]). Немногочисленные заимствования с этой консонантной группой сегодня не воспринимаются как иноязычные слова; в языке-доноре на месте щелевого [ш] часто функционирует звук [с]: шкарлятына – от итальянского scarlattina, шкала – от латинского scala.

В позиции абсолютного конца слова не встречаются названные выше консонантные группы [фк], [хк], а также сочетание [шк]. Из всех возможных сочетаний структуры «щелевой + [к]» здесь функционирует только [ск]. Оно реализуется исключительно в корневых морфемах – как славянских (віск [в'і́ск], заціск [за́ц'іск], ляск [л'а́ск]), так и заимствованных (дыск [ды́ск], інфакіёск [йѝнфак'ійо́ск], малюск [мал'у́ск]).

В середине слова возможности сочетания взрывного [к] с предшествующими щелевыми наиболее широкие. Спорадически здесь встречается сочетание [фк] – на стыке корня и суффикса (шафка [ша́фка]). С предшествующим заднеязычным [х] (этимологическим и образованным в результате оглушения фрикативного [γ]) взрывной [к] образует двухкомпонентные группы также исключительно на стыке корня и суффикса (легкадумнасць [л'эхкаду́мнас'ц'], крохкасць [кро́хкас'ц'], запыхкаць [запы́хкац'], дрогкасць [дро́ккас'ц'], вохкаць [во́ккац']). Как равноправные фонетические варианты выступают слова с консонантной группой [хк] и с одиночным фрикативным: вухканне и вуханне, гахкаць и гахаць.

Сочетание согласных [шк] на месте орфографического жк может встречаться в корне слова (лыжка [лы́шка]) и (чаще) на стыке корня и суффикса (кніжка [кн'і́шка], дзежка [z'э́шка], цяжка [ц'а́шка]). Этимологический [ш] выступает первым членом двухкомпонентной группы [шк] в корне слова (валошка [вало́шка], галушка [γалу́шка], дошка [до́шка]), на стыке корня и суффикса (вышка [вы́шка], казашка [каза́шка]), в составе суффиксальнай морфемы (васьмушка [вас'му́шка], вяснушка [в'асну́шка], галавешка [γалав'э́шка]). На стыке приставки, заканчивающейся на -с, и корня, начинающегося с шк-, возникает консонантная группа сшк. В результате действия в белорусской орфоэпии правила ассимиляции свистящих к шипящим эта группа реализуется как сегмент с долгим шипящим – [ш:к]: абясшкоджванне [аб'аш:ко́жван':э], расшкуматаны [раш:кумата́ны]. При сравнении произношения слов шкада и бясшкодны (рисунки 6 и 7 соответственно) видим, что сегменты осциллограмм, иллюстрирующие звучание неудлиненного [ш]

и долгого [ш:], представляют собой участки беспорядочной непериодической штриховки. Такой фрикативный сегмент характерен для глухих щелевых. Долгий [ш:] отличается только продолжительностью звучания шумового сегмента: 170 мс, что почти в два раза больше, чым в случае неудлиненного согласного (90 мс).

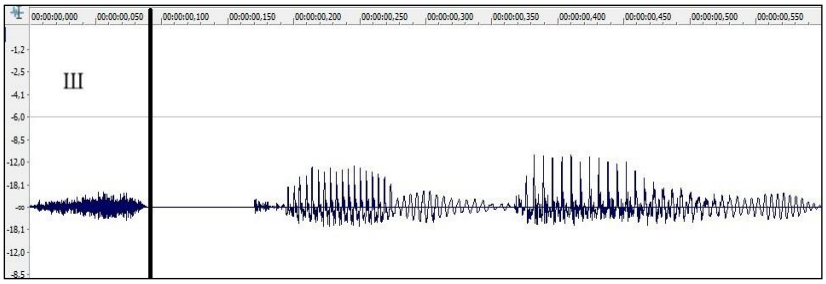

Рисунок 6 – Осциллограмма слова шкада

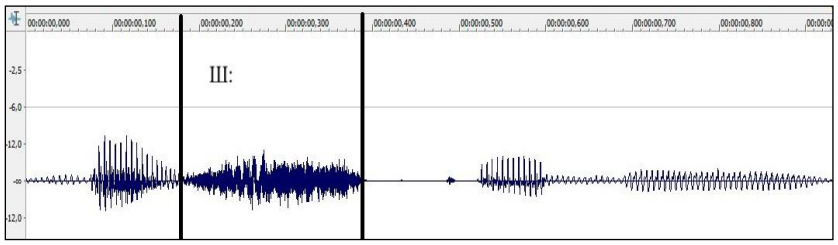

Рисунок 7 – Осциллограмма слова бясшкодны

Консонантная группа [ск] на месте орфографического сочетания зк может встречаться только на стыке корня и суффикса: блізка [бл'і́ска], блузка [блу́ска], абавязкова [абав'аско́ва], загрузка [заγру́ска]. Этимологический [с] выступает первым членом двухкомпонентного сочетания [ск] в следующих позициях:

1) на стыке приставки и корня: раскамандзіраваць [раскаман'z'іраваʼ́ц'], бяскарнасць [б'аска́рнас'ц'], раскалоцца [раскало́ц:а];

2) в составе корневых морфем славянского происхождения (бліскавіца [бл'іскав'і́ца], ляскаць [л'а́скац'], ласкутны [ласку́тны]) и заимствованных (аскарыдоз [аскарыдо́с], мускат [муска́т], лемніската [л'эмн'іска́та]);

3) на стыке корня и суффикса: індуска [інду́ска], ліска [л'і́ска];

4) в составе суффиксальнай морфемы: вятрыска [в'атры́ска].

В сандхиальной позиции дистрибуция взрывного [к] при сочетании с предшествующими щелевыми коррелирует с его дистрибуцией в середине лексем. На стыке частей композитов и сложносокращенных слов нами зафиксированы следующие консонантные группы: [фк] (паліграфкамбінат [пал'іγра̀фкамб'іна́т], прафкам [прафка́м]); [хк] (чатырохкутнік [чатырохку́тн'ік], флаг-капітан [фла̀хкап'іта́н], тэхкантроль [тэ̀хкантро́л']); [шк] (звышкамплектны [звы̀шкампл'э́ктны], міжкантынентальны [м'ішкантын'энта́л'ны]); [ск] (бізнес-кансультант [б'і̀з'н'эскансул'та́нт], дэзкамера [дэска́м'эра]).

Таким образом, дистрибуционные свойства взрывного [к] при его сочетании с предшествующими взрывными и щелевыми обусловлены как качеством первого компонента, так и позицией консонантной группы в фонетическом слове. Независимо от позиции для белорусского языка нехарактерны сочетания структуры «мягкий взрывной + [к]», что связано с отвердением губного [п] и отсутствием в фонетической системе мягкого [т']. Сочетания структуры «мягкий щелевой + [к]» представлены только сегментом [с'к], который спорадически встречается в середине слова: гуськом [γус'ко́м], кузька [ку́с'ка], проська [про́с'ка]. Употребление консонантных групп структуры «взрывной + [к]» в абсолютном конце слов невозможно. Такие сочетания не развились по причине неудобства артикуляции двух взрывных в данной позиции. Сочетания структуры «щелевой + [к]» в конце слова представлены только сегментом [ск]. В начале лексем продуктивными являются сегменты с предшествующими щелевыми [ск], [шк], но запрещены группы [фк],

[ф'к], [хк], [х'к]. Единственно возможное в данной позиции сочетание структуры «смычный + [к]» – [тк].

В позиции середины слова дистрибуционные возможности взрывного [к] более широкие. Здесь увеличивается инвентарь продуктивных сочетаний согласных, в который входят и запрещенные в начале и конце лексем сегменты. Наблюдения над дистрибуцией согласного [к] показывают, что белорусский язык владеет ресурсом для того, чтобы избегать консонантных сочетаний в определенных словоформах. Это подтверждается возможностью вариантной реализации одних и тех же лексем – с консонантными группами [тк], [хк] и с одиночными согласными (бесперасадкавы и бесперасадачны, вухканне и вуханне).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стер. / О. С. Ахманова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 569 с.

2. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. Пер. с нем. А. А. Холодовича; под ред. С. Д. Кацнельсона / Н. С. Трубецкой. – Москва : Аспект Пресс, 2000. – 352 с.

3. Фанетыка беларускай літаратурнай мовы / І. Р. Бурлыка [і інш.] ; рэд. А. І. Падлужны. – Мінск : Навука і тэхніка, 1989. – 335 с.

4. Мандзік В. А. Прынцыпы даследавання кансанантнай дыстрыбуцыі ў беларускай літаратурнай мове / В. А. Мандзік // Труды БГТУ. Сер. 4, Принт- и медиатехнологии. – 2024. – № 2 (285). – С. 140–144.

5. Крывіцкі А. А. Фанетыка беларускай мовы : вучэб. дапам. / А. А. Крывіцкі, А. І. Падлужны. – Мінск : Выш. шк., 1984. – 269 с.

6. Кароткая граматыка беларускай мовы. У 2 ч. Ч. 1. Фаналогія. Марфаналогія. Марфалогія / навук. рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск : Беларус. навука, 2007. – 351 с.

7. Падлужны А. І. Фаналагічная сістэма беларускай літаратурнай мовы / А. І. Падлужны. – Мінск : Навука і тэхніка, 1969. – 144 с.

8. Русская фонетика в развитии: фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века / Р. Ф. Касаткина [и др.] ; отв. ред.: М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина. – М. : Яз. слав. культуры, 2013. – 458 с.

9. Арфаэпічны слоўнік беларускай мовы / Нац. акад. навук Беларусі [і інш.] ; уклад.: В. П. Русак [і інш.] ; рэдкал.: В. П. Русак, Ю. С. Гецэвіч, С. І. Лысы. – Мінск : Беларуская навука, 2017. – 757 с.

УДК 811.161.3-26'342

МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД КАК ИСТОЧНИК КОГНИТИВНОЙ ДИСГАРМОНИИ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Павлова Елена Касимовна
Доктор филологических наук, доцент, кафедра английского языка для гуманитарных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения, доцент,
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

Работа посвящена исследованию проблемы машинного перевода на русский язык цитат из древнекитайских источников на вэньяне, используемых в современном политическом дискурсе Китая. Актуальность исследования обусловлена потребностью в гармонизации российско-китайского политического дискурса в условиях развивающегося и укрепляющегося сотрудничества между нашими странами и всё более широким использованием машинного перевода политических текстов. В качестве материала для исследования были выбраны тексты выступлений политических лидеров Китая, в которых присутствуют цитаты на вэньяне. Обнаруженные цитаты были переведены на русский язык с помощью двух переводящих машин (Google Переводчик и Яндекс Переводчик). Машинные переводы были сопоставлены друг с другом и с переводами, сделанными профессиональными переводчиками. Исследование показало, что качество машинного перевода цитат на вэньяне не удовлетворяет современным требованиям к качеству перевода и у Google Переводчика (25% неверных переводов), и особенно у Яндекс Переводчика (67% неверных переводов). Неверные переводы приводят к дисгармонии дискурса, которая может быть устранена только вмешательством квалифицированного человека-переводчика. Делается вывод о необходимости совершенствования заложенных в переводящие машины языковых моделей и методик их обучения.

Ключевые слова: политический дискурс; машинный перевод; китайский язык; вэньянь; дисгармония дискурса; статистический анализ.

MACHINE TRANSLATION AS A SOURCE OF COGNITIVE DISHARMONY IN RUSSIAN-CHINESE POLITICAL DISCOURSE

Pavlova Elena Kasimovna
Doctor of Philology, Associate Professor, Department of English for Humanities, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Associate Professor
Lomonosov Moscow State University

The work is devoted to the study of the problem of machine translation into Russian of quotations from ancient Chinese sources in Wenyan used in modern Chinese political discourse. The relevance of the research is determined by the need to harmonize Russian-Chinese political discourse in the context of developing and strengthening cooperation between our countries and the increasing use of machine translation of political texts. The texts of speeches by Chinese political leaders, which contain quotations in Wenyan, were chosen as the material for the study. Discovered quotations were translated into Russian language by using two translation engines (Google translate and Yandex Translator). Machine translations were compared with each other and with translations made by professional translators. The study showed that the quality of machine translation quotes on veniana does not meet modern requirements for the quality of the translation and

Google translate (25% incorrect translations), and especially in Yandex Translator (67% incorrect translations). Incorrect translations lead to disharmony of discourse, which can only be eliminated by the intervention of a qualified translator. It is concluded that it is necessary to improve the language models and teaching methods embedded in translation machines.

Keywords: political discourse; machine translation; Chinese; Wenyan; disharmony of discourse; statistical analysis.

*****

В международном политическом дискурсе редко реализуется ситуация полного взаимопонимания, обычно в нём в большей или меньшей степени наблюдается дисгармония дискурса, понимаемая как неправильная, неоднозначная, неполная передача информации и неадекватная, нежелательная или непредсказуемая эмоциональная реакция на нее [1]. В терминоведении проблема дисгармонии решается посредством гармонизации терминосистем [2], но в политическом дискурсе, особенно в публичном, то есть в той его части, которая адресована широкой аудитории и направлена на формирование общественного мнения и побуждение масс к политическому действию (или бездействию), термины, даже если их содержание гармонизировано, не обеспечивают гармонизации дискурса в целом. Основу лексики публичного политического дискурса составляют не политические термины, а эмоционально-оценочная лексика, воздействующая на чувства людей, мобилизующая их на действия, возбуждающая любовь или ненависть и т.п. В результате в политическом дискурсе может возникать дисгармония двух типов:

Когнитивная дисгармония, то есть отсутствие взаимопонимания вследствие различий в языковых картинах мира участников дискурса, которые могут заключаться в отсутствии соответствующих концептов или противоположности эмоционально-оценочных значений концептов.

Прагматически обусловленная дисгармония, возникающая из-за различий и даже противоположности целей, к которым стремятся участники дискурса. Гармонизации дискурса достичь невозможно, если его участники не стремятся к взаимопониманию.

Кратко говоря, в первом случае участники хотят понять друг друга, но не могут, а во втором они могут, но не хотят. Характерным примером прагматически обусловленной дисгармонии демонстрирует современный дискурс Россия-ЕС, в котором политики Европейского Союза не хотят слышать аргументы России, игнорируют факты, используют ложь и передёргивание. В таком дискурсе гармонизация практически невозможна.

В российско – китайском политическом дискурсе, в отличии от дискурса Россия – Запад, отсутствует основа для прагматически обусловленной дисгармонии. Обе страны имеют близкие взгляды на будущее мироустройство и пути его построения, спорные территориальные вопросы решены по взаимному согласию, есть большая взаимная заинтересованность в экономическом сотрудничестве. Культурная основа также благоприятна для сотрудничества и взаимопонимания. Наконец, Запад под руководством США объявил и Россию, и Китай своими противниками и конкурентами, по сути – врагами, а ничто так не сближает страны, как борьба с общим врагом.

Тем не менее, несмотря на общность политических позиций и интересов, в российско-китайском политическом дискурсе есть основания для возникновения когнитивной дисгармонии вследствие различия в языковых картинах мира.

Прежде всего следует отметить, что дискурс Россия-Китай является интерцивилизационным, в котором языковая картина мира древней цивилизации Китая взаимодействует с языковой картиной мира России, которая также представляет собой отдельную цивилизацию. Цивилизационные различия России и Китая весьма значительны, особенно в сфере языка и культуры. Культура Китая, в том

числе и его политическая культура, имеет многотысячелетнюю непрерывную историю, и современный Китай в значительной степени сохраняет и продолжает традиции Поднебесной Империи, которая веками была самодостаточна. Культура русской цивилизации сформировалось на стыке Запада и Востока, впитав в себя и переосмыслив многие традиции, в большей степени гармонизировав культуры вошедших в нее народов с разными традициями, языками и вероисповеданиями.

Что касается языка, то различия России и Китая также велики. Прежде всего они заключаются в типе языков (корнеизолирующий китайский и агглютинирующий русский), принадлежности их к разным языковым семьям, наконец, в типе письменности (фонетическая в русском языке и иероглифическая в китайском). Иероглифическая система китайского языка, сформировавшаяся тысячелетия назад, продолжает активно использоваться в современном Китае. В отличие от европейских языков (включая и русский), иероглифические тексты, написанные 2-3 тысячи лет назад, доступны для чтения и понимания современными китайцами. Это позволяет использовать цитаты из древних текстов, написанных на древнекитайском вэньяне в современном дискурсе, и политические деятели Китая часто вкрапляют цитаты на вэньяне в свой политический дискурс, подчёркивая тем самым непрерывность и преемственность государственной власти Китая в течение, как минимум, 2500 лет.

Перевод вэньяня, вкрапленного в современный политический дискурс, представляет значительную трудность вследствие сочетания в нем лаконичной словесной формы и обширного содержания. Даже сам смысл древней китайской цитаты может быть не вполне адекватно и однозначно понят иноязычным переводчиком, что уж говорить о богатстве эмоциональных реакций и ассоциаций, вызываемых цитатой на вэньяне у китайского адресата.

В течение последнего десятилетия мы наблюдаем стремительный прогресс в разработке и внедрении искусственного интеллекта в системы машинного перевода. Если ещё в 2017 году переводящая машина Google Переводчик при переводе англоязычных политических текстов на русский язык допускала значительное количество ошибок [3], то сегодня машинный перевод таких текстов в большинстве случаев не содержит явных ошибок и в целом по качеству почти не уступает переводу, сделанному специалистом средней квалификации. Такое качество перевода вполне достаточно для понимания. В результате международный публичный дискурс, в том числе и политический становится всё более компьютерно-опосредованным.

Однако с переводом политических текстов с китайского языка ситуация сложнее. Китайский политический дискурс изобилует национально-специфическими метафорами, апелляциями к истории Китая и цитатами из древних текстов на вэньяне. Качество машинного перевода вэньяня оставляет желать много лучшего. Для качественной передачи понятийного эмоционального и ассоциативного содержания вэньяня от переводчика требуется глубокое погружение в исторический контекст китайской культуры и применения специальных методов перевода. Переводящие машины пока далеки от этого идеала.

В данной работе было исследовано качество машинного перевода 57 цитат на вэньяне, обнаруженных в текстах выступлений Председателя КНР Си Цзиньпина и других видных политических деятелей Китая, опубликованных в китайской центральной прессе. Исследование текстов показало, что почти в каждом политическом заявлении китайские политики апеллируют к истории и культуре древнего Китая, украшая свою речь цитатами из письменных источников древностью вплоть до 11-го века до н.э.

Машинный перевод осуществлялся двумя переводящими машинами: Google Переводчик и Яндекс Переводчик. Переводы вэньяня классифицировались по качеству на 3 категории:

Хороший перевод, в котором значение цитаты верно передано и грамотно представлено на русском языке. Такой перевод может быть улучшен стилистически, но в большинстве случаев в этом нет необходимости.

Посредственный перевод, из которого можно понять смысл выражения, но формулировка перевода нуждается в радикальной лексико-стилистической переработке человеком-переводчиком.

Неудовлетворительный перевод, в котором смысл исходного вэньяня полностью утрачен или искажён. Такой перевод не просто бесполезен, он часто вреден, поскольку искажает смысл вплоть до противоположного и служит источником когнитивной дисгармонии в дискурсе.

В качестве примеров рассмотрим несколько хороших, посредственных и неудовлетворительных переводов цитат на вэньяне, сделанных переводящими машинами.

В качестве примера хорошего перевода можно привести перевод выражения «合则强，孤则弱» [4]. Google Переводчик дал следующий перевод: «Вместе мы сильны, поодиночке мы слабы». Яндекс Переводчик предложил похожий вариант: «Если вы вместе, вы сильны, если вы одиноки, вы слабы». Оба перевода верно отражают смысл переводимого выражения, оба лексически и стилистически приемлемы с точки зрения правил русского языка. Это выражение относительно простое и короткое, что облегчает машинный перевод.

Можно также привести пример перевода более пространной цитаты на вэньяне «花独放不是春，百花齐放春满园» [5]. Перевод Google Переводчика «Один цветущий цветок – это еще не весна, но сто цветков, распустившихся вместе, наполняют сад весной» содержательно, лексически и стилистически вполне сопоставим с переводом профессионального переводчика. Яндекс Переводчик дал несколько иной вариант перевода «Один-единственный цветок – это еще не весна, но весной распускаются сотни цветов, и сад полон цветов». В целом в нём сохранён смысл исходного выражения, но акценты смещены: в оригинале акцент делается на том, что массовое цветение свидетельствует о приходе весны, а в переводе просто констатируется факт, что весной расцветает много цветов. Поэтому данный перевод можно также отнести к посредственным, поскольку его желательно подкорректировать для сохранения исходных акцентов.

Более типичный пример посредственного перевода продемонстрировали обе использованные переводящие машины при переводе выражения «谋度于义者必得，事因于民者必成» [6]. Google Переводчик перевёл его как «Те, кто планирует справедливость, преуспеют, и те, кто работает на благо народа, преуспеют», а Яндекс Переводчик как «Те, кто стремится жить праведно, получат это, а те, кто что-то делает для людей, добьются успеха». Смысл выражения понятен из обоих переводов, но оба они нуждаются в лексико-стилистической правке. Человек-переводчик перевёл это выражение так: «Те, кто в планировании опираются на нравственность, смогут добиться успеха в делах, и те, кто обращают внимание на волю народа, преуспеют».

Можно привести ещё один пример посредственного перевода – перевод выражения «孤举者难起，众行者易趋» [7]. Вариант перевода, предложенный машиной Google Переводчик выглядит так: «Человеку трудно сделать ход в одиночку, но группе людей сделать ход легко». Смысл понятен, но перевод по-русски звучит странно и причина – в неуместном употреблении слова «ход». Человек-переводчик перевёл это выражение так: «Человеку может быть трудно подняться и идти в одиночку, но вместе люди могут идти легко и быстро». Но перевод Яндекс Переводчика ещё хуже «Одиноким людям трудно вставать, но тем, кто ходит пешком, легко вставать». Здесь смысл искажён при переводе до неузнаваемости, и такой перевод следует отнести к категории неудовлетворительных.

К неудовлетворительным следует отнести и следующие два примера машинного перевода. Первый – перевод выражения на вэньяне «山积而高，泽积而长» [8]. Ни перевод Google Переводчика «Горы высокие из-за накопления, а болота длинные из-за накопления», ни Яндекс Переводчика «Горы многочисленны и высоки, а реки многочисленны и длинны» нельзя признать удовлетворительным, поскольку оба перевода неверно передают содержание цитаты, которая правильно переводится так: «Сложение усилий позволит и горе возвыситься, и реке увеличиться». Исходя из

перевода Google Переводчика в принципе можно догадаться о смысле исходной цитаты, перевод же Яндекс Переводчика совсем не даёт такой возможности.

Второй пример – перевод выражения «与君远相知，不道云海深» [9]. Обе использованные переводящие машины дали почти одинаковый перевод: Google Переводчик «Я знаю тебя издалека, но не знаю, насколько глубоко море облаков», Яндекс Переводчик «Я знаю тебя издалека, но я не знаю глубины моря облаков», но оба перевода не отражают смысла исходной цитаты, который переводится так: «Хотя мы с вами далеко друг от друга, пока мы понимаем друг друга, мы не будем чувствовать себя далекими».

На основании разработанных критериев было оценено качество перевода всех собранных примеров употребления вэньяня в политическом дискурсе руководства Китая. Выборка в количестве 57 примеров может считаться достаточно представительной для оценки качества перевода вэньяня переводящими машинами. На Рисунок 1 представлена диаграмма сравнительного качества перевода 57 примеров вэньяня с помощью двух переводящих машин: Google Переводчик и Яндекс Переводчик по состоянию на 25.07.2025 года.

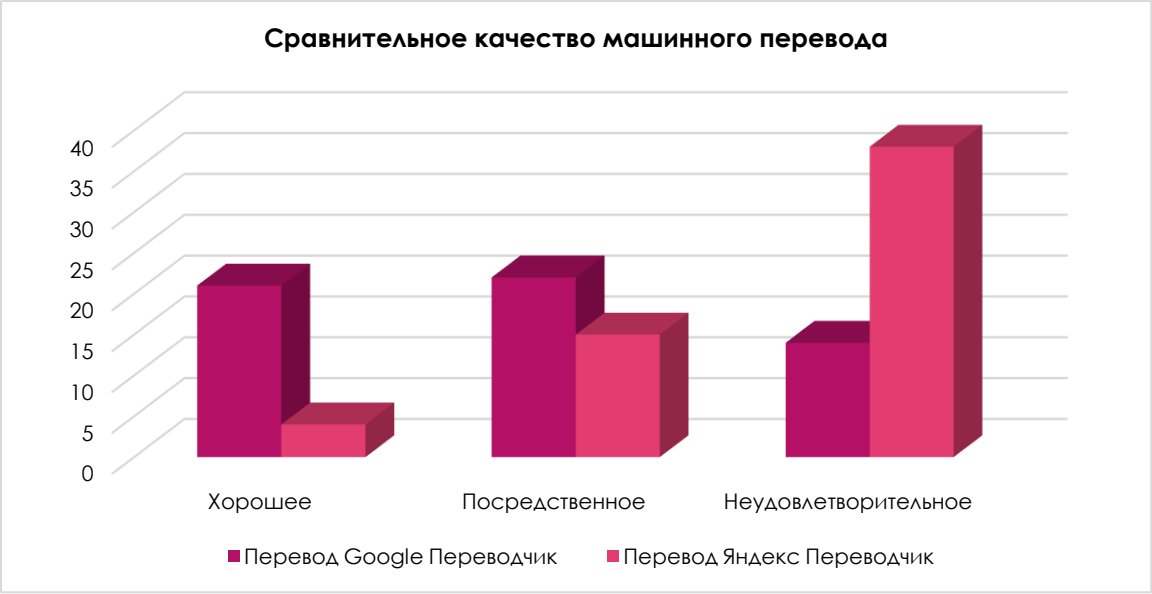

Рисунок 1 - Сравнение качества перевода вэньяня с помощью Google Переводчик и Яндекс Переводчик (по состоянию на 25.07.2025 года).

В таблице 1 статистические данные о качестве перевода вэньяня двумя переводящими машинами представлены в табличной форме в виде абсолютного количества хороших, посредственных и неудовлетворительных переводов, а также их количество в процентах от общего числа переводов.

Таблица 1

Качество перевода	Переводящая машина			
	Google	Яндекс	Google	Яндекс
Хорошее	21	4	36%	7%
Посредственное	22	15	39%	26%
Неудовлетворительное	14	38	25%	67%
Количество переводов	57	57	100%	100%

Представленные результаты и приведенные примеры машинного перевода вэньяня показывают, что использованные для перевода переводящие машины с системами искусственного интеллекта пока не способны обеспечить не только

хорошее, но даже удовлетворительное качество перевода вэньяня с китайского языка на русский.

Наилучшие результаты демонстрирует Google Переводчик, но даже эта переводящая машина с хорошим качеством переводит только 36% цитат на вэньяне, в 39% случаев перевод нуждается в коррекции человеком, а 25% переводов вообще неверны и непригодны для использования.

У Яндекс Переводчика результаты ещё хуже: только 7% цитат на вэньяне переведены хорошо, меньше трети удовлетворительно и почти 2/3 переводов имеют неудовлетворительное качество.

Столь низкое качество машинного перевода вэньяня, очевидно, обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, тексты, содержащие цитаты на вэньяне, скорее всего, или вовсе не присутствовали в обучающих корпусах текстов, или присутствовали в явно недостаточном объёме. Во-вторых, цитаты из древнекитайских источников на вэньяне отличаются особой лаконичностью формы, за которой носители китайского языка и китайской культуры видят глубокое содержание, полное переносных значений, иносказаний, намеков и ассоциаций. В машинном переводе это содержание не передаётся, поскольку для распознавания и перевода таких значений недостаточно обучить нейросеть на корпусе текстов, необходимо обеспечить усвоение системой искусственного интеллекта культурно-исторических знаний в их глубокой взаимосвязи с языком и речью. Современные языковые модели искусственного интеллекта на это пока не способны.

Самое неприятное в создавшейся ситуации то, что не всегда можно просто отличить хороший перевод от плохого. Неправильный перевод может выглядеть грамматически и стилистически правильным, но содержание исходной цитаты может быть искажено до неузнаваемости. И только человек, погружённый в контекст дискурса и лингвокультурный контекст, сможет оценить в этом случае качество машинного перевода.

В заключение можно сделать следующие выводы:

В публичном политическом дискурсе Россия-КНР может возникать когнитивная дисгармония вследствие некорректного перевода на русский язык цитат на вэньяне, которые часто встречаются в речи руководителей Китая и несут важное смысловое и эмоционально-оценочное содержание.

Содержание цитат из древних письменных источников Китая с трудом поддаётся переводу на русский язык вследствие лаконичности формы, скрывающей богатое содержание, непонятное без обращения к историко-культурной и лингвокультурной информации.

Современный международный публичный политический дискурс становится всё более компьютерно-опосредованным и, соответственно, гармония и дисгармония в нём зависит от качества машинного перевода политических текстов.

Качество машинного перевода цитат на вэньяне, вкрапленных в политические тексты, нельзя признать удовлетворительным. Переводящая машина Google Переводчик в 25% случаев даёт неправильный перевод, вызывающий дисгармонию дискурса, и только в 25% случаев её перевод достаточно адекватно передаёт содержание оригинальной цитаты. Переводящая машина Яндекс Переводчик ошибается в 67% переводов и только 7% её переводов достаточно качественны. Таким образом, полагаться на машинный перевод китайских политических текстов, содержащих цитаты на вэньяне, опасно, неверные переводы могут вызвать когнитивную дисгармонию.

Разработчикам переводящих машин следует уделить больше внимания обучению встроенных в них систем искусственного интеллекта переводу цитат на вэньяне. Особенно это относится к переводящей машине Яндекс Переводчик. Демонстрируемые этой машиной неудовлетворительные результаты являются тревожным сигналом, особенно учитывая растущие потребности в гармонизации российско-китайского политического дискурса на фоне укрепляющегося сотрудничества между нашими странами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлова Е. К. Проблемы взаимопонимания в глобальном политическом дискурсе. М., «МАКС-Пресс», 2012, С. 8.
2. Методические рекомендации по гармонизации терминологии на национальном и международном уровне Р50-603-2-93. – М.: ВНИИКИ, 1993. – 18с.
3. Павлова Е. К. Перспективы использования искусственного интеллекта для перевода политических текстов // Вопросы филологии. – 2016. – № 4. – С. 38–42.
4. Официальный сайт МИД Китая 26.10.2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/jzhsl_673025/202010/t20201026_5419454.shtml (дата обращения: 04.04.2022)
5. Официальный сайт МИД Китая 05.01.2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/jzhsl_673025/202101/t20210105_5419702.shtml (дата обращения: 04.04.2022)
6. Официальный сайт МИД Китая 22.11.2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202111/t20211122_10451226.shtml (дата обращения: 04.04.2022)
7. Официальный сайт МИД Китая 04.11.2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202111/t20211104_10442877.shtml (дата обращения: 04.04.2022)
8. Официальный сайт МИД Китая 30.09.2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202009/t20200930_348559.shtml (дата обращения: 04.04.2022)
9. Официальный сайт МИД Китая 20.04.2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202104/t20210420_9136696.shtml (дата обращения: 04.04.2022)

УДК 811

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ НЕОЛОГИЗМОВ

Селезнева Ольга Николаевна
Кандидат филологических наук, Тверской ГМУ Минздрава РФ
доцент кафедры иностранных и латинского языков,
г. Тверь, Россия

Взаимосвязь языка и мышления является одной из актуальных проблем современной лингвистики. Язык представляет собой материальное средство выражения когнитивных процессов, происходящих в обществе и общественном сознании. В статье приводятся аргументы того, что мышление включает в себя формирование и систематизацию знаний и информации, в то время как язык отражает социально-культурные явления. Автор статьи анализирует, как лексическая структура языка зависит от социального мышления и общественного менталитета. Неологизмы являются показателем того, какие изменения происходят в общественном сознании. Автор предполагает, что неологизмы являются наглядным примером связующего звена между мышлением и языком. В статье рассматриваются и приводятся примеры трех видов неологизмов: появившиеся в английском языке в результате «гендерной асимметрии»; неологизмы, возникшие в период пандемии COVID-19; неологизмы, распространившиеся в результате популярности социальных сетей. Язык и мышление не статичны и распространение неологизмов является ярким тому подтверждением.

Ключевые слова: язык, мышление, лингвистика, неологизм, гендерная асимметрия, COVID-19, социальная сеть.

RELATIONSHIP BETWEEN LANGUAGE AND THINKING ON THE EXAMPLE OF NEOLOGISMS

Selezneva Olga Nikolaevna
Candidate of Philological Sciences, Tver State Medical University
of the Ministry of Health of the Russian Federation,
Associate Professor of the Department of Foreign and Latin Languages,
Tver, Russia

The relationship between language and thinking is one of the urgent problems of modern linguistics. Language is a material means of expressing cognitive processes that take place in society and public consciousness. The article argues that thinking involves the formation and systematization of knowledge and information, while language reflects socio-cultural phenomena. The author analyzes how the lexical structure of a language depends on social thinking and social mentality. Neologisms are an indicator of what changes are taking place in public consciousness. The author suggests that neologisms are a clear example of the link between thinking and language. The article examines and provides examples of three types of neologisms: those that appeared in English as a result of “gender asymmetry”; neologisms that arose during the COVID-19 pandemic; neologisms that spread as a result of the popularity of social networks. Language and thinking are not static, and the proliferation of neologisms is clear confirmation of this.

Keywords: language, thinking, linguistics, neologism, gender asymmetry, COVID-19, social network.

*****

The relationship between language and thinking, as well as the specific nature of this connection, is among the main and urgent issues of theoretical linguistics and philosophy of language. Philosophers of the 18th century noted that every language is a designation of thoughts and, vice versa, the best way to designate thoughts is through language, which is the greatest means of understanding oneself and others. In this sense, thinking is equal to and means talking [9, p. 238].

Language acts as logical support for thinking, and serves as a material exponent of sociocultural characteristics and trends. In other words, language is a tool for expressing formed thoughts [10; 13]. While the main goal of thinking is the formation and systematization of new knowledge, the function and role of language is to "serve" cognitive activity through the formation of thoughts and consolidation of information and knowledge.

It is fundamentally important to note that both thinking and language are dynamic rather than static. Social thinking reflects the state of a particular society; despite all imaginable contradictions with personal consciousness, it is nevertheless contained in the consciousness of every individual as a member of society [8]. Generally speaking, social thinking is similar to mentality.

For this study, the materials include modern English dictionaries [18; 19; 20; 21; 22], as well as articles and extracts from contemporary newsletters, newspapers and various online resources [23; 24; 25; 26; 27; 28; 29]. The methods employed in this research include: the descriptive method, aimed at studying the appearance and usage of neologisms in modern language; the structural method, aimed at describing neologisms in the linguistic system; component analysis, aimed at identifying semantic components; the introspective method, allowing the researcher to utilize personal observations; and the method of formalization, through which the author can structure and frame the results.

Language responds and reacts to changes in social thinking in various ways. The most prominent manifestation is the emergence of neologisms [6; 11]. This process is natural, since language reacts vividly to the appearance of phenomena important to society. The most significant aspect of the linguistic trend associated with neologism formation and spread is the naturalness of this process. Language itself responds to changes occurring in social thinking [12]. This is why new words take root quickly; they simplify the communication process and enrich it, firmly establishing themselves in active vocabulary. Another example of the impact of thinking on language is the appearance or replacement of certain familiar concepts [15]. However, this process is mostly artificial for language. The following analysis examines different ways in which new words (neologisms) become an integral part of language.

1. Neologisms which appeared due to "gender asymmetry".

The urgent topic of feminism has been developing globally for recent decades, and discussions about "gender asymmetry" have also been circulating. Feminatives are mainly artificially introduced into language-specifically, feminine words that can be an alternative or complement to similar masculine concepts that can be applied to all people, regardless of their gender. Focusing on the Russian language, the peculiarity of feminatives is associated, above all, with professions. Some feminatives ("tkalia"), which were widely used in Old Russian language, are not utilized anymore nowadays. In the Russian language, "male" names prevailed because many professions were not accessible to women.

Research shows that the rapid appearance of new feminatives in the Russian language took place at the turn of the 19th-20th centuries, as many professions previously available in Russia only to men, became also widespread among women ("pianistka", "uchitelnitsa"). Such word creation met much resistance from part of society. Since the 1930s, feminatives have been rarely mentioned in official documents. In the Russian language, the second wave of the feminatives' launch is associated with late19th – early 20th centuries, when the issue of professional equality between men and women became the focus of public attention and, consequently, thinking. Let us note that in the Russian language the feminatives are formed by adding the suffix -sh- to the masculine stem ("vahtior" → "vahtiorsha"), -k- ("student" → "studentka"), -schits- ("banshik" →

“banshitsa”) and – nits – (“pisatel” → “pisatelnitsa”). At the same time, the designation of some professions in the feminine gender does not exist (for example, “linguist”) or has some connotation of disdain (“doctorsha”). “There are just a few of occupationsin the feminine gender that are not derived from the name of the same profession in the masculine gender. For example, “technichka” arrives from the definition of “technical worker”, but not from the profession “technician” [3].

If in the Russian language the attempt to overcome “gender asymmetry” is mostly linked with professions, in the English language, in order to overcome “inequality”, a policy of replacing traditional concepts is being launched [14]. Initially, there was the artificial formation of the word “herstory” instead of “history”. Herstory is a term for history written from a feminist perspective and emphasizing the role of women. It originated as an alteration of the word “history”, as part of a feminist critique of conventional historiography, which in their opinion is traditionally written as “his story”, from the male worldview [4]. Nevertheless, this new word did not become popular in the English language due to its artificial nature.

Another effort to overcome “gender asymmetry” is a suggestion to add “he OR SHE”, “his OR HER” in almost every sentence in the English language. Thus, it is strongly advised to replace the neutral sentence “Everybody dreams that one day he will travel round the globe” with “Everybody dreams that one day he OR SHE will travel round the globe”, the same way it is recommended to say or write “Every student wants to pass his OR HER exams well” instead of “Every student wants to pass his exams well”. It is interesting to note that there are attempts to make alternations not only to the lexical, but also to the grammatical structure of the language. So, for example, if traditionally the dividing question with everyone was constructed as “Everybody wants to be happy, doesn’t he?” it is nowadays advised to modify such questions to “Everybody wants to be happy, don’t they?” The introduction of a gender neutrality policy led to some English healthcare providers being asked to change a number of words, such as “chestfeeding” instead of “breastfeeding”, “human milk” instead of “breastmilk”, “birthing parent” instead of “mother”; “second biological parent” instead of “father”.

There is the same tendency in other German languages. There are some illustrative examples given in the authoritative German dictionary Duden. In 2020, 300 “outdated terms” were removed from the dictionary. Simultaneously, there were 3000 new words and terms added to the dictionary, including Covid-19, bienenfreundlich, Geisterspiel, Lockdown, Herdenimmunität and Gendersternchen ('gender sign in writing'). The latter of these is given under the sign*, which is used to mark both male and female gender when addressing several people at once in the written form, such as “liebe Künstler*innen” [26]. At present Duden continues the popular trend of applying gender-neutral language and it aims at publishing nearly 12,000 more new dictionary entries online in the near future. “For example, if earlier there was a separate entry for the noun “pharmacist” (der Apotheker), and no entry for the female employee (die Apothekerin) but just the designation as “a feminine form of 'pharmacist' with redirection to the main 'male' dictionary entry, nowadays the definition stands out as 'a female person who basing on her professional education or approbation, has the right to work in a pharmacy' [27]. From a linguistic point of view, such an artificial effort to overcome “gender asymmetry” seems unnatural, since the German language is characterized by “general masculine meaning”, which serves to designate nouns regardless of their gender [5; 7].

In summary, neologisms which appeared due to “gender asymmetry” represent an artificial process. Such intervention against language causes criticism from many linguists, since any language is a living phenomenon that develops according to its own internal laws and does not tolerate gross external interference [1; 2].

2. Neologisms which appeared due to COVID-19.

The COVID-19 pandemic had a huge impact on the entire world community, and influenced all spheres of life: medical, economic, social, and cultural ones. Therefore, being an integral part of a person's life, language has also undergone great alterations, especially regarding the lexical component [13; 16]. The most widespread neologisms include:

– coronials.

This neologism appeared in analogy with "millennials" and refers to those who were born during the coronavirus pandemic: "Social media users speculate about a boom of pandemic babies who will be called 'coronials' or 'quaranteens'. She is a coronial" [19].

– covidiot.

The word is described as a person who ignores warnings regarding public safety and health [19]. Cambridge Advanced Learner's Dictionary defines it as "someone who behaves in a stupid way that risks spreading the infectious disease Covid-19" [18].

– doomsurfing.

This neologism describes the tendency to continue seeking negative news, despite the fact that this search brings feelings of anxiety and can cause depression. This term appeared because during the coronavirus pandemic, people constantly read depressing newsletters, unable to stop themselves. The word "doom" is often associated with fate, while "surfing" refers to browsing the Internet. Merriam-Webster notes that both "doomsurfing" and "doomscrolling" emerged during the pandemic to describe this compulsive behavior.

Kevin Roose, The New York Times: "I've been doing a lot of this kind of doomsurfing lately – falling into deep rabbit holes filled with coronavirus content, agitating myself to the point of physical discomfort, erasing any kind of hope of a good night's sleep. Possibly, you have, too" [20].

Kathy Katella, Yale Medicine: "Are you wasting too much time looking for news about COVID-19? If you are doomsurfing, it is possibly time to take a step back and ask yourself what you really should and must know" [20].

– doomscrolling.

This neologism is similar to doomsurfing, specifically referring to looking for sad, bad news and negative information connected with COVID-19, but it is carried out with the help of a mobile phone's screen, and the word "scroll" means to move the text or graphic on the screen in a rapid way. Harvard Health defines doomscrolling as "the habit of constantly scrolling online news headlines, which often blare bad news" and notes that "it can lead to a wide range of physical and mental health effects" [25].

– zoombombing/zoomraiding.

This term means unwanted, disruptive intrusion, usually from Internet trolls, into video conferencing. Typically, Zoombombing involves hijacking a teleconference session by adding obscene, racist, or anti-Semitic content, which logically leads to the session being closed. The neologism gained extraordinary popularity in 2020, when the COVID-19 pandemic forced many people to stay at home; consequently, video conferencing was (and continues to be) widely utilized by businesses, educational institutions and social groups. "Rik Ferguson from the security firm Trend Micro is also a recent zoombombing victim" [23].

– quarantini.

This term refers to the mixture of the words "quarantine" and "martini". It is noteworthy that the term was first used in 2012, but regained popularity in 2020 due to the spread of COVID-19. "Deirdre and I are drinking negronis. Our hosts, Susan and Joe, are drinking something they call a quarantini" [29].

Neologisms that became popular and widespread during the epidemic of the new coronavirus infection have firmly entered the lexical structure of modern English and other languages as well.

3. Neologisms which appeared due to social media.

In the modern world, social networks have a significant influence on many, if not all, spheres of people's lives. In a virtual social space, a person can make friends and acquaintances; they can work, study, relax, travel, and so on. Since people are so involved in virtual social media, it is bound to have a huge impact on the language of human communication. It is important to note that these words have passed into other languages unchanged; thus, in a global sense, social networks have a significant influence on all languages of the world. We are discussing, first of all, the expansion of the vocabulary of

the English language [17]. There are two large groups of neologisms that can be distinguished:

pre-existing words, which have altered and/or expanded their lexical meaning under the influence of social networks;

genuine neologisms.

Examples from the first group include:

– like.

The traditional meaning of the verb "to enjoy or approve of something/someone" remains, but has been transferred to a noun. On social networks, the word "like" is one of the most common terms. Similarly, the verb "dislike" is used primarily as a noun [19]: "Mark Zuckerberg is promising Facebook users a new button to express an emotion other than 'like'. It's being referred to as a 'dislike' button, though Zuckerberg says it's going to be a tool to express empathy, rather than contempt" [23].

– platform.

Before its popularity in social networks, the noun "platform" had several meanings, such as "a long, flat structure at a railway station, where people get on and off trains", "the raised part of the floor in a large room, where you can make a speech or give a musical performance", or "promises that a political party gives if it is voted for" [18]. However, under the influence of social networks, another interpretation emerged – "an opportunity to make one's ideas or beliefs known publicly": "This approach contravenes Johnson's comments in the consultation that "providers also have a duty to protect freedom of speech, and this duty extends to all meetings and activities on their premises, including those run by the student union". I won't stop offering a platform to so-called 'hate speakers'" [28].

– feed.

The commonly used meaning of the verb "to feed" is "to give food to a person, animal, or any living being", or "to produce or provide sufficient food for someone or something" [19]. Social networks have expanded the meaning of the word "feed", and, as in the case of "like", there has been a "shift" in meaning from a verb to a noun. Thus, the most common meaning of "feed" in modern English is "a screen or web page which can update frequently to display fresh news or information" [18]: "RSS feeds are just a special kind of web page, designed to be read by computers rather than people" [29].

– hater.

The verb "hate" has also been transformed into the noun "hater" – "somebody who tells or posts bad stuff about somebody else or criticizes their achievements in a poor way, especially online on the net [18].

– content.

While the traditional meaning of the word refers to "the articles or parts that are contained in written material", the contemporary meaning used in social media is "any ideas contained in a piece of writing or somebody's speech": "You have a preview view of this article while we are checking your access. When we have confirmed access, the full article content will load" [29].

The examples above demonstrate how words that previously existed in the English language are enriched with new meaning, often "transitioning" to another part of speech, and, having secured a new meaning in English, are subsequently translated into other languages, including Russian, due to social networks.

There is also a significant number of genuine neologisms, which mostly appeared in the past decade due to social media [16]:

– trolling.

The main meaning of trolling is "the action of leaving a very bad, insulting message online on the net in order to hurt somebody" . However, etymologically it is related to the character "troll", and there can be observed fact that the lexical meaning has been significantly expanded [18].

– cyberbullying.

This word means "the activity of harassing others online to hurt or frighten another user, especially by sending them harmful messages" [22]: "The show issued a public plea for viewers to stop cyberbullying and harassing its contestants" [23].

– crowdfunding.

This noun means "the practice of raising a large number of small amounts of money from many people, typically via the Internet or social media, to fund a project or venture" [21]. "Campaigns on the crowdfunding site raised more money for wildfire survivors with high incomes than for those who need help most, researchers found" [29].

– crowdsourcing.

This word means "the activity of obtaining information or services by soliciting contributions from a large group of people, especially from an online community" [20]. "Evidence suggests that crowdsourcing succeeds when it's designed for specific tasks – and when the incentives attract the most effective collaborators" [29].

– livestream.

This neologism refers to "broadcasting real-time video content over the internet as events happen" [18]: "The world's largest and most influential video platform wants to persuade a lot more content creators to broadcast live" [29].

– viral.

This term is used to describe something that rapidly gains popularity or becomes well known by being posted online or sent from person to person by email, phone, or messaging apps. Forbes notes that "there is a one-in-a-million chance for your content to go viral" [24].

– blog.

This word means "a regular record of somebody's speculations, thoughts, opinions, or experiences that someone posts on the net for other users to get to know" [21]. Related terms include "blogger" – someone who writes or maintains a blog, and "vlog" – a video blog.

– clickbait.

This neologism means "articles, photos, pictures, etc. posted online that are aimed to draw attention and stimulate internet users to click on the links to some particular websites" [21]. "We were just another clickbait factory with the same deceptive ad practices, temperamental managers, and constant need to copy our competitors and replace their images with lifted ones" [28].

– app.

This abbreviation refers to "a virtual program or a part of a software which is projected for some specific purpose, and which can be downloaded on your mobile phone or another gadget or device" [18].

– influencer.

This term refers to someone who is often paid by an organization and who can promote products and services on social media, which can motivate other users to purchase them: "Influencers like Lil' Miquela and Mia Zelu have millions of followers and generate serious income, despite being created with artificial intelligence" [29].

– follower.

This neologism means "somebody who shows support, interest or admiration for another person, group, or idea" on social media platforms. The term gained prominence with the rise of social media platforms [18]. "Clips of these exchanges built him a huge following – more than 5m followers on X and 7m on TikTok – that helped him mobilise the youth vote for President Donald Trump" [23].

– flashmob.

This neologism means "a group of those individuals who have arranged by emails or mobile devices to get together in a specific place at one and the same time in order to carry out some common activity in order to draw attention to some issue and then to leave" [20]. "New York flashmob ready to 'dance Hillary Clinton into the White House'" [28].

– hashtag.

This word appeared in English and other languages due to social media, as it is "used on social media to categorize content or describe a general subject" [22].

– meme.

This neologism means “an idea, image, video, etc. that can spread online very fast” [22]. “Internet culture is saturated with memes, but how would you explain a meme to someone who doesn’t get it?” [29].

– phishing.

Etymologically linked with “fishing”, this neologism refers to “an effort to trick someone into giving or spreading information online, social media or by email or any messengers that would allow someone else to take money from them, for example, by taking finance out of their bank account” [21].

As the examples show, the English language continues to expand its vocabulary through the emergence of new lexical meanings of existing words, as well as through the emergence of neologisms due to social processes. It is important to note that due to the process of language globalization, the popularity of the English language and social networks throughout the world, neologisms spread and move into other languages, including Russian, and in some cases take root and occupy strong positions there.

ЛИТЕРАТУРА

1. Chomsky N. On Language: Chomsky's Classic Works Language and Responsibility / N. Chomsky, M. Ronat. – New York: The New Press, 1998. – 269 p.
2. Cruse A. Oxford Textbooks in Linguistics: Meaning in Language: An Introduction to Semantics and Pragmatics / A. Cruse. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 512 p.
3. Eremenko O. Female Nomina Professionalia in Russian Vocabulary of the 19th Century (Sociolinguistic Analysis) / O. Eremenko, V. Demicheva, K. Stebunova, V. Cherkasov, T. Yakovleva // Journal of History Culture and Art Research, 2017. – 6(4). – 1314-1324.
4. Etim E. “Herstory” versus “history”: A motherist rememory in Akachi Ezeigbo's ‘The Last of the Strong Ones’ and Chimamanda Adichie's ‘Half of a Yellow Sun’ [Электронный ресурс] // Cogent Arts & Humanities. – 2020. – Vol. 7, № 1. – URL: https://doi.org/10.1080/23311983.2020.1728999 (дата обращения: 22.07.2025).
5. Goddard C. Semantic Analysis: A Practical Introduction / C. Goddard. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 432 p.
6. Haldner V. Neologisms in social media / V. Haldner. – Munich: Grin Verlag, 2017. – 48 p.
7. Haspelmath M. Understanding morphology / M. Haspelmath, A. D. Sims. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 224 p.
8. Hofstadter D. R. Surfaces and Essences: Analogy As the Fuel and Fire of Thinking / D. R. Hofstadter, E. Sander. – New York: Basic Books, 2013. – 592 p.
9. Kant I. Anthropology from a pragmatic point of view / I. Kant. – St. Petersburg: Nauka, 1999. – 471 p.
10. Kempson R. M. Mental Representations: The Interface between Language and Reality / R. M. Kempson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 240 p.
11. Language Files: Materials for an Introduction to Language and Linguistics. 13th Edition. – Columbus: Ohio State University Press, 2022. – 784 p.
12. Marcel C. Language as a means of mental culture and international communication / C. Marcel. – London: Facsimile Publisher, 2016. – 448 p.
13. Shepherd N. Rethinking Heritage in Precarious Times: Coloniality, Climate Change, and Covid-19 / N. Shepherd. – London: Routledge, 2023. – 276 p.
14. Stonham J. Macmillan Modern Linguistics: Morphology / J. Stonham, F. Katamba. – London: Palgrave Macmillan, 2006. – 400 p.
15. Taft M. Reading and the Mental Lexicon / M. Taft. – London: Taylor & Francis Group, 1993. – 164 p.
16. Wahl-Jorgensen K. Journalism and the Coronavirus Pandemic / K. Wahl-Jorgensen. – London: Routledge, 2025. – 218 p.
17. Zeiser P. A. Social Media Ethics and COVID-19: Well-Being, Truth, Misinformation, and Authenticity / P. A. Zeiser. – London: Routledge, 2024. – 170 p.

18. Cambridge Advanced Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. – Cambridge University Press. – URL: https://dictionary.cambridge.org (дата обращения: 15.07.2025).

19. Halsey W. D. Macmillan Dictionary for Students / W. D. Halsey. – New York: Simon & Schuster Books for Young Readers, 1984. – 1216 p.

20. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – Merriam-Webster, Incorporated. – URL: https://www.merriam-webster.com (дата обращения: 15.07.2025).

21. Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. – Oxford University Press. – URL: https://www.oed.com (дата обращения: 15.07.2025).

22. Peckhan A. Urban Dictionary: Freshest Street Slang Defined / A. Peckhan. – Kansas City: Andrews McMeel Publishing, 2022. – 272 p.

23. BBC.com [Электронный ресурс]. – URL: https://www.bbc.com (дата обращения: 22.07.2025).

24. GreenGeeks. How to Help Make Content Go Viral and Why it's Important [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: https://www.greengeeks.com/blog/making-viral-content/ (дата обращения: 15.07.2025).

25. Harvard Health [Электронный ресурс]. – Harvard Medical School. – URL: https://www.health.harvard.edu (дата обращения: 15.07.2025).

26. Jedike F., Weitz V. About German dictionary [Электронный ресурс]. – 2021. – URL: https://www.dw.com/ru/a-54613723 (дата обращения: 20.07.2025).

27. Miklailina I. German's Duden will become gender correct [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/ausbildung/Sprache/-/2436734 (дата обращения: 02.07.2025).

28. The Guardian [Электронный ресурс]. – URL: https://www.theguardian.com (дата обращения: 22.07.2025).

29. The New York Times [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nytimes.com (дата обращения: 22.07.2025).

УДК 372.881.161.1

СПЕЦИФИКА УСВОЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ЛАОССКИМИ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ

Шестакова Екатерина Владимировна
Профессор кафедры иностранных языков,
кандидат филологических наук, доцент,
Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил
Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского
и Ю.А. Гагарина Министерства обороны Российской Федерации
в г. Челябинске, Челябинск, Россия
SPIN-код: 1703-3703

Исаева Лилия Расиховна
Профессор кафедры иностранных языков,
кандидат филологических наук, доцент,
Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил
Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского
и Ю.А. Гагарина Министерства обороны Российской Федерации
в г. Челябинске, Челябинск, Россия
SPIN-код: 2464-2480

На современном этапе развития образовательной парадигмы русский язык является одним из ключевых средств международного общения, обмена культурным опытом и профессионального роста специалистов различных сфер деятельности. Экономические, политические и культурные факторы обусловили повышенное внимание к русскому языку как иностранному (РКИ) со стороны граждан различных стран. Развитие информационных технологий позволяет выбирать наиболее комфортный способ изучения русского языка как иностранного, однако обучение на подготовительном курсе вуза не теряет своей значимости и актуальности. В большинстве университетов Российской Федерации созданы образовательные программы по изучению русского языка как иностранного гражданами ближнего и дальнего зарубежья. Не являются исключением и военные вузы РФ. В данной статье представлено обобщение педагогического опыта обучения РКИ лаосских военнослужащих в Военно-Воздушной академии в г. Челябинске, поскольку, по мнению авторов, именно представители данной страны испытывают наибольшие трудности в усвоении русского языка.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, Лаос, лаосский язык, структура языка, принцип опоры на родной язык, методы обучения.

SPECIFICITY OF LEARNING THE RUSSIAN LANGUAGE BY LAOTIAN MILITARY PERSONNEL AT THE INITIAL STAGE OF TRAINING

Shestakova Ekaterina Vladimirovna
Professor of the 5th Department of Foreign Languages, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Air Force Military Educational and Scientific Centre "Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin" of the Ministry of Defence of the Russian Federation in Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russia

Isayeva Liliya Rasikhovna
Professor of the 5th Department of Foreign Languages, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Air Force Military Educational and Scientific Centre "Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin" of the Ministry of Defence of the Russian Federation in Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russia

At the current stage of educational development, the Russian language is a key means of international communication, cultural exchange, and professional development for specialists in various fields. Economic, political, and cultural factors have led to increased attention to Russian as a foreign language among citizens of various countries. Advances in information technology make it possible to choose the most convenient way to study Russian as a foreign language, but preparatory courses remain important and relevant. Most universities in the Russian Federation have created educational programs for the study of Russian as a foreign language for citizens of neighboring and distant countries. Russian military academies are no exception. This article presents a summary of the pedagogical experience of teaching Russian as a foreign language to Laotian military personnel at the Air Force Academy in Chelyabinsk, as, according to the authors, it is precisely Laotian military personnel who experience the greatest difficulties in mastering the Russian language.

Keywords: Russian as a foreign language, Laos, Lao language, language structure, principle of reliance on the native language, teaching methods.

*****

Лаосская Народно-Демократическая Республика – довольно молодая страна, которая находится на юго-востоке Азии. История этой страны сложная: на протяжении долгого времени страна находилась в вассальной зависимости от соседей, затем около века была колонией Франции, после обретения свободы затяжная гражданская война лишила государство возможности активного экономического роста и развития. Коммунистический строй сменился демократическим, что послужило началом развития взаимоотношений с другими странами. Это развивающаяся страна с экономическим уровнем ниже среднего, что накладывает отпечаток на все сферы жизни граждан.

В советское время сотрудничество между Лаосом и СССР стало причиной активного изучения русского языка в Лаосе, однако в 90-е годы изучение русского языка велось только в школе при Посольстве РФ. Изучение русского языка фактически прекратилось на 30 лет. В настоящее время наблюдается тенденция к возрождению и укреплению сотрудничества между Ласом и Российской Федерацией, а следовательно, возникает и необходимость в изучении русского языка. Особенно важным владение русским языком становится для военнослужащих, поскольку, несмотря на огромную роль сельского хозяйства в развитии страны, профессия военнослужащего – одна из приоритетных при выборе будущей карьеры.

Процесс усвоения русского языка как иностранного для многих сопряжен с различными трудностями, обусловленными сложностью грамматики, богатством лексики и особенностями произношения. Однако именно представители ЛНДР уже на начальном этапе обучения сталкиваются с наибольшими сложностями. «Об особенностях преподавания РКИ в лаосской аудитории говорят и те, кто работает с лаосскими студентами (курсантами) в России, и те, кто осуществляет свою педагогическую деятельность в Лаосе. Все исследования вызывают интерес и представляются полезными для тех, кто работает не только с лаосскими, но и с другими азиатскими студентами (курсантами), так как существуют общие факторы, которые оказывают влияние на процесс изучения студентами (курсантами) – азиатами РКИ и затрудняют его. Знание этих факторов позволит преподавателю помочь преодолеть обучающимся эти трудности» [1, с. 262].

Прежде всего, сложности в усвоении русского языка обусловлены лингвистическими факторами.

Лаосский язык относится к тайской языковой семье, юго-западной подгруппе. Литературная форма языка сформировалась под влиянием вьентьянского диалекта, а на диалекты лаосского языка, которых насчитывается до нескольких десятков, оказала воздействие литературная форма тайского языка. Лаосский язык тоновый, изолирующий, грамматический строй характеризуется аналитизмом, «критериями для выделения частей речи служат общие синтаксические свойства слов, сочетаемость слов, а также особенности морфологической структуры (для многоморфемных слов)» [2].

Лаосский язык представлен 12 гласными фонемами и 28 согласными. В лаосском языке отсутствует корреляция по глухости/звонкости и твердости/мягкости. В ходе изучения фонетической системы русского языка лаосские военнослужащие испытывают значительные трудности, поскольку в лаосском языке отсутствует значительное количество фонем русского языка, что приводит к неразличению шипящих звуков [ш], [щ], [ч], вместо которых курсанты слышат [с]. В свою очередь, фонемы [с] и [з] также оказываются неразличимы, аналогичная ситуация возникает при знакомстве с [р] и [л]. Смешение фонем прослеживается и при изучении [ч] и [ц], например, лексемы ветер и вечер будут произноситься ближе к звуку [т'].

В отличие от консонантного характера русского языка, лаосский язык – вокалический, все слоги в лаосском языке являются носителями тона. Слоговая структура имеет две модели: согласная фонема + гласная фонема; согласная фонема + гласная фонема + согласная фонема. Разница в фонологических системах русского и лаосского языков приводит к тому, что работа над произношением становится значительно более трудоёмким и длительным процессом, результаты которого обнаруживают себя лишь спустя значительное количество времени, а также приводит к «значительной фонетической интерференции, порождающей акцент» [3, с. 5].

Помимо фонетических трудностей, лаосские курсанты при изучении русского языка как иностранного испытывают и лексико-грамматические. Поскольку лаосский язык является изолирующим, слова не изменяются по падежам, а грамматические отношения выражаются с помощью порядка слов и предлогов, кроме того, в лаосском языке отсутствует такие грамматические категории, как род и число. При необходимости указать на множественность используются числительные. Зачастую лаосцы слышат предложно-падежную форму как одну лексему и воспринимают, например, словоформы самолёт, в самолёте, самолётом как слова с различным значением, что побуждает в некоторых случаях к поиску услышанного слитно «всамолёте» в словаре.

Глаголы в лаосском языке не спрягаются, время, вид и модальность глагола выражаются с помощью наречий времени, модальных глаголов и порядка слов.

Синтаксический строй двух языков также не имеет общей структуры: в русском языке свободный порядок слов, в лаосском – фиксированный и имеет большое значение для понимания смысла предложения. Обычно используется модель «подлежащее – сказуемое – дополнение». В лаосском языке используются как предлоги (перед словом), так и послелоги (после слова) для выражения грамматических отношений, а в предложении нет пробелов между словами. Например, фраза Я купил тетрадь в лаосском языке является одной графемой: ຂ້ອຍຊື້ປື້ມບັນທຶກ. Этот факт приводит к возникновению существенных сложностей в написании предложений на слух.

Диаметральные отличия русского и лаосского языков приводят к сложностям в реализации принципа опоры на родной язык при изучении иностранного. Кроме того, как правило, лаосские военнослужащие не владеют другими иностранными языками, поэтому проанализировать схожие языковые явления, которые могли бы облегчить понимание русского языка, не представляется возможным.

Данный факт значительно замедляет процесс усвоения русского языка лаосцами, что сказывается и на их уровне владения РКИ по окончании подготовительного курса.

Затруднения, которые возникают у лаосцев при изучении русского языка, связаны и с нелингвистическими факторами. Одним из них является общий уровень образования курсантов, прибывающих на обучение. Система образования в Лаосе имеет следующую структуру: дошкольное образование и начальное образование нормативной продолжительностью 5 лет (1-5 классы, нормативно установленный возраст доступа к программе – 6 лет); среднее образование, включающее первый цикл нормативной продолжительностью 3 года (6-9 классы), а затем второй цикл также продолжительностью 3 года (10-12 классы).

На программы профессионально-технического образования принимают выпускников первого цикла среднего образования. При завершении таких профессиональных программ продолжительностью 4 и 3 года соответственно выпускникам присваивается профессиональная квалификация, дающая доступ к профессиональной деятельности.

Программы высшего образования реализуются всего в трех университетах, педагогических колледжах и частных институтах. Как это ни странно, но в Лаосе до сих пор очень велик процент неграмотности. Умеют писать, читать, выполнять простейшие математические действия по данным 2022 года около 85% граждан старше 15 лет. На сегодняшний день 5% мужчин и 8% женщин от 15 до 24 лет не умеют читать и писать.

Зачислены в начальную школу 97% населения, а в среднюю только 56% населения страны. Обучение в школе возможно в основном в крупных населенных пунктах, на периферии школ нет, не хватает учителей, оборудования и учебников. Все эти факторы приводят не только к сложностям в усвоении нового для обучающихся языка, но и к слабой сформированности учебных умений и навыков в целом, например, возникают сложности при работе с таблицами, с заданиями на подстановку или поиском лишнего (слова, модели), использованием словарей, конспектирования.

Работа со справочной литературой также имеет некоторые нюансы не только для обучающихся, но и для преподавателей. Длительный перерыв в сотрудничестве Лаоса и России привел к тому, что интерес к русскому языку в этот период был существенно снижен, следовательно, не было потребности и в разработке и издании актуальной учебной и справочной литературы. В настоящее время, когда взаимоотношения между странами восстанавливаются, активным в использовании можно назвать словарь под редакцией Л.Н. Морева (2004г.), однако «за это время в странах произошли изменения, изменилась политическая обстановка как в Российской Федерации, так и во всём мире, наука и техника не стояли на месте, военная, образовательная, торговая сферы получили развитие, что нашло своё отображение в языке» [4, с. 49]. Именно поэтому вопрос о разработке современной учебно-материальной базы для обучения лаосских слушателей остается открытым.

Следующий фактор, оказывающий влияние на процесс усвоения русского языка как иностранного слушателями из Лаоса – особенности менталитета.

Мировосприятие лаосцев строится на основе буддизма и конфуцианства, где в основе взаимоотношений лежит уважение к человеку и глубокое уважение, почти поклонение, учителю, что влечет за собой необходимость создания особой атмосферы на занятиях, особенно это касается вопросов коррекции ошибок. В менталитете лаосцев недовольство учителя воспринимается очень болезненно, что, в свою очередь, может привести к тяжелым психологическим барьерам: курсант эмоционально «закрывается», переживает внутренний конфликт, что существенно снижает степень восприятия информации урока. Исходя из этого, преподавателю следует проявлять бóльшую терпимость в случаях вынужденного многократного объяснения, снизить при необходимости темп урока, поощрять обучающихся за малейшие успехи, создавая тем самым атмосферу принятия и дружелюбия, что, на

первый взгляд, противоречит обучению в военном вузе, требующему строгости и дисциплинированности.

Принимая во внимание выше сказанное, следует отметить, что обучение слушателей из Лаосской Народно-Демократической Республики влечет за собой пересмотр некоторых методов обучения. «Учет межкультурных и межъязыковых факторов дает преподавателю русского языка как иностранного возможность выработать такую коммуникативную стратегию, которая позволит достичь в обучении слушателей-курсантов из Лаоса желаемого результата, поставленного программой дисциплины» [5, с.65].

Во-первых, особое внимание уделить этапу вводно-фонетического курса, более тщательно проработать постановку звуков и не исключать фонетическую работу на протяжении всего процесса обучения, даже при переходе на следующие уровни А2 и В1. Явление фонетической интерференции может привести к ошибкам в понимании и написании слов в дальнейшем, поскольку «под действием фонетической интерференции происходит искажение облика звуков и в конечном итоге слов. Привычный принцип орфографии (буквальная фиксация звучащего) калькируется и приводит к неверному устному и письменному воспроизведению лексем» [6, с. 122].

При работе с лексикой на начальном этапе обучения рекомендуется активно использовать принцип наглядности при работе с новыми словами и использовать лексический опрос на каждом занятии в качестве средства контроля. Такие способы семантизации лексики, синонимия, понимание из контекста, применение ассоциаций и в некоторых случаях прямой перевод по словарю, вызывают затруднения.

В ходе изучения сложных грамматических тем необходимо более тщательно отбирать теоретический и практический материал урока, по возможности делить сложные темы на небольшие по объему этапы, которые легче усвоить. В ходе обучения грамматике русского языка преподавателю необходимо «учитывать знания о системе языка и сопоставлять системы русского и лаосского языков, однако это не всегда эффективно, поскольку обучающиеся в большинстве случаев не изучают родной язык с филологической точки зрения у себя в стране. Преподавателю нужно учесть, что грамматика лаосского языка простая, в нем нет такой развернутой системы падежных окончаний, нет такого разнообразия глаголов движения, понятия вида и др.» [1, с. 263].

Не стоит исключать и помощь более сильных слушателей, чьи навыки обучения развиты чуть больше.

Преподаватель, работающий с курсантами из Республики Лаос, должен быть терпелив, толерантен, с уважением относиться к слушателям и быть готовым к новым способам и методам работы в аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лапшина О.Г., Сэнгтьян Б.Б. Проблемы изучения русского языка как иностранного в лаосской аудитории / О.Г. Лапшина, С. Б.Б. Сэнгтьян // Материалы VI Международной научно-методической конференции «Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты». – Омск: Филиал федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Военная академия материально-технического обеспечения имени А.В. Хрулева» Министерства обороны Российской Федерации в г. Омске, 2020. – С. 260–264.

2. Бурченкова А.А. Обучение русскому языку иностранных военнослужащих из Лаоса. Принцип учёта родного языка / А.А. Бурченкова // «Гуманитарные научные исследования». 2011. – № 4. – URL: https://human.snauka.ru/2011/12/321 (дата обращение 16.09.2025)

3. Усатюк Н.Б. Явления фонетической интерференции в речи иностранных военнослужащих из Лаоса / Н.Б. Усатюк // Филология и лингвистика. – URL:

https://interactive-plus.ru/e-articles/info_collection-20141022/info_collection-20141022-4279.pdf (дата обращения: 15.09.2025)

4. Лапшина О. Г, Мельник Ю.А. из опыта составления русско-лаосского словаря военных терминов / О.Г. Лапшина, Ю.А. Мельник, К. Виенгсаванг, К. Даунсонгкхам, К. Тхантхавонгксай // Русский язык в военном вузе. – 2022. – № 2 (6). – С. 47– 55.

5. Антонова Н.А. Экстралингвистические факторы и внутриязыковая специфика преподавания русского языка как иностранного в группах обучающихся из Лаоса / Н.А. Антонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2021. – Т. 21, вып. 1. – С. 63 – 67.

6. Бакланова, Е.А., Барбасоева М.В. Некоторые причины возникновения коммуникативных сбоев и способы их предупреждения в процессе обучения русскому языку как иностранному лаосских учащихся / Е.А. Бакланова, М.В. Барбасоева // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. – 2019. – № 5 (27). – С. 117–129.

7. Замятина Е.С. особенности лаосской языковой картины мира и ее влияние на обучение русскому языку как иностранному / Е.С. Замятина // Сборник научных статей VII Всероссийской научно-практической конференции «Традиции, новации и перспективы преподавания русского языка как иностранного в вузе». – Пенза: Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева, 2025. – С. 61–66.

8. Катышева Н.С. Особенности обучения русскому языку лаосских курсантов / Н.С. Катышева // Лингвокультурология. – 2018. – № 12. – С. 122 – 127.

9. Смелкова И.Ю. Особенности обучения русскому языку как иностранному носителей лаосского и кхмерского языков в неязыковых вузах / И.Ю. Смелкова // Современные проблемы науки и образования. – 2024. – № 5. – С. 47.

10. Морев Л.Н. Лаосский язык / Л.Н. Морев, В.Х. Васильева, Ю.Я. Плам. – М.: Наука, – 1972. – 256 с.

11. Шкуро О.В., Коноваленко И.В. Трудности освоения русской фонетики курсантами из Лаоса и пути их преодоления / О.В. Шкуро, И.В. Коноваленко // Сборник научных статей по итогам работы Всероссийской научной конференции с международным участием «Современные проблемы мультилингвизма: инновационные подходы к осмыслению». – Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2019. – С. 232 – 236.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Файл с текстом статьи должен иметь расширение *.doc или *.docx. Разметка страницы: поля со всех сторон 2 см, ориентация книжная, формат А4. Текст набирается шрифтом Times New Roman, размер (кегль) 14, абзацный отступ 1,25 см, межстрочный интервал полуторный с использованием автоматической расстановки переносов. Аннотация (от 100 до 150 слов); ключевые слова на русском языке (от 8 до 15 слов). Название статьи, аннотация, ключевые слова, сведения об авторах должны быть переведены на английский язык.

Исключить громоздкие цифровые и формульные таблицы, а также рисунки, более, чем на 0,5 страницы. Все таблицы и рисунки должны быть в тексте, подписаны, ссылки на них по тексту обязательны.

Список использованной литературы составляется по алфавиту в конце статьи в соответствии с ГОСТ. Источников литературы не менее 10 источников. Ссылки на литературу в тексте отмечаются арабскими цифрами в квадратных скобках.

В статье должны быть указаны следующие сведения о каждом авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); место работы и должность; ученая степень; домашний адрес (если необходимо почтовый экземпляр); контактный телефон; адрес электронной почты. Название ВУЗов полностью, без сокращений.

Максимальное число авторов в статье – 4.

Процент авторского текста должен составлять не менее 75%.

Текст статьи должен включать в себя следующие обязательные компоненты:

- индекс УДК (универсальной десятичной классификации). Желательно, чтобы индекс УДК автор подбирал совместно со своим научным руководителем, поскольку индекс влияет на отнесение статьи к той или иной специальности, что важно для учета публикаций при защите диссертации;
- авторские метаданные (Ф.И.О. автора (авторов), сведения о месте работы с полным названием учреждения (учреждений), город и государственная принадлежность);
- название публикации (не следует использовать в названии формулы, а также сокращения и аббревиатуры);
- аннотацию. Ее объем аннотации должен составлять 100–150 слов. В аннотации содержится конкретное и краткое изложение проведенного исследования и его результатов. Допускается отсутствие аннотации в текстах рецензий, отчетов, обзоров, отзывов и иных подобных материалов;
- блок ключевых слов (не менее 8 и не более 15 единиц). Ключевые слова выстраиваются в первую очередь по значению, во вторую – в алфавитном порядке;
- собственно текст статьи;
- сведения об источниках финансирования исследования (при наличии): номер и наименование гранта, организация-грантодатель;
- список использованных при подготовке статьи источников (литературы);
- сведения о дате подготовки статьи.

Для публикации в журнале необходимо направить на адрес электронной почты: Acabem.rus@yandex.ru текст статьи на рецензирование. Название файла -фамилия первого автора

Учредитель: Тихонова Жана Сергеевна
Издательство: ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «РОСТПОЛИГРАФ»,
Адрес издательства: 105187 г. Москва, ул. Вольная д. 28/4 к.1
Типография: Индивидуальный предприниматель Тихонова Жанна Сергеевна, ИНН 615108078357, ОГРНИП 322619600168289
Адрес типографии: 346715, РОССИЯ, обл РОСТОВСКАЯ, р-н АКСАЙСКИЙ
ISSN электронного сетевого издания 3034-1337
Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия Эл № ФС77-87087 от 01 апреля 2024 г.
Зарегистрировано: ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ, ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ (РОСКОМНАДЗОР)
E-mail: Acabem.rus@yandex.ru
Вебсайт: https://rostizdat.ru/nachala-russkogo-mira/
Выход в свет 25.09. 2025г., объем 9,50 п.л.
Издание сетевое, электронное
Цена свободная

ISSN 3034-1337

9 773034 133006 >